

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. Б. АЛАЕВ

ТАКОЙ Я ВИДЕЛ ИНДИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор
М. А. АЛЕКСАНДРОВ

Алаев Л. Б.

А 45 Такой я видел Индию, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971.

319 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»).

Основу книги составляют личные впечатления автора от двух длительных научных командировок (в 1963 и 1968 гг.). Побывав во всех частях страны, он видел города и деревни, величественные памятники древности и современные заводы, религиозные обряды и пр. Он рассказывает о людях, с которыми познакомился и подружился во время поездок. Специальность историка Индии и личные встречи дают автору богатый материал для освещения сложных проблем современного политического и социального строя страны, стремящейся вырваться из вековой отсталости.

OCR – Aspar, 2011.

ОТ РЕДАКТОРА

Л. Б. Алаев пока не приобрел известности как журналист, но в среде ученых-востоковедов его имя произносится с уважением. Впрочем, когда исследователь превращается в рассказчика, это настораживает. Слишком часто результатом бывает унылая лекция с вкраплениями профессорского юмора. Л. Б. Алаеву удалось избежать подобной опасности и проявить в своей первой очерковой работе немалые литературные способности.

Л. Б. Алаев написал хорошую книгу. От большинства описаний путешествий по Индии она отличается тем, что в ее основе лежит не просто наблюдение, а изучение страны. Эту книгу не стыдно предложить вниманию самого взыскательного читателя.

М. Александров

12.IV.71

СОДЕРЖАНИЕ

- 1. ПОЧЕМУ ИНДИЯ?**
- 2. ИНДИЯ ГОРОДСКАЯ**
- 3. НЬЮ-ДЕЛИ**
- 4. СТАРЫЙ ДЕЛИ**
- 5. КАЛЬКУТТА**
- 6. БОМБЕЙ**
- 7. МАДРАС**

8. МНОГОЭТАЖНАЯ ДЕРЕВНЯ
9. КТО САМЫЙ ГЛАВНЫЙ?
10. КТО ВЫШЕ?
11. ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В БОГА?
12. БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ
13. ЧТО САМОЕ СТРАШНОЕ?
14. ЧТО САМОЕ КРАСИВОЕ?
15. КАК ЭТО МОЖНО ЕСТЬ?
16. «БЛАГОДАРИМ ВАС! ПОСЕТИТЕ НАС ВНОВЬ!»
17. БЫЛО ЛИ НАЧАЛО И БУДЕТ ЛИ КОНЕЦ?
18. САМЫЙ ЛУЧШИЙ ЯЗЫК
19. ПО КАКОМУ ПУТИ?
20. ГОВОРИТЕ ЛИ ВЫ ПО-РУССКИ?

Памяти старого гуру —
первого проводника по Индии
профессора
Александра Михайловича О с и п о в а
посвящаю

1. ПОЧЕМУ ИНДИЯ?

Когда я морозной январской ночью ожидал посадки на самолет в Шереметьеве, этот вопрос не возникал у меня. Для человека, начавшего изучать Индию в студенческие годы, издавшего несколько работ по истории страны, естественным было стремление попасть в нее, «почувствовать» ее, увидеть собственными глазами памятники древней культуры, узнать новую Индию, ставшую хозяйкой своей судьбы. Мои товарищи, уже побывавшие там, говорили мне, что страна производит неизгладимое впечатление, не идущее ни в какое сравнение с впечатлением от книжного знакомства.

Но у читателя подобный вопрос может возникнуть. Зачем еще одна книга об Индии после многочисленных воспоминаний советских деятелей культуры, после трезво-лирической книги Орестова, после блестящих эссе И. Эренбурга, после перевода на русский язык увлекательных книг Корбетта и содержательных очерков Л. Кренека? Тем более что книги, как только что было сказано, не могут заменить личных впечатлений?

Ну, во-первых, каждый воспринимает по-своему. Во-вторых, речь пойдет почти о сегодняшнем дне, об Индии 1963 и 1968 гг. В-третьих, я полагаю, что моя специальность историка Индии позволит мне рассказать о ней то, что осталось не замеченным другими. И, наконец, что греха таить, даже имея перед глазами массу примеров, свидетельствующих, как трудно понять чужую культуру и еще труднее написать о ней, я все же не мог преодолеть соблазна. Лышу себя надеждой, что мне удастся передать атмосферу «настоящей» Индии, Индии «как она есть», показать читателю хотя бы некоторые черточки индийского быта.

У психологов существует такой тест. Обследуемому называют слово и просят дополнить его первым пришедшим в голову по ассоциации словом или выражением. Девяносто из ста на «яблоко» отвечают «груша», на «Пушкин» — «Лермонтов», а на «Индия» — «Страна чудес». Уже не раз объясняли, почему возник этот стереотип и как он сохранился до наших дней. И уже не раз писали, что эта характеристика мало соответствует сегодняшней действительности.

В последние столетия Индия лишилась наиболее яркого признака своей «чуждости» — богатства. Английские колонизаторы, вывозившие из колонии громадные суммы, превратили ее в одну из самых бедных стран мира. А в годы независимости исчезли княжества, правители которых даже при англичанах стремились

поддерживать роскошный и расточительный, чисто «восточный» образ жизни, поражающий воображение экономного европейца. Многие из них остались богатыми людьми, но теперь не модно содержать гигантские гаремы и слоновники, принято ходить в скромных европейских костюмах (сшитых в Париже) и жаловаться на бедность. Нет, экзотический быт и восточная нега уже не поразят европейца, привыкшего к горячей воде в кране и теплым туалетами.

Правда, не исчезла другая сторона «чуждости» — своеобразный взгляд индийцев на мир, их удивляющая всех способность отказываться от материальных благ ради духовных ценностей, умение некоторых из них (йогов) владеть своим телом и показывать чудеса тренированности и пластики. Религиозные учения Индии получили в последние годы большую популярность на Западе, где преклонение перед жизненными удобствами иссушает человеческую душу и заставляет ее искать какие-то иные идеалы. Даже битлы — знаменитый квартет английских модных певцов — поехали в Индию, чтобы взять несколько уроков смирения у проповедника Махайоги. Впрочем, проповеди им не понравились, и они через месяц, разочарованные, уехали обратно. Это событие несколько поколебало репутацию Махайоги, но еще больше подорвало престиж битлов, в который раз продемонстрировавших свое ужасное безбожие.

О йогах и чудесах мы поговорим позже. Пока же хочу уведомить читателя, что теперь в Москве есть собственный йог — преподаватель Московского университета А. Зубков, прошедший курс обучения в йогической школе. Он не только хорошо рассказывает о чудесах, но, говорят, даже показывает их. Впрочем, медики от этих лекций не в восторге.

Не исчезли великолепные памятники древней и средневековой культуры Индии, по праву занимающие место в списке чудес мира. Возрождаются классические танцы, музыка, изобразительные искусства, которые тоже нельзя не отнести к чудесам.

Отправляясь в Индию в январе 1963 г., я, конечно, отдавал себе отчет, что ни один народ, и даже индийский, не может жить чудесами. Я знал, что меня ждет встреча с огромной, бедной, растущей, а потому плохо организованной страной. Но разум — плохой советчик в чувствах. Понимая все это, я подсознательно ждал необыкновенного.

Потом была снова ночь и снова январь, на этот раз 1968 г. Обе поездки были научными командировками. Я исколесил всю страну, посетил ее основные районы — от холодно-синего Кашмира до душной и зеленой Кералы, испробовал чуть ли не все виды транспорта. Я видел крупные города — официальный Нью-Дели, грязно-красочный Дели, дымную Калькутту, строгий и деловой Бомбей, веселый Мадрас — и мелкие городки, сначала показавшиеся до удивления похожими и лишь постепенно раскрывавшие свое разнообразие. Был и в деревнях, гораздо более индивидуальных, как это ни странно, чем города. Жил в первоклассных и захудалых отелях, в общежитиях и на постоянных дворах, в индийских семьях разного достатка и однажды даже в конторе. Везде со мной был, как принято выражаться, испытанный друг — фотоаппарат «Зоркий». Но, как всегда, лучшие кадры остались неснятыми.

И все же многого в Индии я не увидел, о многом лишь догадываюсь. Научная командировка — это и хорошо и плохо.

Можно увидеть гораздо больше, чем если годами жить в одном городе, ходить на работу и на базар, на крикетные матчи и в гости к знакомым. Можно «объять» всю Индию, почувствовать ее многоликость, встретить совершенно неожиданных людей, вдоволь наговориться с пассажирами — кстати, они в Индии не менее, если не более разговорчивы, чем у нас. Наконец, обязанность научного работника в командировке — находить умных людей, думающих о проблемах страны и ищущих пути их решения.

Однако есть во всем этом некое верхоглядство, преимущественное внимание к внешнему, недостаточно глубокое проникновение в повседневную жизнь, случайный подход к явлениям, возможность делать скороспелые заключения. Среди тех, с кем общаешься в чужой стране, преобладает интеллигенция — техническая, чиновная и

творческая. Как и везде, она представляет лицо народа, но по лицу не всегда можно правильно судить о человеке, как нас ни пытаются уверить в обратном физиономисты.

В большинстве городов Индии я так и не побывал. Нечего и говорить о сотнях тысяч деревень. Утешением служит то, что увидеть всю страну не под силу никому. Я все же объехал ее дважды с перерывом в пять лет и мог сравнить не только книжные знания с личными впечатлениями, но и получить представление о том, как она меняется и что в ней меняется.

Итак, я думаю, что мои заметки будут достаточно правдивы, но не претендую на то, что они будут полны. Если бы можно было нарисовать полную картину жизни Индии, это было бы давно сделано специалистами и знатоками.

И еще одно. Индийцам редко нравятся книги, написанные иностранцами об их стране. В газете «Мазер Индия» в разделе юмора я как-то увидел этаким многозначительный диалог:

— Как к нам относятся на небесах?

— Я там еще не был. Нет никакого смысла рассказывать вам об этом, чтобы не уподобиться иностранцу, посетившему Индию за наш счет.

Въедливые чужестранцы, по мнению индийцев, часто критикуют совсем не то, что следует критиковать, и восхищаются тем, чем не следует восхищаться. Но это естественно. У людей разных культур разные точки зрения на ценности и мораль. Бесполезно стремиться возвыситься над собственными представлениями по поводу того, что хорошо и что плохо.

В этих заметках я буду говорить о том, что меня поразило не просто как человека и историка-индолога, а как русского и советского человека. Субъективность подхода несомненна, но с этим ничего не поделаешь. Надеюсь, мои симпатии и антипатии не всем моим индийским друзьям покажутся совершенно неосновательными.

2. ИНДИЯ ГОРОДСКАЯ

Есть несколько Индий. Самая большая и самая «настоящая» живет в деревнях — в 600 тысячах мелких и крупных поселений, довольно густо покрывающих равнины страны и даже забирающихся в горы. Но иностранному путешественнику прежде всего открывается другая Индия — Индия городов. Она во многом отличается от своей старшей сестры (может быть, лучше сказать — матери?). Она моложе, меньше по величине (20% жителей), у нее другой ритм жизни и даже другое население. Как нельзя понять и почувствовать Индию, увидев лишь ее меньшую и специфическую часть, точно так же нельзя понять ее, отбросив городские впечатления.

Путь в индийскую деревню и в прямом и в переносном смысле пролегает через город. Через него проходит дорога и в прошлое Индии и в ее будущее. С другой стороны, путь из города в город теперь уже не идет через деревни. Чтобы попасть из Дели в Калькутту, не нужно проезжать сотни хиндустанских, бихарских, бенгальских деревень: можно сесть на «Каравеллу» и прибыть в Калькутту через полтора часа. Можно, конечно, воспользоваться поездом, однако железнодорожные станции не дадут никакого представления о сельской местности и большую часть пути вы будете просто спать.

Любой прибывающий в Индию иностранец начинает знакомство с нею (к сожалению, часто и заканчивает) с городов. И мы начнем наше знакомство сверху, с того, чем Индия хочет казаться и чем она думает стать.

Первый «высший» уровень сети, связывающей всю страну, — система четырех городов-гигантов, как бы нарочно ориентированных на четыре стороны света.

В последнее время их особое социальное существование подчеркнуто самолетной трассой. Два самолета в день летают, меняя команду, по маршруту Дели-Калькутта — Мадрас — Бомбей — Дели и два других по той же трассе в обратном направлении. Эти четыре центра играют такую важную роль, что о них я расскажу отдельно.

Есть по крайней мере еще два городских уровня. Первый из них — нынешние или бывшие столицы штатов и княжеств, а также крупные промышленные города, никогда не имевшие административного значения. Перечисление их всех заняло бы слишком много места и было бы достаточно утомительным, но некоторые из них назвать стоит — Бангалур, столица штата Майсур, центр машиностроения и текстильной промышленности; Хайдарабад, столица штата Андхра (машиностроение и легкая промышленность); Ахмадабад, недавно ставший столицей штата Гуджарат, но уже около ста лет важнейший центр хлопчатобумажной промышленности; Канпур, просто промышленный центр в штате Уттар Прадеш; Пуна — научный и университетский центр, в XVII—XVIII вв. — столица державы маратхов, претендовавших на господство над всей Индией.

Конечно, такого рода характеристики не способны объяснить, чем эти города отличаются друг от друга. А отличия громадны. Бангалур, например, хотя там мне чаще всего приходилось бывать на предприятиях, запомнился как сплошной сад. Это один из самых зеленых городов не только в Индии, но, пожалуй, и в мире. Особенно красив он зимой, когда деревья, обрамляющие улицы и лужайки парков, цветут красными, желтыми, белыми и сиреневыми цветами. Он расположен на плато, довольно высоко над уровнем моря, и потому в нем не бывает очень сильной жары. Именно здесь предпочитали жить англичане, если они не возвращались домой после выхода в отставку. И Бангалур до сих пор остался в какой-то мере городом старых европейских джентльменов с собачками.

Хайдарабад — прежде всего мусульманский город: мечети, фески, купола и бороды там повсюду. На протяжении более двухсот лет он был столицей низама, крупнейшего из владетельных князей Индии, сокровища которого были так велики и так засекречены, что он прослыл самым богатым человеком в мире. Теперь у него есть лишь дворец и пенсия.

В городах этого типа обязательно имеются два бурно растущих района — административный и университетский. Иногда исключительно из них состоят целые города. Таким является, например, Бхубанешвар — новая столица штата Орисса. Создается впечатление, что в нем вообще нет ничего, кроме безупречных улиц, административных зданий, домиков с квартирами чиновников и громадного Уткальского университета.

Строительство «достойных» столиц штатов развернулось или развернется вскоре в Ахмадабаде (Гуджарат) и в Гаухати (Ассам).

Заслуживает особого внимания Чандигарх, один из новых городов, задуманный специально как столица штата Пенджаб. Чандигарх — явление не только в индийском, но и в мировом градостроительстве, потому что сооружен, вернее начал сооружаться, по проекту Корбюзье.

Мне этот опыт не кажется удачным, хотя, быть может, впечатление обманчиво и судить еще преждевременно, ведь строительство не завершено. На всхолмленной, совершенно выжженной равнине, вернее, во впадине, окруженной горами, там и сям возвышаются претенциозные здания. Закованные в бетон и стекло, они образуют то правильные параллелепипеды, то причудливые многогранники. Неожиданно торчат башни, похожие на покрякивающие заводские трубы, из земли или из стен выступают острые бетонные пирамиды.

Иногда эти здания красивы (например, Верховного суда или Картинной галереи), но чаще вычурны и поражают неуместностью, несоответствием пейзажу и естественным краскам Индии.

И уже просто раздражение вызывает то, что архитекторы мало учитывали особенности здешнего климата и здания не отвечают своему основному назначению — делать удобной жизнь и труд человека. Оказывается, в большинстве случаев они возводились в расчете на кондиционированные установки. Однако приобретение и эксплуатация кондиционера в Индии — дело чрезвычайно дорогое и непростое. Снабдить

ими все дома в городе невозможно. Да и нужно ли? В Чандигархе довольно умеренный климат, по крайней мере по сравнению с Дели. Здесь вполне можно было обойтись теми традиционными приемами «естественного кондиционирования», которые в течение веков выработали индийские градостроители. Пока же я задыхался в университетской библиотеке, с тоской глядя на потоки солнечного света, льющиеся в широкие окна. В прекрасном здании Верховного суда я, естественно, не работал, но мне страшно подумать о представителях панджабского правосудия, которым приходится подолгу сидеть там в черных, наглухо застегнутых костюмах.

Индийцы не любят солнца у себя дома, они любят, чтобы были веранда, где можно отдохнуть в более прохладное время суток, анфилада комнат (воздух, проходя через них, остывает), чтобы открытые окна, разного рода проемы, ажурные стены обеспечивали сквозняк. В результате разница в несколько градусов между температурой снаружи и внутри помещения позволяет чувствовать себя вполне сносно даже в страшную жару.

Дома, составляющие геометрически правильные жилые «секторы» Чандигарха, с индийской точки зрения неуютны и неудобны. С улицы или со двора сразу входишь в прихожую — узкий темный коридорчик, ну совершенно такой же, как в наших квартирах. Небольшие комнаты, заставленные необходимой мебелью, небогаты воздухом, а следовательно, душны. Ничего не сделано для естественной вентиляции.

Даже наиболее европеизированные жители Чандигарха с неоправданным смущением признавались мне, что они недовольны своими «осовремененными» квартирами.

Вместе с тем Чандигарх во многих отношениях выгодно отличается от других городов. Если не считать мусора и пыли от непрекращающегося строительства — это очень чистый город. Скоро он будет зеленым. В нем запрещено держать коров — постоянный источник грязи в городах вроде Калькутты. Но чтобы в нем можно было жить, его еще следует немного «индианизировать», приспособить к привычкам и вкусам жителей.

Следующий уровень — мелкие городки, центры дистриктов (округов) и талуков (районов). Как я уже говорил, все они кажутся на одно лицо. Подобное впечатление создается прежде всего удивительной однотипностью архитектурных сооружений — преобладают двух- и трехэтажные узкие белые дома. Климатические условия определяют другое единообразие — почти повсюду видны обширные веранды, плоские крыши, служащие террасами, зеленые садики перед домами.

В этих городках особенно заметно, что Индия — страна, имеющая крупные промышленные концерны и единый рынок, — в одинаковых лавчонках продаются конфеты и печенье одних и тех же сортов, содовая вода, кока-кола, соки, ткани. В каждом, даже самом маленьком городке обязательно имеется обувной магазин, над которым горит неизменная вывеска «Батя». Повсюду основным видом транспорта служат рикши, подсобным — тонги, двухколесные повозки, запряженные тощей лошадейкой.

Конечно, есть и отличия — в городках Южной Индии на базарах больше кокосовых орехов, ананасов, в Андхре — арбузов и дынь, в Северной Индии — мандаринов, манго и дорогих яблок, привозимых из Кашмира или из Симлы. Но вот бананы можно купить в любом месте и почти в любое время года.

Вопрос, едят ли их индийцы, так и остался для меня без ответа. Как будто бы должны — продаются бананы громадными массами на каждом углу и стоят очень дешево (один равен по цене примерно коробку спичек). Но я никогда не видел, чтобы кто-либо покупал много бананов, зато не раз видел, как они гниют на лотках. Куда девается вся эта масса — непонятно. Показательным, на мой взгляд, было поведение детей. Нередко случалось так, что мне нечем было угостить их, кроме банана. Я предлагал его со смущением — вдруг ребенок откажется, а родители будут недовольны. Нет, ребенок, даже из обеспеченной семьи, никогда не отказывался, хотя, понятно, не прыгал от радости. Он деловито очищал его и ел, родители же умилялись моему скромному гостинцу. По

собственному опыту я знаю, что дюжина бананов — это тот максимум, который можно себе позволить иногда, чтобы не наесться ими однажды на всю жизнь, поэтому я пришел к выводу, что индийские дети, а значит, и взрослые не объедаются бананами.

Если еще можно рассмотреть черты различия в городках разных географических районов, то в городках одного и того же штата страны их часто не обнаружишь вовсе.

Как-то мы ехали на машине по Керале, стремясь скорее добраться до постелей, ожидавших нас в Кочи-не. Ночь, конечно, опередила нас, упав на землю что-то около 7 часов. Машина мчалась сквозь черноту, посеребренную луной, пролетала мимо низких рисовых полей, врезалась в рощи кокосовых пальм на холмах и вот уже тормозила: впереди появлялись огни очередного городка. Мы въезжали на базарную площадь с лавками настезь, залитую светом электрических и карбидных ламп, набитую толпой, повозками, велосипедами, наполненную музыкой из репродукторов, возгласами торговцев и зазывал; шарканьем подошв и дымом от казанов, где готовился аппетитный ужин.

Минута, две, три — и города нет, снова чернота, луна, пальмы. Не успеешь привыкнуть к тишине, впереди снова маячат огни — и снова базарная площадь, точь-в-точь как та, которую мы только что покинули. И так три часа подряд.

Конечно, ночь сглаживает различия, подчеркивает общие приметы — шум, свет, лавки. Но и днем в каждом новом маленьком городке меня не покидало ощущение, будто я уже был здесь.

В сегодняшней Индии общими признаками городов, причем всяких — крупных и мельчайших, стали заводы и учебные заведения. Два-три заводика, действующих часто на ручном труде, обязательно дымят трубами и в Джалгаоне, и в Каддапе, и в Банде, и в сотнях других городов. И вы непременно увидите новые розовые, салатные или белые здания, на воротах которых красуется вывеска «Колледж» — сельскохозяйственный, педагогический или медицинский.

Да, городская Индия серьезно относится к задаче, возложенной на нее историей,— вести страну вперед, к индустриализации, науке и современной культуре.

А теперь вернемся к четырем гигантам, как бы представляющим Северную, Восточную, Западную и Южную Индию.

3. НЬЮ-ДЕЛИ

Когда мы подлетали к делийскому аэропорту Палам, я напомнил себе, что все аэропорты мира примерно одинаковы, что Дели — крупный город, что Маугли уже не бегает по джунглям. И все же я был разочарован. Это — Индия? Блеклое небо, запах бензина, асфальт. Тепло, но не настолько, чтобы чувствовать неудобство от свитера и шерстяного костюма (как я уже говорил, был январь). Лишь парящие в высоте знакомые по книгам коршуны — чили указывали, что территория аэропорта имеет к Индии некоторое отношение. Были, конечно, надписи на хинди, оборванные грузчики, много шума и гама — но все это воспринималось как некий знак, символ Индии, а не она сама.

Машина тронулась и поехала по прекрасному шоссе. Сейчас, утешал я себя, за воротами аэропорта начнется Индия. Ага, вот оно! Колодец — большая круглая яма с воротом. Женщины в ярких сари, желтых, пурпурных, голубых, наполняют водой блестящие на солнце медные кувшины. Но колодец остался позади, и потянулась сухая каменистая равнина.

Через пять лет колодец был все на том же месте. Так же играли блики на кувшинах. Но вплотную к нему подступали застроенные участки, и я подумал, что этот колодец, наверно, сохраняют нарочно, для иностранных гостей, жаждущих сразу же увидеть кусочек «настоящей», другими словами экзотической, Индии.

Вот и город. Город как город. Одно- или двухэтажные дома оригинальной, но вполне современной архитектуры, остановки автобуса, газоны, подстриженные на английский манер.

Около недели я прожил в Нью-Дели, мечтая увидеть тут «настоящую» Индию, пока не понял, что этот город — лишь выставка, витрина, что он имеет мало общего с остальной страной и со своим соседом-Дели.

Городов, известных под названием Дели, в истории Индии много. Нью-Дели — самый молодой из них. Он начал расти после 1911 г., когда англичане перенесли сюда из Калькутты столицу Британской Индии. В центре были сооружены дворец вице-короля, здания правительства, Законодательного собрания. Ансамбль, широкий и приземистый, окруженный просторными парками, которые прорезаны аллеями дорог, производит впечатление уверенной мощи и рассчитанного расточительства. Стиль построек может быть назван колониальным — в нем что-то от восточных арок и куполов и что-то от викторианской тяжеловесности.

Темно-красный песчаник и грубые формы призваны были подавлять зрителя. Некоторый ориентализм зданий должен был показать, что англичане являются наследниками Великого Могола и продолжают индийские традиции. Ту же идею подчеркивали разбитые рядом с резиденцией вице-короля «могольские сады» с экзотическими растениями и цветами, разделенные дорожками и арыками на правильные геометрические фигуры.

Сейчас этот ансамбль служит иным целям. Дворец вице-короля называется «Раштрапати-бхаван» (Дворец президента). Над ним реет флаг президента. В окружающих зданиях — Секретариат, т. е. аппарат правительства. В круглой коробке бывшего Законодательного собрания (которое не издавало законов) заседает парламент независимой Индии. Несколько месяцев в году публику пускают полюбоваться могольскими садами. Люди идут вереницей по утвержденному маршруту. На поворотах солдаты легким движением карабинов указывают путь.

Теперь ансамбль призван выражать идеи величия и суверенитета Индийской республики. Но надменность и самодержавность дворцов плохо вяжется с характером молодого государства. Политический строй его имеет свои недостатки, но его нельзя назвать ни жестким, ни деспотическим.

Здания колониального стиля разбросаны и по другим районам Нью-Дели — Верховный суд, Департамент налогов и др. Повсюду можно увидеть башенки с куполообразными навершиями, напоминающими гигантские контргайки от велосипедного руля. Этот стиль построек не ушел в прошлое вместе с британским владычеством — уже после достижения независимости была воздвигнута гостиница «Ашока» с такими же «контргайками» на башенках.

Когда я второй раз приехал в Индию, облик центра Нью-Дели изменился. Функции государства, стремящегося руководить развитием экономики и культуры, расширились, вырос чиновничий аппарат, созданы новые научные учреждения. Всем им нужно найти место в столице. Здания растут не только в центре, но наступают и на старый город. Новая архитектура мне очень понравилась — современные формы, четкое горизонтальное и вертикальное членение фасадов, искусная организация окружающего пространства и наиболее типичная деталь — солнцеотражатели в виде резких, выступающих граней или глубоких ниш, скрывающих окна. Мне казалось это красивым и отвечающим климатическим условиям страны, пока я не встретился с архитектором Шанкармом Брахме. Об этом интересном человеке я еще буду писать, здесь же сошлюсь на его мнение о современной архитектуре индийских городов:

— Наши так называемые архитекторы учились за границей — в Англии и США. Они прекрасно знают и умеют использовать новые материалы — бетон, стекло, современные методы орнаментации, но теряют представление о том, что нужно Индии. Они приезжают сюда и начинают строить дорого, «красиво» и совершенно не учитывая наших традиций и нашего климата.

— Но вот, например, в Дели... — вставил я.

— Да, да, о Дели я и говорю. Вы были когда-нибудь в этих зданиях? Почувствовали, какой там спертый воздух? Наш климат требует открытых аркад большой глубины, постоянной циркуляции воздуха, создания микроклимата внутри помещения. И древняя архитектурная традиция оставила нам массу подобных образцов. К сожалению, все это сейчас забывается. Строят «красивые» коробки, закупоренные со всех сторон.

Оказалось, что упреки, которые адресуют архитекторам Чандигарха, могут быть отнесены и к строителям Нью-Дели. Впрочем, после «разоблачений» Брахме мне не перестала нравиться новая архитектура, представленная прежде всего административными зданиями столицы. Яркая мозаика делает их веселыми и привлекательными. И даже по функциональным качествам вновь возведенные дома неизмеримо лучше старых клетушек, где жили и работали, а в массе до сих пор живут и работают, индийцы. Традиции национального зодчества — хорошая вещь, и их надо продолжать, но одно дело — традиция сооружений храмов и дворцов, а другое дело — традиция трущоб, фактически не защищающих их обитателей от жары и проливных ливней. Разрыв с этой традицией, увы, пока еще повсеместный и неполный, можно только приветствовать.

В столице размах строительства велик. Но здесь не увидишь башенных кранов, автопогрузчиков, панелевозов и прочей техники, ассоциирующихся в нашем представлении с крупной стройкой. Строительство — одно из наименее механизированных производств в Индии, при том, что уровень механизации и в других отраслях невысок. Невольно всякий раз удивляешься законченному зданию, если наблюдаешь, как оно сооружалось.

Роется котлован. На дне его рабочие кетменями наполняют каменные тарелки, вмещающие по две-три лопаты земли. Женщины в запыленной, но удивительно живописной одежде (здесь работают большей частью женщины из Раджастан) ставят тарелку на голову и выносят ее по наклонной доске наверх. Далее тарелка переходит с головы одной женщины на голову другой, потом третьей, и так по живому конвейеру достигает нужного места. Пустые тарелки таким же образом возвращаются обратно. Все это прodelывается в ровном, неторопливом темпе. Это даже красиво, но до чего же непроизводительно!

Однако через несколько дней котлован готов, и женщины теперь передают по конвейеру кирпичи и те же тарелки, но уже с цементом. Дом растет, вокруг него возводятся леса из бамбука. Стройка приобретает небрежный вид. Стволы бамбука кривые, стоят как-то наклонно, кажется, вот-вот упадут.

Это обманчивое впечатление: бамбук очень прочен, связывают его веревками крепко, и он превосходно выполняет свое назначение — служить опорой рабочим.

К лесам прикрепляют лестницы из того же бамбука. Они заменяют краны: на каждую ступеньку становится человек, и материалы передаются наверх тем же древним и надежным методом — по живому конвейеру.

При таких темпах и организации строительства появление после снятия лесов красивого здания, облицованного керамикой, диким камнем или бетоном необычной расцветки, воспринимается как чудо. Не знаю, не подсчитывал сроки строительства у нас и в Индии, но в душе осталось недоумение, вызванное неторопливостью, как бы незначительностью усилий рабочих и внезапностью возникновения дома.

Итак, Нью-Дели все более заполняется зданиями современного стиля, который мне хочется назвать «развивающимся» — по названию освободившихся стран Азии и Африки. И все же облик города определяют не эти здания и не круглая Каннаут-плейс — главный торговый центр, — а благоустроенные, фешенебельные виллы. На много километров улицы Нью-Дели окантованы заборами, низкими или высокими, каменными или керамическими, за которыми в тени садов прячутся белые одноэтажные, иногда двух-, редко трехэтажные строения. Они возводились для высшей английской аристократии и должны были помочь ей примириться с чуждым климатом. Сейчас английские правители

уехали домой, виллы перешли в собственность или временное владение индийской высшей бюрократии, но странным образом дома сохраняют свой прежний характер как бы вопреки их теперешним обитателям. В них нередко господствует английский быт, английская кухня и английский язык.

Содержать эти дачи невозможно без слуг — уборщиков, поваров, садовников. Попасть в такой дом можно только на машине (лучше иностранной марки) — въехать в одни ворота (in) и выехать в другие (out). Появиться в такси — низший предел респектабельности. Прийти пешком — значит навлечь на себя подозрение в бедности или в недопустимой экстравагантности.

В Нью-Дели живут люди, которые ездят на машинах, и слуги, которые ходят пешком или пользуются велосипедом. Поэтому там не нужны тротуары. Подавляющее большинство улиц здесь и называется вовсе не «улицы» (стрит), а «дороги» (роуд). И это действительно дороги с кюветами и обочинами — отгороженными от проезжей части камнем, но все же обочинами.

Не могу забыть свою первую прогулку по Дели. Я шел, охваченный чувством предвкушения чудесного, впитывал впечатления и не обращал внимания на пустынную улицу — на ней виднелось не более десятка прохожих и, уж конечно, я был единственным европейцем среди них. Вдруг передо мной вырос велосипед, а сзади засигналил второй. Постепенно до меня дошло, что я иду, собственно говоря, по велосипедной дорожке. Пришлось подвинуться поближе к дороге, но там были деревья, и путь мой стал напоминать лыжный слалом. Так я получил первый урок правил делийского уличного движения — ходить пешком не рекомендуется. Позже я усвоил и другой — индийские велосипеды, ведомые опытной и осторожной рукой, имеют ту особенность, что никогда ни на кого не наезжают. Об этом знают все делийские собаки, а я не знал.

Город строится бешеными темпами, расплзаясь по равнине на север, запад и юг. С востока его ограничивает река Джамна, а через нее перекинут пока только один мост. В 1963 г. районы Сундар-нагар, Лоди-эстейт, Чанакья-пури были окраинами, сейчас это уже обжитые места. Возникли новые районы — Хауз-хас, Дефенс-колони, Модел-таун. Они несколько более компактны: дома повыше и поуже, садики значительно меньше — нередко символические. Классический, или викторианский, стиль центра к окраинам сменяется современным — оригинальные, вычурные формы, нарочитое отсутствие симметрии. Здания — нечто среднее между особняками и многоквартирными доходными домами. И население здесь смешанное: в собственных домах обитают представители растущего класса буржуазии; квартиры снимает мелкое чиновничество, интеллигенция, предприниматели помельче. Жить в отдаленных районах — «колониях» приятно (чистый воздух и все городские удобства), но при одном непременном условии — если у вас есть машина. В крайнем случае можно обойтись мотороллером или велосипедом. Путешествие в центр на общественном транспорте, т. е. в автобусах, отнимает массу времени и выматывает душу.

Столица огромной Индийской республики занимает большую территорию, однако живет в ней едва ли более миллиона человек. По ее прямым красивым улицам-аллеям хорошо катить на машине. Отсутствие перекрестков — их заменяют круглые площади со сквером посередине, — прочное покрытие и слабая плотность движения позволяют даже из самого отдаленного района добраться до центра минут за 20. Тут самые фешенебельные отели, самые удобные кинотеатры, самые уютные рестораны. Впрочем, легко живется и дышится в городе тем, для кого он существует — людям, имеющим свой особняк, машину и слуг. В нем находятся академии разных искусств, выставочные залы и прочие учреждения культуры, и все же роль культурного центра поделили между собою другие города — Бомбей и Калькутта.

Описание столицы будет неполным без Каннаут-плейса. Географически он расположен на окраине Нью-Дели, но воспринимается как его истинный центр. Два кольца классических зданий, составляющих единый ансамбль, охватывают огромный круг

сквера. Кольцо разрывается радиальными дорогами, которые проходят насквозь через весь город.

Здесь вы купите любые товары — от американских автомобилей и советских тракторов до кустарных изделий местных, индийских, и зарубежных (даже русских матрешек). Цены довольно высокие, но торговаться в лавках Каннаута не принято. Зато вы можете быть уверены почти на 80%, что вам не всучат порченный или гнилой товар. Кроме того, прочесав лавки, вы обязательно найдете то, что вам нужно.

Индийцы среднего достатка не любят Каннаут — там слишком дорого. Они предпочитают лавки в Старом Дели, где можно поторговаться, найти среди хлама что-нибудь крайне необходимое. Они знакомы с уловками продавцов штопаных носков и лежалых материй, их не проведешь.

Но иностранцу, оглушенному шумом, обалдевшему от гама старого города, не знающему «истинной» цены и не умеющему торговаться, не остается ничего другого, как идти на Каннаут.

Разбитные приказчики, предлагая товар на четырех-пяти иностранных языках, включая русский, в мгновение ока вываливают перед ним ворох тканей, костюмов, платьев и кофточек, и нужно иметь твердость (это приобретается опытом), чтобы уйти из лавки, не купив ни одной из таких ярких вещей.

Впрочем, и на Каннауте бывает толпа — прежде всего в обувных магазинах Бати. Они открыты во всех городах Индии, и цены в них одинаковые — сравнительно низкие. Обувь Бати, не слишком фасонная, не претендующая на модность, обычно не привлекает внимания зарубежного туриста, но вполне удовлетворяет спрос индийского потребителя, а главное — его требование прочности и долговечности.

Лавки Бати — это особый мир, не похожий на мир индийского базара, но в то же время место, куда индиец, имеющий хоть какой-то достаток, обязательно заходит раз в год, а если у него большая семья — то и не раз.

В Индии можно слышать постоянно: «Ну, обувь надо покупать, конечно, у Бати».

Я не встречал индийца, который бы не разделял этого мнения. И тем не менее другие, мелкие обувные фирмы как-то существуют. Видимо, товары стандартизованного батевского производства, предлагающего лишь две-три модели обуви одного типа, не всегда отвечают эстетическим чувствам индийцев, любящих разнообразие и яркость. Тяга к красивому (или блестящему) и необычному нет-нет да и приведет индийского клерка, рабочего и даже крестьянина в лавку мелкой фирмы, где не всегда бывает нужный размер, но зато непременно найдешь «прекрасные (нигде больше не встретишь) босоножки».

Народ толпится и в других лавках, когда там объявляется распродажа в связи с окончанием летнего или зимнего сезона. Рынок диктует свои законы. Как бы тверд ни был хозяин, назначая высокую цену за свои красивые ткани и отказываясь уступить больше, чем 5—10%, по окончании сезона ему придется эти и другие, оставшиеся от позапрошлого сезона ткани отдавать за полцены. Капитал должен оборачиваться, лавка должна окупаться. В этом случае и на гордом Каннауте надо держать ухо востро. В ход пускаются освященные традицией ухищрения частной торговли — загрязненные или выгоревшие куски искусно маскируются, трещины на ботинках замазываются, позолота подновляется. И стоит весь день гомон, бегают потные приказчики, часами перебирают товары покупатели в белых одеждах, ища на грош пятаков.

В остальное время здесь прохладно и пусто. Заходи, располагайся удобно у прилавка или на стуле посреди помещения, попивай кока-колу за счет фирмы и выбирай.

А снаружи жизнь кипит с десяти до семи. Тут новый Дели встречается со старым. Нет мертвой тишины и чопорности нью-делийских улиц, но толпа богаче, спокойнее и европеизированнее, чем в старом городе. Лотки завалены авторучками, куда чернила заливаются прямо из пузырька, как в пробирку, галантереей, немислимыми сандалиями, у которых, кажется, кроме толстой резиновой подошвы, вообще ничего нет, книгами по всем отраслям знаний и книгами, не имеющими отношения к знаниям, марками и т. п.

Самые деятельные продавцы — мальчишки. Они бегают с десятком расчесок или авторучек, лихо торгуются, запрашивая в два раза больше того, что надеются получить, не жалеют ни глоток, ни рукавов прохожих. Для них продать или не продать — это вопрос их ужина, который часто служит и обедом.

Гораздо солиднее продавцы цветов. Преисполненные сознания своей нужности, они шествуют сквозь толпу, неся на головах круглые подносы с гирляндами жасмина и маргариток, изящным округлым движением руки преграждают путь нарядным дамам, разумеется, если те идут с кавалерами, и предлагают свой яркий товар. Их важность оправданна. Индийские женщины любят носить цветы (обычно в волосах), а индийские молодые люди любят дарить их. И если при взгляде на груды бананов, гуавы и других фруктов, которые, казалось, никто не покупает, меня охватывало недоумение, то при виде сотен лотков с цветами подобное чувство никогда не возникало: спрос на них постоянен и велик.

Нельзя обойти молчанием и такую категорию населения Каннаута, как чистильщики ботинок — подростки 10—15 лет. Они главным образом болтают и стучат щетками о фанерные ящики, уставленные флаконами с кремами разных цветов и назначений. Работы мало: далеко не все носят ботинки и далеко не все способны заплатить четверть рупии за чистку. На Каннауте эти мальчишки могут просуществовать благодаря волнам иностранных туристов, время от времени захлестывающих площадь. Туристы почему-то любят ходить в чищенных башмаках — а это не легко, когда вокруг столько пыли. Кроме того, туристы не знают цен. С них можно содрать и 2 рупии. Если же клиент откажется платить, можно устроить маленький скандалчик с криком и слезами — действует безотказно.

Пройти по Каннауту в грязных ботинках немислимо. Десятки мальчишек тут же подхватывают свои ящики и бегут за вами, оглашая воздух призывами: «Сааб (господин), почистим». Через минуту по характеру реакции они определяют национальность владельца штиблет и переходят на соответствующий язык. Кое-кто из них умудряется броситься прямо под ноги и мазнуть черные ботинки белым кремом, после чего приходится останавливаться и отдаваться в руки (в щетки?) маленьких разбойников.

Приехав в Индию во второй раз, я не обнаружил на Каннауте нищих. Я было решил, что это хороший признак, свидетельствующий о подъеме благосостояния, но вскоре понял, что ошибся. Нищих в Индии и в Дели не стало меньше, им просто запрещено появляться на Каннауте. Применяется оригинальный метод борьбы с ними — полиция время от времени производит облавы, сажает нищих на грузовики, вывозит за пределы города и там высаживает.

Настоящая борьба с нищенством невозможна по двум причинам. Во-первых, слишком много людей, которым ничего другого не остается делать — безработица. Во-вторых, многовековая традиция оправдывает нищенство, даже возводит его в добродетель: еще в древней литературе нищий святой (садху) считался наиболее близким к богу.

Конечно, совершенно разные вещи — выпрашивание подаяния (бакшиша) на Каннауте и нищенство как социальное явление. В Нью-Дели бакшиш — регулярный источник пропитания большой группы людей. Говорят, что существуют целые синдикаты нищих со строгой иерархией и дисциплиной, ворочающие большими капиталами. Не знаю, сам в этом убедиться не сумел. Но ясно, что бакшишное предпринимательство хорошо организовано. Нищие работают группами, поделив город на участки. Между группами порой вспыхивает вражда за территорию, за выгодный угол площади. То же наблюдается и в других местах, посещаемых туристами, т. е. в крупных городах и вокруг исторических памятников.

Гораздо ужаснее бакшишная психология, разъедающая душу. В университетской гостинице Нагпура маленькая дочка повара начала что-то выпрашивать у меня. Ее папа сказал ей назидательно:

— Подожди, дочка. Сааб завтра уезжает и обязательно даст нам бакшиш. Он даст нам пять рупий, и я куплю тебе сладостей.

Чаевые при расставании с отелем — неперенный обычай. Всегда в таких случаях начинаешь думать — сколько дать? На этот раз меня избавили от терзаний — цифра была названа.

На улице Дели я разговорился с девочкой лет девяти, тащившей на руках младшую сестренку. В конце «беседы» она попросила бакшиш и получила 10 пайс. Проходивший мимо эlegantный сикх погладил ее по головке: молодец, мол, зарабатываешь, помогаешь маме.

Впечатления от Каннаута и вообще от крупных городов обманчивы. Совсем не все индийцы проникнуты жаждой заработать что-нибудь на иностранце. В Аллахабаде, например, я сразу почувствовал другую атмосферу. Целый вечер я бродил по улицам и ни разу не услышал завывания бакшишника. Никому до меня не было дела. Идет человек — ну и пусть идет. Никого это не касается. Заходит в магазин — ну и пусть заходит. Хозяин не спешит навстречу с надетой улыбкой. В словах и движениях — достоинство.

Потом я убедился, что жителям большинства мелких городов, не говоря уже о деревнях, нищенская психология несвойственна.

Одна из наиболее неприятных форм попрошайничества распространена исключительно в Нью-Дели. На Каннаут-плейсе и прилегающих улицах к вам часто подходят деловитые молодые люди, юноши и девушки, и с милой улыбкой прикалывают к лацкану пиджака бумажный индийский флажок.

Вы слабо сопротивляетесь:

— Нет, нет, не надо!

— Но ведь это национальный флаг! — с неподдельной обидой восклицают они.

Ничего не поделаешь, национальные чувства надо уважать. Вы получаете флажок, патриот — рупию, а то и две, если вам неудобно торговаться.

Теперь вы можете путешествовать спокойно, но боже вас упаси снять флажок, выбросить его или положить в карман. Пусть он сообщает всем и каждому: /этот иностранец уже околпачен и вряд ли попадетя во второй раз.

Индия получила независимость в 1947 г., но процесс ее идеологического освобождения от колонизаторов идет неровно. И Нью-Дели как витрина Индии отражает это. В спешке переименовываются улицы, меняются памятники.

Раньше улицы назывались именами английских королей, вице-королей, военных, чиновников, сейчас — именами национальных героев, древних раджей и падишахов. «Кингсвей» (Дорога короля) получила название «Раджпатх» (Путь государства), «Квинсвей» (Дорога королевы) — «Джанпатх» (Дорога народа), но статуя Георга VI, стоявшая в конце Кингсвея, то бишь Раджпатха, была убрана лишь в 1968 г.

Создалась какая-то фантазмагория имен. Карта Дели напоминает тематический кроссворд «Деятели индийской истории». Улицы Акбара и Аурангзеба идут параллельно улицам Дальхузи и Дюпле. Улица Ашоки пересекает улицы Ридинга, Иббетсона, королевы Мери, а улицу лорда Керзона — улица Фируз-шаха.

Нью-Дели совершенно и целиком принадлежит имущим классам Индии. По происхождению и современной функции — это прежде всего столица бюрократии. В годы независимости город превращается также в крупный промышленный центр и становится местом обитания новой индийской буржуазии.

Жизнь хозяев города резко делится на частную и общественную. Дома они примерные семьянины, религиозные, богобоязненные люди, не пьющие ничего, кроме воды, нередко вегетарианцы. Но деловая жизнь их и отдых строятся по другим нормам.

Как-то мне удалось попасть в один из многочисленных закрытых клубов Дели. Здесь богатые торговцы, промышленники, юристы завязывают знакомства, устанавливают деловые контакты, развлекаются — играют в пинг-понг, бадминтон, плавают в бассейне,

танцуют и, конечно, главное — пьют виски с содовой. Пьют много — не по русским, а по индийским Масштабам.

Сикхский тюрбан яркого цвета и строгий черный европейский костюм — тут наиболее типичное сочетание. Женщины в клубе почти не бывают, а если бывают, то главным образом европейки. Прийти в клуб с такой женщиной, да еще легкомысленно одетой, считается редкой и блестящей удачей.

В зале рядом с рестораном топчутся несколько пар, танцуя рок-н-ролл в темпе полонеза. Подобная манера исполнения может быть приписана высокообразованному чувству меры. Но мне кажется, что она есть следствие компромисса двух чувств — желания походить на Запад и ощущения, что вести себя совершенно как богатый европеец неприлично.

Но рано или поздно «Европа» останется за дверьми клуба и машина счастливого обладателя членского билета направится домой. На ближайшем углу он остановится, чтобы купить у мальчишки пан — жвачку, составленную из пряных и острых снадобий, завернутых в бетелевый листок.

Жуют пан в Индии все от мала до велика. Эта привычка распространена здесь шире, чем курение в Европе. Производители бетеля (растения типа вьюнка) зарабатывают на продаже листьев большие деньги. Таблички в общественных местах, призывающие «Не курить и не сплевывать», имеют в виду не просто плевки, а сплевывание образующегося при жевании бетеля ярко-красного сока. Но как у нас под лозунгом «Не курить!» нередко валяется груда окурков, так и в Индии объявление «Не сплевывать!» бывает часто украшено живописными потеками красного цвета.

Эта неприятная, негигиеничная привычка ничуть не хуже и не лучше нашего обычая засыпать все вокруг табачной крошкой и пеплом. К жвачке можно привыкнуть. Говорят, она даже полезна: укрепляет зубы. Но мне пришлось видеть столько испорченных зубов у любителей пана, что я невольно стал сомневаться в его лечебных свойствах.

Итак, наш знакомый, член клуба, направляясь домой, первым делом приобретает пан, в данном случае с практической целью — отбить запах спиртного.

Адвокат, пригласивший меня с товарищами в Челмсфорд-клуб, объяснял:

— Я вегетарианец. То есть моя семья вегетарианская. Дома у нас не едят мяса и, конечно, не пьют ничего горячительного. Но в клубе я могу есть и пить что мне угодно. Мои визиты в клуб — не тайна для жены, но мать об этом даже не подозревает.

Впрочем, не все семьи столь ортодоксальны. Как уже говорилось, у новых обитателей особняков Нью-Дели дома сохраняется английский стиль. Для них существуют винные магазины. Правда, и тут не обходится без легкого лицемерия. Потребление спиртного ограничено — введены так называемые сухие дни. В четверг в винных лавках появляются заботливые надписи: «Не забудьте, что завтра сухой день». И в пятницу вам не удастся купить ни бутылки. Впрочем, утверждать, что «ни за какие деньги», было бы рискованно.

Клерки, студенты, интеллигенция победнее не ходят в клубы. Маленькие события личной и служебной жизни они отмечают в ресторанчике и кафе, без танцев и виски, острыми закусками и чаем или же сладостями, на которые индийские повара большие мастера. Это сравнительно недорого, очень вкусно и достаточно «по-европейски».

Основным видом транспорта для этих слоев является уже не машина, а велосипед. Индийские велосипеды, дешевые, тяжелые и надежные, служат верно. Они снабжены ножкой и их можно поставить в любом месте. Добираются на них быстрее, чем на автобусе. Однако велосипеды есть не у всех, и ездить на них в жаркую погоду — занятие изнурительное. Поэтому мелкий делийский люд часто пользуется автобусами. Господин делийского автобуса — кондуктор. В аккуратном костюме цвета хаки, с сумкой и свистком, он обычно висит на задней площадке, впускает и выпускает пассажиров и относится к этой обязанности со всей серьезностью. На мой взгляд, делийские автобусы

не переполнены. Но у кондуктора на этот счет свое мнение. Если он считает, что автобус заполнен, он дает длинный свисток, предлагая водителю миновать остановку, невзирая на ожидающих.

Раз уж вы сели в автобус, можете быть уверены, что вас не затолкают, что вы без труда выйдете, когда будет нужно. Пассажиры не протискиваются к выходу за несколько остановок до места назначения, а смирно сидят или стоят, пока автобус не остановится. Моя московская привычка подходить к выходу заранее вызывала недоуменные взгляды. «Ох уж эти беспокойные европейцы!».

Но ждать автобуса, кондуктор которого согласится впустить вас, приходится в Дели долго — по полчаса и более. В этих условиях автобусу трудно конкурировать с велосипедом.

Велосипедисты захватывают улицы Нового Дели дважды в день — в 8—10 часов, когда клерки едут на работу, и в 5—6 часов, когда они возвращаются. Впрочем, и в другое время суток велосипедов на улицах много. Вот мужчина-прачка везет на руле и багажнике тюки белья, бородастый сикх едет в свою контору, худой коричневый уборщик в белом дхоти спешит на работу, студентки, громко переговариваясь, обгоняют друг друга.

Иногда можно наблюдать трогательные или смешные картинки. Любящий сын лет сорока устроил на раме свою старенькую мать, а многодетный папа приладил для своих малюток сиденья спереди, сзади и сбоку.

Есть своеобразные велосипедные хитчхайкеры. Они подсаживаются на багажник к знакомому и едут до поворота, где их пути расходятся. Там они ждут кого-нибудь, кто направляется в их сторону, и подсаживаются на багажник к нему.

Проезжая по городу, не сразу заметишь жилища тех, кто ежедневно подстригает газоны, следит за цветами, убирает мусор, протирает машины и стекла домов, шьет костюмы и торчит у плиты, выпекая удивительные сладости. Они ютятся в ужасных бараках или в хижинах, едва вмещающих членов семьи, в тесноте и грязи. По существу, вся жизнь этих людей протекает на улице — работа, обед, туалет и сон.

Особенно жалки лачуги беженцев, появившихся во многих городах после раздела Индии в 1947 г., когда миллионы индусов были вынуждены покинуть родные места, ставшие «мусульманскими», точно так же как мусульмане переселялись на территорию Пакистана из «индусских» районов. Правительство старается обеспечить их работой и хоть каким-то жильем, но средств не хватает.

Еще хуже положение строительных рабочих, главным образом из Раджастанхана, ежегодно приезжающих в Дели. О них никто не заботится.

Я видел семью строительного рабочего, приспособившую под жилье железобетонную трубу, вернее две трубы, сложенные буквой Г. Оба конца перекладины были заложены кирпичом, а в торце находилась «дверь», куда на четвереньках влезали обитатели.

Одна из центральных газет в дни народного праздника Дивали поместила в октябре 1968 г. на первой странице большую фотографию: улыбающиеся женщины в живописных раджастанских нарядах тащат тросом многотонный чугунный каток. У некоторых из них на руке ребенок. Подпись под фотографией гласила: «Даже эти женщины радуются празднику Дивали». Меня покорило такой «праздничный» материал, но я еще раз убедился в силе основного принципа мироощущения многих индийцев: «Каждому свое».

Все крупные города полны контрастов, Нью-Дели не является исключением.

4. СТАРЫЙ ДЕЛИ

К северу от Каннаут-плейса улицы становятся уже, дома — выше, народу — больше. Это — собственно Дели, или, как его иногда называют, в отличие от нового города, — Старый Дели.

Его старость относительна. Город, носивший название Дели, упоминается в хрониках с XII в., а до того примерно на том же месте был другой город, тоже знаменитый и столичный,— Индрапрастха. Он находился, по преданию, между теперешними новым и старым городами, но никаких памятников его не сохранилось, так что нельзя представить, как он выглядел.

В XI в., когда этот район попал в руки не очень могущественного рода Томаров, от древней Индрапрастхи оставалось, по-видимому, лишь воспоминание. Томары основали свою столицу Дхиллику (ставшую затем известной под именем Дилли или Дехли, нынешний Дели) гораздо южнее, в местности Хауз Хас, которая сейчас является одним из самых новых микрорайонов.

От индусской Дхиллики тоже осталось немного — только то, что сочли нужным сохранить правители, пришедшие в конце XII в.,— мусульманские завоеватели турко-афганского происхождения. Они разрушили громадный индусский храм и из его материала соорудили мечеть, тоже величественную и громадную.

Прямоугольная колоннада, окружающая открытый двор мечети, — характерная черта мусульманского религиозного зодчества — составлена из колонн этого храма. Геометричность, любезная сердцу мусульман, присутствовала и в использованных колоннах, но стилового единства все равно не получилось. Дело в том, что мусульмане любят симметрию, а индусы, даже когда создают архитектурное украшение из немногих деталей — параллелепипедов, многогранников, лотосов и т. п., не терпят однообразия. Так и здесь — среди сотен колонн, выполненных в одном стиле, нет двух совершенно одинаковых. Это, наверно, угнетало почитателей Аллаха.

От здания мечети сохранилась центральная арка — изумительно правильная, поражающая совершенством формы, одновременно могучая и устремленная вверх.

Итак, Дхиллика XII в. представлена лишь рядом колонн, которые позволяют говорить хотя бы о том, что в ней был храм, напоминающий такие же сооружения Южной Индии. В нескольких километрах к югу есть еще Сурадж Кунд — развалины другого храма с некогда прекрасным искусственным водоемом, к нему амфитеатром спускались ступени.

Дхиллика пала в 1197 г. и стала одной из крепостей империи Гуридов, центр которой находился в современном Афганистане, но в 1206 г. военачальник Гуридов Кутб-ад-дин Айбек объявил себя султаном, сделал Дели своей столицей и начал покорять Северную Индию уже от собственного имени.

Небольшая группа мусульман, пришедшая в Индию в конце XII — начале XIII в., опиралась на свое громадное мужество и предприимчивость, хорошую кавалерию и военную систему, базировавшуюся на безоговорочном (буквально рабском) подчинении командирам. Однако здесь они столкнулись с враждебностью населения, преданного своим вождям и привычного к оружию, удивительно храброго (беззаветная храбрость раджпутов и джатов вошла в поговорки, песни и легенды), с могущественными государствами, каждое из которых по ресурсам и величине армии могло поспорить с завоевателями. Словом, делийские правители, провозгласившие себя султанами Индии, вовсе не имели оснований быть уверенными, что им удастся не то что покорить эту страну, но и закрепиться в ней.

Впрочем, был один фактор, оказавшийся в дальнейшем решающим,— уость мышления их противников: правители деревень не желали знать ничего за пределами своей округи, а правители государств — ничего за пределами своих государств. Так получилось, что союз всех врагов мусульманских завоевателей, союз, который мог бы быть фатальным для последних, не состоялся, и султанам Дели удавалось разбивать своих противников порознь.

И еще психологическое преимущество имели завоеватели — ислам до тех пор не знал серьезных поражений. Наверно, им казалось, что под знаменем «истинного» учения

они способны победить любого противника и трезвый учет возможностей последнего не нужен и даже вреден.

Иначе не объяснить, почему, едва утвердившись в Дели, располагая ограниченными средствами (военная добыча и дань с завоеванной территории), большая часть которых должна была расходоваться на армию, султаны приступили к сооружению грандиозного минарета, самого высокого здания тогдашней Азии. В честь основателя Делийского султаната минарет получил название Кутб-минар.

Несомненно, когда-то это был архитектурный центр столицы, окруженный величественными мечетями, гробницами, стенами. Сейчас мечеть в развалинах, гробницы запущены, а от стен осталось несколько фрагментов. Но минарет от этого только выиграл. В эпоху телевидения Кутб-минар, заметный издали, воспринимается как современная телевизионная башня. Он наравне с Эйфелевой или Останкинской башнями вполне может служить не только эстетическим, но и техническим символом своей эпохи.

Итак, Кутб-минар — это просто семидесятипятиметровая башня, чуть сужающаяся кверху. Она сложена из коричнево-красного песчаника разных тонов (но пестрота не уменьшает ее величавости), украшена резными балкончиками, поясами изречений из Корана. Ее ребра, полукруглые или треугольные в сечении, сплошь покрыты затейливой резьбой. Но не в этом оригинальность Кутб-минара. Он поражает скупостью изобразительных средств, цельностью ребристого возносящегося ствола.

В начале XIV в., в период расцвета Делийского султаната, когда он стал действительно сильнейшим государством Индии, объединившим под своей властью почти всю страну, великий завоеватель и эксцентричный реформатор Ала-уд-дин Хильджи решил воздвигнуть такой же минарет с другой стороны мечети. Но строители не добрались даже до первого этажа Кутба. И каменная глыба высотой с двухэтажный дом, сохранившаяся от этой затеи, — просто пенек в сравнении с Кутбом — напоминает, что героические времена не повторяются.

В годы правления следующей династии — Туглаков — Дели стал расширяться сначала к востоку — в направлении к реке, а затем на север, приближаясь к месту древней Индрапрастхи.

Гийяс-уд-дин Туглак построил совершенно новый город Туглакабад, который и теперь лежит за пределами делийских городских коммуникаций. Здесь впервые мы видим реальные остатки города — стен, дворцов, жилых домов. Город был облицован песчаником. Правда, под облицовкой, как можно заметить, скрыт самый различный материал — белый камень, гранит, кирпич и обыкновенный дикарь. Времена все еще были суровые и преобладала однотонность, впрочем, гробница Гийяс-уд-дина уже несет на себе следы некоторой утонченности — красные стены венчает белый купол, внутренняя отделка и надгробная плита — тоже из белого мрамора.

Сейчас Туглакабад заселен в основном обезьянами и туристами. Когда он был покинут, не совсем ясно. Считается, что это произошло при султанине Мухаммаде Туглаке, который решил, что удобнее управлять обширным государством из его центра, и перенес столицу в Доулатабад, на Деканский полуостров. Жителям будто бы было приказано переселиться туда. Знатные уехали на лошадях и в паланкинах, а бедный люд пошел пешком. Ослушников монаршей воли выловили, привязали к конским хвостам и выволокли из города.

Многие историки выражают теперь сомнение в том, что эта трагедия действительно произошла. С переносом столицы в Доулатабад значение Дели упало, но город не вымер. А вскоре Мухаммад возвратился обратно.

Новому султану Фирузу захотелось выстроить для себя новую ставку. Может быть, на это его толкнуло обезлюдение Туглакабада, начавшего разрушаться, а может быть, ему не нравился стиль города — привольного и красивого. Султан Фируз был суровым человеком, верным слугой Аллаха, видевшим цель жизни в распространении «истинного учения».

Так или иначе, неподалеку от Индрапрастхи, на границе нынешнего старого города, он соорудил крепость Фируз-шах-Котла — небольшую и строго-экономную. Она довольно хорошо сохранилась — стены, дворец, женская половина (зенана), мрачная тюрьма, крытые галереи для переброски войск. Сложено все это из неотесанных глыб, скрепленных как бы навечно толстыми слоями раствора. На крыше дворца, на покато́й площадке, залитой тем же раствором, Фируз-шах приказал поставить колонну Самудрагупты (V в. н. э.) из розовато-серого гранита. Надписи на колонне, повествующие о походах знаменитого в свое время завоевателя, не были понятны в XIV в., но делийские султаны отличались тягой ко всему величественному, и эта серая блестящая колонна с таинственными знаками на ней воспринималась ими как символ власти.

Еще раньше мусульмане случайно обнаружили в земле железную колонну, изготовленную, как выяснилось позже, в III в. до н. э. методом порошковой металлургии, и поместили ее в центре двора мечети около Кутб-минара. Она стоит там и сейчас, все такая же матово-черная, нержавеющей, как и две тысячи лет назад, лишь чуть отполированная на уровне человеческого роста: неизвестно, с чего это повелось, но считается, что тот, кто, прижавшись к колонне спиной, сможет сцепить руки с другой ее стороны, будет счастлив в жизни. Причем высокие люди имеют гораздо больше шансов на счастье, потому что кверху колонна сужается.

Фируз-шах-Котла, в отличие от Туглакабада, — не далекая окраина города, а чуть ли не его центр. Волей-неволей старую крепость наделили новыми функциями. Сейчас Фируз-шах-Котла — это ярко-зеленые лужайки, затененные некогда суровыми стенами и громадными манговыми деревьями, — идеальное место для спокойного отдыха, особенно неожиданное в старом городе, шумном, пыльном и сухом. Здесь студенты готовятся к экзаменам, иногда, как в сказке, за одну ночь возникают огромные холщовые дворцы — справляют свадьбы. В праздник Дивали здесь на открытом воздухе даются представления — Рамлилы — в двухтысячный с чем-то раз индийцы переживают драматические события знаменитого эпоса «Рамаяны». Правившие после Фируза делийские султаны почти не оставили следов своей градостроительной деятельности. Лишь в XVI в. была возведена Пурана-кила (старая крепость), чтобы соединить город, растущий к северу, с более традиционными южными районами. В небо вздымаются неразрушенные куски стен, придавая Дели еще одну черту старины, но не выделяясь ни прежними, ни вновь приобретенными красотами.

Взлет доанглийского Дели связан с династией Великих Моголов, утвердившихся в Северной Индии в середине XVI в. Слово «Могол» — это искаженное «монгол». Основатель династии Захир-уд-дин Бабур происходил по отцовской линии от Тимура, а по материнской — от Чингисхана. Он был князем Ферганы, потом судьба забросила его в Афганистан, откуда он совершил свой знаменитый поход на Дели.

При Великих Моголах Индия достигла небывалого могущества. К периоду правления одного из них, Шах-Джехана, относится создание того Дели, который сейчас называется «Старый». Тогда здесь появились два знаменитых сооружения — Лал Кила (Красный форт) и Джама Масджид (Пятничная мечеть), до сих пор занимающие особое место в жизни и города, и страны.

Это была другая эпоха, столь же отличная от сурового времени Делийского султаната, сколь «великий век» Екатерины отличался от эпохи Ивана Грозного. У Шах-Джехана было две столицы — в Агре он тоже построил форт и тоже «Красный», Там есть свои дворцы и свои мечети, представляющие образцы позднегомогольского архитектурного стиля. Главное, что характеризует его, — это особое пристрастие к камню.

Оказывается, из камня можно плести кружева, целые кружевные стены, прочные, красивые, практичные: они пропускают ветерок, но задерживают солнечные лучи. Камнем можно инкрустировать другой камень, подбирая соответствующие цвета и оттенки. Особенно часто в те времена инкрустировали красным и голубым по белому. Ну и, конечно,

из камня можно делать очень гладкие, полированные стены, полы и потолки, ступени и портики, сиденья и дорожки.

Догматы ислама запрещали изображение живых существ — животных и человека. Поэтому в мусульманском зодчестве так широко распространен геометрический орнамент и каменная каллиграфия — выбитые на камне выдержки из Корана, которые трудно прочесть, ибо они несут преимущественно не воспитательную, а эстетическую функцию. Все это красиво, но холодно, мертво. И при Шах-Джехане буквально «расцветает» более жизнерадостное искусство инкрустации, изображающей растения, прежде всего яркие, «живые» цветы.

Памятники позднемогольского стиля демонстрируют такой сплав вкуса, мастерства, трудолюбия и смелости, который мог быть результатом лишь многовековой практики ремесленника, неограниченного времени и неограниченных средств. Вершиной стиля является, по общему признанию, Тадж-Махал — усыпальница любимой жены Шах-Джехана. О Тадж-Ма-хале известно почти всем. Сотни раз его пытались описывать и профессионально-архитектурно и возвышенно-лирически. Попытался было это сделать и я, да раздумал. Понял, что бесполезно. Но свидетельствую: все лестные и восторженные эпитеты, которыми награждали и награждают Тадж-Махал, им заслужены. Я же изберу более легкий, средний по достоинству объект — делийский Красный форт.

Он получил свое название по цвету песчаника, того самого; из которого построены многие другие здания Дели. Форт величественно грозен, но так пропорционален и так красив на фоне синего неба, что не производит впечатления военного сооружения. И действительно, он не может похвастаться военными рекордами: не выдерживал ни длительных осад, ни яростных штурмов.

Истинным его назначением — в этом убеждаешься, едва вступишь туда, — было служить символом непререкаемой власти и приятным местом пребывания падишаха, его жен и придворных.

Осматривая хорошо сохранившиеся мраморные дворцы — павильоны, инкрустированные полудрагоценными камнями, резные мраморные решетки, бело-мраморную Жемчужную мечеть, гигантский сад необыкновенных цветов на мраморе, из мрамора или из другого камня, невольно вспоминаешь классическую фразу посетителя музея, сохраненную для потомства Ильфом и Петровым: — Жили же люди!..

Недалеко от Красного форта, против его главных ворот, стоит другое грандиозное сооружение XVII в. — Джама Масджид. Большой квадрат мраморного пола приподнят на высокую платформу с ведущими к ней широкими ступенями и окружен с трех сторон стенами с внутренними арками, где расположены подсобные помещения. С четвертой стороны — собственно мечеть, высокое здание, перекрытое тремя громадными белыми куполами, ребра которых обозначены черными вертикальными линиями. По трем сторонам квадрата — мощные ворота, по четырем углам — высокие минареты с такими же белыми куполами, конечно, меньшего диаметра. Посреди двора — небольшой бассейн. Все очень просто, даже несколько аскетично, как того требует ислам, и в то же время пышно, как того требовала эстетика XVII в.

Плиты двора, мокрые от поливки или раскаленные от солнца, не очень удобны для прогулок босиком или в носках (обувь полагается снимать при входе). Поэтому для молящихся, заполняющих двор по пятницам и во время праздников — а вместить этот двор может много тысяч человек, — стелются циновки, на которых удобно сидеть, стоя на коленях и бить поклоны.

Ислам — религия без идолов, икон, изображений божества. Аллах не имеет формы. Хотя в Мекке в стену мечети вделан Кааба — большой черный камень, считающийся священным, это как раз то исключение, которое подтверждает правило, — в мечети «ничего нет». Главное ее помещение, с нашей точки зрения, — просто пустой павильон, открытый в сторону двора. Но религия не может обойтись без вещественных символов поклонения. Подобными символами служат Коран — книга, составленная, по преданию,

из высказываний пророка Мухаммеда, а также разные другие святыни. Почему-то особой популярностью пользуются волосы бороды Мухаммеда.

Один волос хранится в Джама Масджид. За соответствующее вознаграждение его можно посмотреть. Он помещен в стеклянную коробочку и приклеен к верхнему стеклу каким-то пластилином. Волос, конечно, необычен. Во-первых, он рыжий. Во-вторых, такой прямой и жесткий, что выглядит искусственным. Там же, в стенной нише, собраны другие священные предметы — отпечаток ступни пророка на камне, письма, начертанные его рукой (хотя Мухаммед, как известно, был неграмотным). Все это способно вызвать улыбку, но для индийских мусульман, — они несомненные ценности, национальные реликвии.

И улыбка превращается в гримасу, как только вспомнишь, что случилось в 1963 г., когда другой волос, находившийся в мечети Сринагара, вдруг исчез. Разъяренные жители (там живут в основном мусульмане) подняли настоящее восстание. В Пакистане начались индусские погромы. В ответ индусы стали громить мусульман в Индии.

Для отыскания пропажи была мобилизована полиция, и через несколько дней волос был водружен на место. Правда, полиция отказалась сообщить, как ей удалось его найти.

От могольского Дели осталось не так уж много, особенно если поверить утверждению французских путешественников, что он в XVII в. не уступал Парижу. От городских стен уцелело лишь несколько ворот: Аджмирские, Кашмирские и т. п. Они стоят сейчас, мешая движению, никому не нужные, правда, их названиями обозначаются районы города.

"После смерти императора Аурангзеба в 1707 г. могольские правители постепенно теряли реальную власть. Их наместники на юге и востоке либо подчинялись Дели номинально, либо не подчинялись вовсе. Возникли совершенно новые государства, крупнейшим из которых была маратхская держава в Декане. Наследники Великих Моголов делили время между дворцовыми интригами, пьянством и гаремными утехами. Дели дважды был разграблен: в 1737 г. персидским шахом Надиром, а в 1761 г. — Ахмад-шахом, правителем Афганистана.

А потом английская Ост-Индская компания, разбив порознь индийские государства, стала фактическим хозяином огромной страны. Англичане сохранили могольского падишаха на троне Дели, правили «его именем», но империя сузилась до размеров Красного форта. Столица Британской Индии — Калькутта заняла место Дели, превратившегося в заштатный городок, в одну из крепостей, впрочем, стратегически важную, на западной окраине британских владений. Уверенные в том, что роль Дели и в дальнейшем сведется к охране британских интересов в этом районе, колонизаторы даже отремонтировали его стены, обновили рвы и насыпи, создали новые секторы обстрела, снабдили укрепления новой артиллерией. Вскоре им пришлось об этом горько пожалеть.

Дели продолжал жить в сердце индийского народа и воспринимался как национальный центр, как символ независимой и единой Индии. Это проявилось в 1857 г., когда поднялись сипайские войска — полки, составленные из индийцев, но обученные на английский лад, одетые и вооруженные англичанами, находившиеся под командованием британских офицеров.

Вся эта многотысячная масса неожиданно (по крайней мере для англичан) перестала повиноваться. Сипаи расправлялись со своими офицерами. И без общего плана и без приказа, руководимые только чувством, двигались к Дели. Этот город, который в предыдущие сто лет начали забывать, вдруг на несколько месяцев снова стал подлинной столицей Индии, ее политическим центром. Дели заставил заговорить о себе Индию и Европу.

Главой нового свободного индийского государства был объявлен престарелый и безвольный последыш Моголов Бахадур-шах. Вожди восставших, действовавшие в других районах Северной Индии, признали его сюзеренитет. Как и все народные движе-

ния, восстание было стихийным и неорганизованным. Единого командования по существу не было. Могол даже не пытался руководить войсками и правительством.

О значении восстания сипаев в истории страны поговорим после. Пока же о его последствиях. Оно было подавлено, Бахадур-шах умер в изгнании, его сыновья были расстреляны, династия Моголов окончательно упразднена, в Красном форте расположился английский гарнизон. Ост-Индская компания тоже не пережила потрясения. Английская королева в своей неисчерпаемой милости преобразовала владения Компании в «Индийскую империю», провозгласила себя императрицей Индии и решила в дальнейшем заботиться о благосостоянии ее народов сама, хотя и через назначаемых вице-королей.

Памятники бурного 1857 г. в Дели делятся на видимые и невидимые. Видимые — это кладбище английских офицеров и громадная часовня на холме, откуда английские батареи три месяца бомбардировали город. А невидимые — это стены, снесенные победителями, чтобы ничего подобного не могло случиться, и еще сознание, что Дели есть сердце Индии и тот, кто хочет ею править, должен быть здесь.

Англичане не сразу уяснили это. Но когда в начале XX в. в Индии вновь начался подъем национально-освободительного движения и когда стало не очень спокойно в мятежной Калькутте, они именно Дели сделали своей новой столицей. Логичнее всего было бы разместить правительство вице-короля в древнем Красном форте и придать новый блеск старому городу и старой славе. Но это уже было выше английских сил. Перенос столицы в Дели с его резко континентальным климатом и так казался им грандиозной уступкой национальным чувствам подданных. Жить же в старом городе с его грязью и стойкими запахами сандала, пота, дыма и навоза — нет, увольте. И англичане рядом со старым городом принялись строить новый, по своему вкусу, город для себя. Что из этого получилось, мы уже видели.

Старый Дели остался провинцией, пригородом, но пригородом перенаселенным, шумным и деятельным. Он так же отличается от нового города, как бодрствующий человек от спящего. Оговорюсь сразу, различие это стирается, и даже за пять лет, истекшие между моими поездками туда, чопорность нового города смягчилась, а старый заметно модернизировался — проложены широкие магистрали, кое-где введено одностороннее движение, выросли современные дома.

И все же средневековые черты здесь проступают очень явственно. На узких улочках весь день бурлит разноликая толпа. Здесь любят и умеют ходить пешком и ходят вольно — и по тротуару, и по мостовой. Здесь индийский велосипедист проявляет все свои удивительные способности маневрирования, лавируя на приличной скорости между людьми, коровами, торговыми тележками. С трудом продираются сквозь толпу велорикши и повозки-тонги. Такси тут не в почете. Лишь по нескольким улицам на нем можно ехать со скоростью, оправдывающей плату за проезд.

А еще здесь умеют сидеть: на земле, на корточках, на ступеньках, обочинах тротуаров, подложив под себя какую-нибудь тряпку или просто так. Сидят нищие, безработные, работающие и торгующие. Пожалуй, самая главная черта улиц старого города — на первый взгляд противоречивое сочетание покоя и энергии, причем сидящий полон энергии, спешащий — покоя. В этом сочетании тайна очарования восточного базара:

Мне бы хотелось передать картину именно Старого Дели. Другие крупные города Индии — все же создания англичан. Есть, правда, Варанаси, где традиция замешана так густо, что еще многие века не удастся ее расхлебать, но он был исключением всегда, и в средние века не менее, чем теперь. Город паломников, живущий только и исключительно религией, город-храм. Остальные города средневековья — Майсур, Пуна, Лакхнау, Аллахабад перенесли столь большие потрясения — экономический упадок и затем подъем уже на совершенно иных основах, — что их восточный характер сгладился, чуть ли не исчез. Только Старый Дели да, пожалуй, еще Хайдарабад сохранили красочность города-

базара, унаследованную от средних веков. Однако описать этот город как раз труднее всего.

Может быть, надо упомянуть о густых и постоянных запахах. Сначала они оглушают, подобно шуму, и воспринимаются как сплошное зловоние. Потом привыкаешь и начинаешь различать оттенки. Запах сандала. Значит, проходишь мимо лавки или лотка, где тлеет сандаловая палочка. Таких палочек много — большие и маленькие, с ароматическими добавками и без них. Они тлеют в лавках, домах, даже в такси и распространяют специфический аромат, не для всех и не всегда приятный. Но ведь нравится же кому-то запах ладана в церквях! Если же вы успели полюбить Индию — а запах сандала неотделим от образа страны,— вам он понравится. Я это почувствовал, когда приехал в Индию второй раз и сел в такси, заполненное дымком сандала. Так что в применении к индийцам слова русского поэта — «Когда ж постранствуешь, воротись домой, и дым отечества нам сладок и приятен» — имеют самое буквальное значение и лишены иронического смысла.

Вот повеяло просто дымом — горит кизяк или хворост. В индийских домах нет печей, но в зимние месяцы в Северной Индии по вечерам и ночам требуется какой-то обогрев. Люди разводят костры, и дым стелется по всему Дели, старому и новому. В этом нет ничего приятного. По утрам дым, скопившийся на улицах от ночных костров, ест глаза и вызывает кашель.

Однажды я попал в кинотеатр в декабре, когда кондиционер, конечно, бездействовал, и зал наполнил обычный уличный воздух. Было тяжело дышать. Даже изображение на экране казалось слабым: лучи проекторов с трудом пробивались сквозь дым.

Господствует на улицах Старого Дели запах пота, людского и конского. Можно, разумеется, воротить нос, если приехал сюда, вылезши из ванны в первом классе отеля. Но походишь по улицам несколько часов, вытирая лоб, время от времени отлепляя рубашку от плеч и чувствуя нестерпимое жжение в ботинках, и уже не будешь замечать этого запаха. Конечно, испытываешь блаженство, возвратившись в отель, даже не первого класса, и принявши душ. Однако подавляющее большинство делийцев лишены возможности последовать этому примеру — у них нет не только душа и ванной комнаты, но и вообще укромного места, где можно помыться. И вот когда вспомнишь об этом, начинаешь понимать, насколько индийцы чистоплотны. Они моются прямо на улице, у водоразборных колонок, фонтанов и труб, прикрыв то, что следует прикрывать, небольшой тряпочкой.

Есть еще один запах, не специфически восточный, а просто связанный с неблагоустроенностью большого города — запах пыли. Северная Индия — засушливый район. Несколько месяцев — с июня по сентябрь — льют дожди, а остальное время очень жарко или холодновато, но сухо. Мостовые в старом городе сделаны кое-как, улицы перемежаются с пространствами выжженной и вытопанной земли. Пыль тут — законный властелин. Она доставляет мучения всем, и торговцам больше, чем чистеньким клеркам, фланирующим по магазинам. Она покрывает выставленные товары, скрипит на зубах, заставляет почесываться и потирать мокрые руки, на которых образуется грязная корка. Наконец нельзя не упомянуть и о запахах навоза и мочи — результат отсутствия канализации (пускай открытой, вроде арыков в городах Средней Азии) и перенаселения улиц людьми и животными. Проблема священной коровы и вообще отношения индийцев к животным — достаточно серьезный вопрос, чтобы поговорить о нем отдельно. Пока же отметим, что санитарное состояние старых индийских городов ужасное, даже по сравнению с деревнями. Нет, старый город не назовешь приятным местом для житья.

Наверно, более всего характеризует восточный город одежда. Тут встретишь подчеркнута простые и нарочито неряшливые тряпки, носимые со своеобразным щегольством, и красочно-яркие женские сари, умеренно декольтирующие фигуру сверху и туго пеленающие ее внизу. Может быть, самая верная деталь, точно передающая облик Дели, это золототканое шелковое сари, подметающее заплеванный, покрытый красными

потеками пана тротуар. На улицах города то и дело мелькают сикхские тюрбаны и мусульманские чалмы, черные облегающие «кителя» со стоячим воротником, поднятыми плечами и узкими рукавами (шервани), простые бумажные рубахи навывпуск, похожие на наши нижние сорочки, с распахнутым воротом, в петле которого горит золотая запонка.

Среди пыли, коров и полуодетых (полураздетых?) тел нередко попадает крахмальная рубашка и выглаженный костюм клерка — обуженный пиджак и брюки дудочкой. Казалось бы, он чужд всему! А приглядишься — он здесь свой. Он не сторонится окружающего мира. Он плывет по грязи с очаровательным достоинством. Главное же — его не сторонятся, европейский костюм не замечают. Все понимают, что не по доброй воле он в него влез. Такова униформа, хочешь работать — будь накрахмален. А дома он скинет с себя и костюм и европейские манеры.

(То, что пиджак стал в Индии символом социального статуса, я ясно понял на одной из свадеб, церемония которой проходила весьма традиционно. Жених, согласно обычаю, ехал на белой лошади, покрытой золотой попоной. Он был в золотой шапке, при сабле, но в черной суконной «тройке» с галстуком бабочкой.)

Картину делийской улицы следовало бы еще озвучить — пронзительные крики зывал, гудки допотопных рожков с грушами, привешенных к такси, стук палок по деревянным спицам колясок (что-то вроде пулеметной дробы, заменяющей водителям гонг, звонок или гудок), переливчатые звонки велосипедистов и редкие тяжелые — велорикш. Все это на фоне глухого шума толпы, в которой никто не пытается говорить шепотом или понизив голос.

Если соединить вместе запахи, краски и звуки, быть может, удастся составить хотя бы приблизительное представление об атмосфере Чандни Чоука — сердца Старого Дели, улицы, начинающейся от Красного форта, проходящей мимо Джама Масджид, мимо Делийского муниципалитета и растворяющейся затем в сети улочек и переулков.

Но вот мы выбрались из толчеи, ступили на залитый нежарким вечерним солнцем пыльный плац, который должен служить, судя по торчащим кое-где прутикам, обнесенным кирпичной или железной оградой, общедоступным парком. Жители Старого Дели здесь отдыхают, гуляют, сидят, спят в пыли, закутав голову тряпкой. Есть карусель и «чертово колесо» — все до смешного миниатюрное, потому что приводится в действие человеческой мускульной силой.

Посреди плаца плотное кольцо правильной формы — люди на что-то смотрят. В центре круга зрителей — трое. На пыльной земле лежит человек, с головой закутанный грязным одеялом. Предполагается, что он мертв. Другой хлопочет около него, стараясь привести его в чувство серией анекдотов и острот. Ему помогает мальчик. Зрители хохочут самозабвенно, до слез.

— Нет, — говорит маг наконец, — он слишком давно умер. Обычные меры, которые я, великий врачеватель, применяю для оживления, не помогут. Придется прибегнуть к сильному средству. Прошу дать мне побольше мелочи. Можно и бумажки, но не крупнее, чем в две рупии.

Зрители снова покатываются — им нравится веселый маг, и они не прочь сделать вид, что поверили, будто деньги нужны для оживления.

Летят монеты и бумажки. Тут вступает в дело мальчик (до этого он стоял и смеялся со всеми, хотя был представлен зрителям как ассистент волшебника и мастер на все руки) — начинает проворно собирать деньги, передавать их магу. Тот с комическими заклинаниями сыплет их на неподвижное тело, что вызывает новый взрыв хохота. Кто-то бросает в круг бумажник, по видимости не пустой. Подстроенный или нет, этот факт вызывает гнев ведущего. Оказывается, нужны именно мелкие деньги, иначе волшебство не удастся. Уже все складки старенького одеяла заполнены медными и никелевыми монетками и рупийными бумажками, а тело неподвижно. Маг признает свое поражение в борьбе с темными силами смерти и вынимает огромный кривой нож.

— Ну, если уж ты, такой-сякой, не хочешь оживать, то хороший удар ножом тебе не повредит,— гневно обращается он к лежащему, замахиваясь кинжалом. Все замирают и... о, чудо! Из-под одеяла появляется смущенно улыбающаяся рожица молодого парня, моргающего от яркого света. Он поднимается с земли. Зрители радостно приветствуют ожившего, начинают расходиться. Маг раскланивается с грацией истинного вершителя судеб, а мальчишка проворно выбирает деньги из складок одеяла.

Это незамысловатое представление, конечно, не надувательство: никто всерьез не ждал воскрешения. Смысл его заключается в остротах ведущего, часто довольно соленых. Но оно не так уж беззубо и безобидно. В Индии, где вера в сверхъестественное распространена во всех слоях населения, где любимой темой разговора являются чудеса, будто бы совершенные разными святыми, пародирование чудес, демонстрирование их связи с «доброхотными подаяниями» и вместе с тем их совершенной независимости от этих подаяний, требует смелости. Оно обращено к здоровым, рационалистическим чувствам, очень сильным в народе.

Главное занятие старого города — торговля. Тот же Чандни Чоук с переулками — это один сплошной разветвляющийся базар. Но торговля ведется не так, как в Нью-Дели, особенно на Каннаут-плейсе. Здесь — маленькие лавчонки, тесно прижатые одна к другой и вызывающие ассоциацию с сотами или с тысячью составленных пеналов. Хозяин, сам или с помощниками, сидит на диванчике, поджав ноги. Покупатель — на таком же диванчике у противоположной стены. Прилавком служит чуть приподнятый пол, застланный ковром. Сюда искусным движением бросаются куски материи, преимущественно сари. Они с шелестом разворачиваются в воздухе, ложась к ногам покупателей небрежно-живописными складками.

Одно, второе, третье, десятое, двадцатое, сари — целая гора, переливающаяся всеми цветами радуги. Выбор так велик, а вопрос о цвете и рисунке так сложен, что не только можно, но и нужно часами перебирать блестящие материи, щупая, сминая и расправляя их. И сидят дородные матроны, неторопливо раздумывая, как бы не купить слишком дорогое или слишком уже простенькое сари, которое может оказаться хуже, чем у соседки или знакомой.

Тут неистово торгуются, ругают товар, божатся, горячо спорят. Тут нет безучастных. В спор включаются другие покупатели, разговор то ведется на высоких нотах, то утихает. Тут надо внимательно следить, чтобы не подсунули лежалый или грязный товар.

Столь же оживленно в лавках обувщиков и даже ювелиров. Но есть лавки, где царит благоговейная тишина,— парфюмерные. Хозяин, как изваяние, сидит, окруженный флаконами и приказчиками. Он руководит всем, не вставая с места.

— Вам что? Розовое масло? У нас два сорта.— Проволочка с ваткой опускается в один флакон.— Понюхайте.— Другая проволочка с ваткой опускается в другой флакон.— Понюхайте.— В этих лавках не признают не только метрических, но и английских мер. Употребляются традиционные индийские аптекарские и ювелирные меры — тола (около 210 гранов). Никакой торопливости здесь не потерпят. И торгуются здесь совершенно иначе — с расстановкой, серьезно, без взаимных оскорблений, с сознанием, что речь идет о важном, о чем и говорить-то много не надо. Выглядит это так:

Продавец: Двадцать рупий тола.

Недовольное покачивание головы покупателя. Очередное нюханье ватки.

Покупатель: Десять.

Недовольное покачивание головы хозяина. Пауза. Достается новый флакон и происходит церемония нюхания новой ватки.

Покупатель: Двенадцать.

Хозяин делает вид, что воздевает руки к небу. Так, намек. Снова идут в ход все смоченные до тех пор ватки.

Продавец: Пятнадцать.

Покупатель молчит. Сосредоточенно нюхает. Изрекает:

— Двенадцать и восемь.

Это означает двенадцать рупий с половиной. Когда-то рупия делилась на 16 анн. Теперь введена новая монета. Рупия делится на 100 пайс. Но в живой речи и когда торгуешься, лучше называть анны: показываешь этим свое знакомство со страной и свою бывалость.

Хозяин не отвечает на последнее предложение, но делает неуловимое движение бровями, и перед ним появляется еще один пузырек — пустой. Его при вас взвешивают, наполняют, снова взвешивают, закупоривают и приклеивают этикетку. И с поклоном вручают. Таинство окончилось.

Базар шумит до семи-восьми часов. Потом быстро спускается темнота, разгораются костры и таганы, все остальные запахи забивает запах кипящего масла — готовится ужин. Долго сидят у костров полуодетые люди, играя в карты и громко размышляя о событиях минувшего дня. Кое-кто идет спать в душные комнаты своих жилищ или на веранды и крыши. Большинство устраивается на улице — прямо на панели либо на деревянных кроватях с веревочными сетками, вытаскиваемых из разных углов. Старый город ненадолго успокаивается, готовится к новому красочному дню.

5. КАЛЬКУТТА

Сейчас воротами Калькутты служит аэропорт Дам-Дам. Путь в город через него — не самый радостный, но, безусловно, самый поучительный. Видишь, что Калькутта — это прежде всего город нищеты.

До недавнего времени связи с внешним миром осуществлялись по реке Хугли, а затем — по железной дороге, подходящей к реке с обратной, западной стороны. Там расположен пригород Хаура. Для пассажира поезда или парохода визитной карточкой города служил знаменитый Хаурский мост. Его ажурные конструкции, напоминающие Крымский мост в Москве, легко несут потоки машин и трамваев и гармонируют с пепельной водой и серо-голубым небом.

Не менее красив он и в период муссона — серебряное кружево блестит на фоне фиолетовых туч.

Параден мост, парадна часть города, примыкающая к нему, — самая старая часть, состоящая из правительственных зданий и форта Вильям.

Основанный в 1690 г., он сделался резиденцией английского генерал-губернатора в Индии, потом выросшая вокруг него Калькутта стала столицей «Индийской империи». Здесь разместился двор вице-короля. Даже когда двор переехал в Дели, Калькутта осталась крупнейшим городом и столицей английского капитала. А после независимости, потеряв первенство по численности населения — ее обогнал Бомбей, — она приобрела славу города беспокойного, с наибольшим накалом классовых страстей.

Историки британского владычества в Индии обычно не жалеют слов, восхваляя дальновидность англичан, сделавших своей базой душную, но богатейшую Бенгалию, ресурсы которой помогли им выйти победителями из борьбы со своими самыми опасными конкурентами — французами, обосновавшимися на Восточном берегу. Бродя по улицам Калькутты сейчас, когда изобретены кондиционеры и бушеты, ванны и шорты, души и черные очки, и пытаюсь представить себе то далекое туманное утро, когда английский офицер в черном высоком шлеме (пробковые шлемы тоже были еще неизвестны), красном мундире и белых шерстяных штанах указал полуголым коричневым землекопам, где рыть котлован под стены форта, поражаешься не столько дальновидности, сколько дьявольской настырности и энергии завоевателей.

О калькуттском климате написать очень просто. Тут нет четко выраженных сезонов, как в Дели, хотя летом еще жарче, чем зимой, а в период дождей еще более влажно, чем и зимой и летом. В общем, держится почти постоянная влажная жара,

сменяющаяся в некоторые зимние ночи влажной прохладой. Город расположен на болотах, в самой дельте Ганга. В канавах, жирно поблескивающих черным, стоит вода — даже в самый сухой из сухих сезонов. Весь город — ровный как блюдо, без холмика. И теперь, при том что существует хоть какая-то канализация, каждый ливень оборачивается наводнением — нет стока.

Петр I, закладывая примерно в то же время Санкт-Петербург на болотах устья Невы, искал выхода для России на европейские рынки. Британские «купцы-авантюристы» (официальное наименование пайщиков Ост-Индийской компании), основывая Калькутту, искали вход для европейского рынка в Индию. Но если климат Ленинграда, где каналы большую часть года стоят замерзшими, никто не назовет здоровым, то климат Калькутты, где болота испаряются круглый год, безусловно, вреден.

Англичанами двигала, конечно, жажда обогащения. Обогащалась Великобритания, обогащались отдельные участники грандиозного грабительского мероприятия. В Англию возвращались «набобы» — сказочно богатые служащие компании. Их рассказы о пережитых страданиях лишь подхлестывали молодежь, жаждущую приключений и быстрой карьеры. Их образ жизни — полувосточная нега, расточительность, способность купить все, вплоть до дворянских титулов и мест в парламенте, — распалал воображение. Тот, кто не возвращался, а находил последнее успокоение на кладбищах, разбросанных под жарким солнцем тропиков, естественно, ничего не рассказывал.

Да, жажда обогащения «рыцарей первоначального накопления» была безграничной, но все же ею одной нельзя объяснить энергию и настойчивость, проявленную англичанами на ранних этапах проникновения в Индию, когда они, еще не думая о возможности покорить огромный субконтинент, все же лезли и лезли вперед, утверждались в Калькутте, подчиняли Бенгалию, а затем Бихар и Ориссу.

Здесь играла роль психологическая обстановка того времени, искреннее убеждение в том, что лучшей дорогой для юноши является участие в великих предприятиях нации, что напряжение всех физических и духовных сил — нормальное состояние человека. Культ «сильной личности», «сверхчеловека» зародился в Европе именно тогда. Авантюризм был модным словом положительного содержания, примерно однозначным современным «героизм», «самоотверженность».

Так возникла Калькутта, так она росла, втапывая в черную грязь болот кости десятков тысяч индийцев, но и сотен англичан.

Вокруг форта Вильям возникли здания управлений имперского правительства, дворец вице-короля, а к северу начал расти индийский город с неизбежными узкими улочками, перенаселением, грязью и красками Востока.

Создание англичан и символ британской власти — Калькутта в конце концов вышла из-под контроля хозяев. В 1905 г., когда англичане разделили Бенгалию на две части, индусскую и мусульманскую, началось мощное, невиданное до той поры массовое движение в провинции, нашедшее отклик во всей стране. В столице колонизаторам стало неуютно, и центр британского владычества был перенесен в Дели. А рост Калькутты, стихийный и неуправляемый, продолжался. Она все более превращалась в национальную столицу бенгальцев.

Для такого громадного города она удивительно национальна. В этом отношении с ней может поспорить только Мадрас. Дели и Бомбей тоже отчасти принадлежат тем районам, в которых расположены: Северной и Западной Индии, но они все же слишком космополитичны, их население слишком многообразно, их влияние на индийскую политику и экономику слишком велико.

Конечно, Калькутта имеет общеиндийское значение. Однако характерные ее черты как города связаны прежде всего с тем, что собой представляет Западная Бенгалия.

Калькутта — важнейший порт Индии. Сюда по многоводной Хугли могут подниматься океанские корабли. У причалов стоят «все флаги», в том числе и наш. Порт — это, пожалуй, наиболее яркое свидетельство общеиндийского значения города.

Она — один из двух основных центров промышленности и финансов. Здесь живет крупнейший капиталист Индии Бирла. Он, правда, не бенгалец (а марвари), но большинство калькуттских фабрик сейчас находится все же в руках бенгальских капиталистов. И рабочие в Калькутте не многонациональны, как в Бомбее, а в основном бенгальцы. Калькутта неоспоримо столица индийской нищеты. Нигде больше вы не увидите многокилометровые ряды и кварталы хижин, вообразимых только в горячечном кошмаре, заливаемых в дождь потоками жидкой грязи и раскаленных в жаркое время.

Печальная история о том, как Бенгалия — страна с плодороднейшими почвами, бывшая житница страны — стала голодной, нищей областью, рассказывается очень просто. Англичане пришли сюда не для того, чтобы развивать производство, а чтобы пользоваться его плодами. Подавляющую часть продукта земли из года в год забирали у земледельца колонизаторы и насажденные ими заминдары (помещики). Белый бенгальский рис и серый джут в руках этих господ превращались в желтый металл и оседали в английских банках и в сокровищницах заминдаров, шли в торговлю и спекуляцию, на скупку земель, на основание предприятий по переработке тех же сельскохозяйственных продуктов. Никто серьезно не думал об улучшении доли крестьян, о борьбе с извечными врагами земледельца — болотами, засухой и наводнениями. Правящие круги лишь брали, ничего не давая взамен.

Бенгальские крестьяне даже среди индийцев, отличающихся незлобливостью и мягкостью характера, выделяются исключительной терпеливостью и трудолюбием. Население росло, а новых земель для распашки не осталось. Частные крестьянские участки все мельчали, пока не стали так малы, что даже не могли накормить семью, не говоря уже об уплате налогов, ренты, процентов ростовщикам.

Но пока земля родила, крестьянин все же жил (как жил, об этом лучше не спрашивать), оставался на своем поле, работал, как ему завещали предки, и если умирал, то умирал постепенно, вроде бы естественным образом.

Но и такая жизнь была завидной по сравнению с той, которая начиналась после стихийного бедствия. Низкая дельта Ганга — район, где земледелие основано прежде всего на использовании ежегодных муссонных дождей. А эти дожди очень капризны. Они должны идти с июня по сентябрь. Если они запаздывают — урожай выгорает, если они затягиваются — урожай гниет.

Когда ливень продолжается несколько дней — а тропический ливень способен на это, в чем мне не раз пришлось убедиться, — начинается наводнение, которое смывает не только посевы, почву, но и дома. И все это происходит не в отдельные неблагоприятные годы, а по существу ежегодно, то в одном, то в другом округе.

Лето 1968 г. было хорошим для урожая во всей стране. В прессе раздавались оптимистические голоса, предсказывавшие, что при столь же благоприятной погоде в течение двух-трех лет Индия сможет наконец-то обеспечить себя хлебом.

И в это же время, на тех же страницах сообщалось о наводнении в округе Миднапур, по существу разрушившем сельское хозяйство всего округа. По улицам Калькутты разъезжали грузовики, останавливаясь около храмов и на людных перекрестках. С борта машин хорошо одетые леди с мегафонами кричали о необходимости собирать средства в помощь жителям Миднапура. В газетах ежедневно помещалась сводка, сообщавшая, сколько тысяч рупий собрано в фонд помощи пострадавшим от наводнения.

Такого рода организованная филантропия была каплей в море. В город хлынули десятки тысяч миднапурцев, надеявшихся найти в этом громадном муравейнике хоть какое-то пропитание. Их явное отличие от профессиональных нищих: смущение, когда они обращались с протянутой рукой к прохожим, даже то, что они не усвоили простой нищенской науки — просить должны не мужчины, а изможденные женщины и полуголые дети, — сразу бросалось в глаза и трогало до боли.

Но еще более потрясало то, что Калькутта отнеслась к бедствию безразлично — это случается постоянно, это просто черта жизни, здесь уж ничего не поделаешь.

И впрямь, короткая история Калькутты дает ей право на такое отношение к жертвам голода и стихийных бедствий. Человеческая чувствительность имеет свои пределы. Если даже не перечислять все «великие» голодные годы, начавшиеся еще в XVIII в., а вспомнить лишь 1942 год, когда Бенгалия пережила самый страшный голод, когда несколько миллионов людей умерли на улицах Калькутты, бросившись сюда в последней надежде; вспомнить, что не проходит года, чтобы здесь не появлялись жители того или иного района — оборванные, просящие подаяния, невосприимчивость к страданию не может сильно удивить.

Индия тоже привыкла к вечному неблагополучию в Бенгалии. Уже после событий в Миднапуре в октябре вдруг обрушился ливень на северные районы штата. Около Дарджилинга горные реки вышли из берегов, начались обвалы, были разрушены сотни деревень, погибло более тысячи человек — несчастье, которое могло бы всколыхнуть всю страну, другую страну, не Индию. Меня уже не было в Калькутте, и я следил за событиями по газетам. Одновременно произошло землетрясение в Иране, погибло около 60 человек. Об этом сообщалось во всей иностранной прессе, Международный Красный Крест и организации Красного Креста отдельных стран выделили деньги и медикаменты для помощи пострадавшим. А индийское бедствие, гораздо более грандиозное, осталось эпизодом, индийцы не привлекли к нему всеобщего внимания. «В этой Бенгалии всегда что-то случается».

За годы независимости сделано много для улучшения сельского хозяйства, в частности для борьбы с засухой и наводнениями. Строятся плотины, которые должны сдерживать излишнюю воду во время сильных муссонов и направлять ее на поля во время засухи. Но Бенгалия, наиболее страдающая от этих бедствий область, по-прежнему менее других ограждена от них. Как и тысячу, как и сто лет назад, бенгальский крестьянин надеется лишь на своих богов да еще на Калькутту — в крайнем случае она прокормит. Вот и растут повсюду в городе (не только на окраинах) ряды трущоб, расцветает нищенство и проституция, контрабанда и спекуляция. Жить надо.

Калькутта, наверное, единственный в Индии город, где можно «все купить». Страна экономит валюту. Поэтому импорт иностранных товаров частниками ограничен, ввоз некоторых предметов роскоши запрещен вовсе. Но для местных торговцев запретов, кажется, не существует. Американские и английские сигареты, японская радиотехника, китайские авторучки — все можно найти на главной улице Чауринги (ныне улица Джавахарлала Неру) и на прячущемся на ее задворках гигантском Нью-Маркете.

Неприкрытая нищета, готовая, чтобы прожить, проявить чудеса расторопности, делает Калькутту особенно контрастным городом. Скученность и грязь рабочих окраин (северная часть и Хаура) особенно поражает, когда едешь туда из центра, изобилующего пространством.

Знаменитый Майдан — площадь, целое поле, парк, прорезанный первоклассными дорогами, — лежит между фортом, ипподромом, музеем Виктория-мемориал и Чауринги. Этот парк был задуман как единый громадный памятник британскому владычеству. Еще в 1963 г. «улицы» Майдана были плотно населены каменными англичанами. Теперь они опустели, и началось новое освоение площади: с одной ее стороны шествует чугунный Ганди, с другой — вздымает руку страстный трибун С. Ч. Бос, один из руководителей национально-освободительного движения в 30—40-х годах.

Чауринги, замыкающая площадь, отходящая от нее Парк-стрит и еще несколько улиц — парадная, праздничная часть города. Еще южнее — кварталы сравнительно зажиточного населения. Неширокие, но зеленые улицы, небольшие, но приятные на вид дома, чистая публика и, как ни странно, чистый воздух. Сюда обычно не доносится шум демонстраций и схваток, нередких в других частях Калькутты.

Все то, что я писал о грязи, лужах, трущобах, относится к северной части, тянущейся вдоль Хугли широкой полосой. Тут весь день топчется по узким улицам многоголосая толпа, тут невозможно проехать на машине в часы пик из-за невообразимой густоты движения — трамваев, автобусов, рикш пассажирских и рикш грузовых, а в период муссонов — из-за периодических наводнений после дождей. Тут в стороне от прямых «авеню» прячутся кварталы хижин, тут живет основная часть многомиллионного населения.

В Калькутте поездка на автобусе требует напряжения всех сил. Двухэтажные автобусы так набиты внутри и так облеплены снаружи, что идут, накренившись на левый «бок» (в Индии левостороннее движение). С замиранием сердца смотришь, как эта красная громада подпрыгивает на выбоинах. От постоянной перегрузки скаты автобусов стесываются с одной стороны, и они сохраняют несколько наклонное положение, даже когда пассажиров становится меньше.

Дороги в этой части Калькутты находятся в ужасающем состоянии, особенно во время муссонов. Дождь размывает непрочное покрытие, образуя причудливый узор из выбоин и неровностей. Мостовые начинают ремонтировать еще во время дождей — привозят очередную партию щебня, шлака и засыпают лужи. Это позволяет поддерживать их в более или менее приличном виде до следующего муссона. В этом, как и во многом другом, чувствуется острая нехватка средств, приводящая к их разбазариванию. Вместо того чтобы проложить прочные и долговременные шоссе, способные вынести тяжелый климат, из года в год занимаются их латанием, что стоит не меньших, а больших денег.

Итак, Калькутта не рай для туристов, не «удобное место, чтобы жить в нем», как выражаются англичане, и не скрою, я всегда испытывал облегчение, уезжая из нее в какой-нибудь иной город Индии.

Но даже я, не связанный «службой», имеющий возможность выбирать место пребывания, вновь и вновь возвращался в Калькутту, потому что в Индии нет равного ей научного центра. Два университета, множество других учебных заведений, Индийский статистический институт — своего рода Академия математических и естественных наук, крупнейшая в Азии Национальная библиотека, крупнейший музей, крупнейший Ботанический сад — все это делает ее городом, который не может обойти научный работник, занимающийся любым вопросом. Театры, культурные, профессиональные и студенческие общества, острая, напряженная политическая борьба придают существованию калькуттских жителей осмысленность и интерес. Мне постепенно стал понятен тот особый патриотизм и ревностная любовь, которую они и все бенгальцы питают к своему душному и влажному городу.

Всегда, когда я сталкивался с жителем Калькутты или ее уроженцем, я слышал вопрос:

— Ну, как вам нравится Калькутта? В Дели никогда не спросят, нравится ли вам Дели. Там могут спросить и спрашивают:

— Как вам нравится в Индии?

Редко осведомится и житель Бомбея или Мадраса о впечатлении, производимом на посетителя их городами. Они слишком уверены, что те не могут не нравиться.

Иное дело калькуттец — он любит свой город страстно, но вполне отдает себе отчет, какое неблагоприятное впечатление последний способен произвести на визитера.

Об этом калькутском патриотизме я долгое время не догадывался и отвечал обычно откровенно:

— Это ужасный город. Пыль, грязь, нищета.

Меня вводило в заблуждение то, что спрашивающие не обижались, а, напротив, казалось, даже охотно поддакивали:

— Да, да, какие дороги, боже мой! А влажность воздуха! О, Калькутта совсем не удобное место для житья. Но,— добавляли они неожиданно с извиняющейся улыбкой,— нам нравится Калькутта.

Они не объясняли, чем нравится, и я не придавал этому непонятному пристрастию значения. В конце концов у индийцев много пристрастий, которых нам не понять и не разделить,— пан, например. Я не замечал, что уничижительный отзыв о городе ронял меня в глазах собеседников, он свидетельствовал либо о поверхностности, либо о том, что я предпочитаю жизненные удобства культурным ценностям.

Однако когда эта извиняющаяся улыбка появилась в десятый или двадцатый раз, пришлось задуматься. До меня постепенно дошло, что любовь к Калькутте имеет не экзотическую, а общечеловеческую природу и, более того, базируется на вполне современном представлении о том, каким должен быть город. Конечно, Бомбей, скажем, гораздо современнее по архитектуре, нравам, одежде, характеру бизнеса. Но зато Калькутта современнее по уровню развития культуры. Наибольшее число писателей, художников, историков, скульпторов, философов, артистов Индии происходят из Бенгалии и живут в Калькутте или учились там и там же начинали свой творческий путь.

Есть и другая сторона — интеллигенция из прочих районов с удовольствием переезжает в Калькутту, ибо здесь наилучшие возможности для проявления своей индивидуальности. Одно имя Тагора, величайшего поэта Индии, внесшего вклад почти во все сферы творческой деятельности, должно убедить в справедливости подобного мнения.

Когда я понял это, то стал отвечать на повторяющийся вопрос иначе:

— Вы знаете, мне не нравится климат Калькутты, но, к сожалению, там живет слишком много умных людей.

Такой ответ бывал по душе моим собеседникам.

В последние несколько лет Калькутта показала себя и как центр радикального, революционного и пролетарского движения. Можно было бы просто рассказать читателю о том, что в результате двух выборов, 1967 и 1969 гг., к власти в Западной Бенгалии пришел блок левых партий, куда входили коммунисты, что правительство Объединенного фронта провело ряд мероприятий в интересах народа. Я сам наблюдал в 1968 г., когда правительство временно пало и установилось президентское правление, высокую активность народа, практически ежедневно выходившего на демонстрации под красными флагами и лозунгами «Да здравствует революция!». Но все это лишь часть истинной сложной картины.

Мне хотелось бы поведать читателю о нелегком пути Западной Бенгалии и Калькутты к этой победе, а также о том, что омрачает ее радость.

В Индии очень много — несколько десятков, может быть, и сот миллионов людей, находящихся в бедственном положении или даже на грани голодной смерти,— сельскохозяйственные рабочие, не имеющие работы большую часть года, крестьяне — владельцы мизерных участков, мелкие ремесленники, товары которых не пользуются спросом, так как фабричные изделия привлекательнее и дешевле, пауперизированный городской люд, существующий вообще непонятно чем. К этим группам населения надо добавить студентов — не столь уже бедных, происходящих, как правило, из средних слоев, но лишенных ясных перспектив — безработица среди образованных в процентном отношении гораздо выше, чем среди неквалифицированных работников.

В Калькутте такого горячего материала особенно много.

Эти социально обездоленные массы готовы на все, чтобы вырваться из невыносимых жизненных условий. Они могут поддержать лозунги пролетарской революции, но могут быть увлечены и любой шовинистической или фашистской пропагандой и в слепой ярости обрушиться не на угнетателей, а на братьев по классу или братьев по положению, если те принадлежат к другой касте, национальности или религии.

Чрезвычайно опасной стала шовинистическая настроенность этих масс в конце 40-х годов, когда англичанам удалось разделить Индию на два государства, а Бенгалию — на Западную, вошедшую в Индию, и Восточную, мусульманскую, отошедшую к Пакистану. В то время Калькутта пережила период мусульманских погромов. Горели лавки, неизвестно откуда взявшиеся банды люмпенов набрасывались на людей, врывались в

дома, били витрины, не разбираясь, индусу или мусульманину они принадлежат. Во всей Бенгалии погибли миллионы человек.

Вместе с тем события 1962 г., когда обострился конфликт на границе Индии и Китая, показали, что вспышка шовинизма еще не сделала Калькутту центром реакции. Антикитайские настроения были в тот период очень сильны в стране, и прежде всего в Калькутте, где живет много китайцев и где они представляют удобный объект для возбуждения вражды — лавочники, владельцы ресторанчиков, прачечных (т. е. конкуренты индийцам). Начались китайские погромы, но не сильные. Несколько сгоревших лавок и несколько избитых человек — это все, на что индусские шовинисты сумели толкнуть голодную, порой не знающую, на чем сорвать свой гнев, часть калькуттского населения.

В 1963 г. казалось, что положение изменилось к худшему, что фанатики снова и окончательно сумели придать протесту обездоленных жестокие и бессмысленные формы.

Осенью этого года, как уже упоминалось, пропал волос из бороды Мухаммеда в одной из мечетей Сринагара. Вспыхнули антииндусские погромы и демонстрации в Кашмире и в Пакистане, в том числе и в Восточной Бенгалии. Ответом была резня мусульман, главным образом в Калькутте.

Какие-то неизвестные лица распространяли страшные слухи, будто в Калькутту из Дакки, столицы Восточного Пакистана, прибыло по почте несколько чемоданов, набитых головами индусов. Какие-то, тоже неизвестные люди кричали в мегафоны на перекрестках, призывая разделаться, наконец, с собаками-мусульманами. Ударные отряды, созданные неизвестным центром, вооруженные не только железными палками, но и револьверами, разрушали и поджигали здания и обороняли район беспорядков от полиции.

Однако, пройдя через все эти испытания, Калькутта не стала шовинистической, а набрала опыт, позволивший ей лучше понять, с кем и как ей надо бороться. Фанатики, разумеется, остались, остались и массы пауперов, готовых на любые беспорядки. И все же результаты выборов 1967 г. продемонстрировали удивительную для тех, кто знал город в прошлом, политическую зрелость.

Выставление кандидатов в Индии — дело сложное. Помимо их личных качеств и политической ориентации, учитывается религиозная принадлежность, их каста и т. д. В рабочем районе Калькутты кандидатом левого фронта был выдвинут коммунист, по происхождению мусульманин. И он победил, хотя по религиозным мотивам вроде бы мог возбудить лишь вражду.

К сожалению, такого рода успехи — очень важные свидетельства роста классовой сознательности — еще редки. Процесс размежевания классовых интересов только наметился, и вспышки дикой, бессмысленной жестокости продолжают, но энергия, скопившаяся в народе, получает все более организованное и целенаправленное выражение.

Я был в Калькутте в очень важный период ее истории — после падения первого правительства левого фронта. Город находился в ожидании сначала созыва Законодательного собрания, а потом, когда попытка навязать собранию правительство реакционного меньшинства провалилась, следующих выборов.

14 февраля 1968 г., в день открытия собрания, все боялись беспорядков, столь обычных здесь, толп, опьяненных жадой разрушения, эксцессов, сражений с полицией, перевернутых автомашин и автобусов. У меня на этот день как раз была назначена лекция в университете. Многие уговаривали меня отказаться от нее и пересидеть в безопасном далеке загородного Статистического института, где мы жили. Я тем не менее поехал: меня толкало нежелание выказать трусость, любопытство (хотелось посмотреть, как выглядит город в момент напряжения его воли и сил) и заверения тех местных знакомых, которые убеждали меня, что советскому человеку в Калькутте бояться нечего. Я поехал, прицепив к лацкану пиджака советский значок с Кремлем и красной звездой.

Меня поразили порядок, царивший в центре города. Не было возбужденных толп, бессмысленных выкриков, сжатых кулаков, перекошенных лиц. На тротуарах кучками стояла молодежь, будто бы безучастная, но серьезная и напряженная. В 2 часа эти кучки собрались в колонны (а не в толпы!) и не торопясь, избегая провокаций, стали прорывать полицейские кордоны и окружать здание собрания.

Весь темперамент бенгальцев, казалось, сконцентрировался в этот день внутри ассамблеи. Депутаты левых партий, поддерживавшие незаконно свергнутое правительство Объединенного фронта, кричали, стучали ногами и пюпитрами, не давали говорить губернатору штата, пытавшемуся представить присутствующим новое правительство. На следующий день буржуазные газеты воздали должное мужеству губернатора, зачитавшему все же свое послание грохочущему залу, хотя, по признанию тех же газет, ни одного слова нельзя было расслышать.

В тот день левые силы добились своего — непопулярное правительство ушло в отставку и было объявлено президентское правление. Это означало, что через шесть месяцев состоятся новые выборы.

Они были назначены на сентябрь, перенесены на ноябрь в связи с наводнением в Миднапуре, потом отложены в связи с наводнением на севере. В конце концов выборы состоялись через год, в феврале 1969 г.

Правительство Объединенного фронта снова пришло к власти.

Но чего это стоило! Калькутта — гигантский муравейник, и управлять накопившимся в нем горючим материалом непросто. Прогрессивным деятелям и организациям пришлось в течение целого года поддерживать высокую политическую активность масс, в то же время препятствовать экстремистским, а то и просто хулиганским выходкам. Я имел возможность убедиться, что выдержка и организованность, проявленные калькутцами 14 февраля, не были случайными. Город бурлил. Каждый день по центральным улицам шли демонстранты — один профессиональный союз, другой, студенческий союз и даже работники тюрьмы, требовавшие увеличения оплаты. Это было ново и неожиданно. Старого и ожидаемого тоже хватало: и хулиганских выходок, и безотчетной злобы, и незрелых выступлений. Газеты услужливо и подробно сообщали о них, более или менее завуалированно сваливая вину на «левых». Молва разукрашивала эти сообщения потрясающими подробностями. Калькутта никогда не испытывала недостатка в слухах.

Все же мне кажется, что худшие ее годы позади. Политическое развитие Западной Бенгалии и ее столицы даст, наверно, немало зигзагов, но, как бы ни сложилась дальнейшая борьба, я уверен, что Калькутта останется одним из важнейших центров прогрессивных сил.

6. БОМБЕЙ

В Бомбей я впервые попал в мае 1963 г. после трехмесячной, очень трудной с непривычки поездки по стране, переполненной новыми и, если можно так выразиться, экзотическими впечатлениями и уставший от этих впечатлений. Очень многое в Индии непривычно, и постоянная мысль, что здесь «все не так, как у нас», и, значит, как «должно быть», угнетает. Вот с таким настроением я приехал в Бомбей, поселился в центральной его части и вышел прогуляться.

Бог мой, да ведь это же Европа! Широкие улицы с мощным, но упорядоченным движением, прекрасные мостовые, нормальные тротуары, парки. И дома, прошлого или нынешнего века, все ярко индивидуальны. А. П. Чехов, путешествуя по Италии, писал, что в Москве — дома, а Венеция, Флоренция, Рим состоят из архитектуры. Так же поразили меня Бомбей после других городов Индии, где большинство зданий — это лишь места обитания, не несущие эстетической нагрузки.

Архитектура Бомбея довольно разнообразна, но и здесь наиболее распространен стиль, который может быть назван колониальным или колониально-викторианским: напоминающие готику устремленные ввысь и увенчанные белыми куполами красные кирпичные сооружения.

Центральная, самая старая часть города расположена на полуострове, вдающемся гигантской двузубой вилкой в воды Аравийского моря почти параллельно материку. С запада его омывает собственно море. Два выдающихся мыса — Малабар и Колаба разделены заливом. Набережная его, уставленная величественными зданиями, залитая солнцем днем и огнями рекламы вечером, изгибается правильным полукругом. Она — наиболее парадный, открыточный вид Бомбея. С востока город ограничен другим заливом, отделяющие его от материка. Здесь возвышаются «Ворота Индии» — тоже достопримечательность, но характер залива другой — деловой, это торговый порт и военно-морская база.

Бомбей весь пропитан морем. Трудно проехать куда-нибудь, хоть раз не попав на набережную. О море напоминают бравые морячки в белоснежных безрукавках и шортах. И воздух пахнет морем — водорослями и рыбой. Нельзя сказать, чтобы этот запах был приятным, особенно в жару.

Немного отдохнув душой в «индийской Европе» я ощутил, что прибыл в нее несколько не вовремя. Климат тут сравнительно умеренный, прохлады, когда надо кутаться в шерсть, не бывает. Редко поднимается ртуть и выше 30°. Но большая влажность делает и эту температуру трудно выносимой.

Я ходил в университет из гостиницы пешком Утром, пока я шел по теневой стороне улицы, было хорошо, но за те три минуты, что я пересекал площадь и достигал противоположного тротуара, я становился мокрым «до основания». Возвращение домой вечером было таким же трудным. Я брел по площади, борясь с желанием побежать и в уме перебирая вещи, которые мне предстояло снять с себя, прежде чем встать под душ: рубашка — раз, одна босоножка — два, вторая босоножка — три, носки — четыре, пять и т. д.

Вечер не приносил облегчения. Даже глубокой ночью мускульное усилие, необходимое для неспешной прогулки, вызывало потоотделение.

Да, лето в Бомбее, несмотря на умеренную температуру, — серьезное испытание для души европейца и для его кожи.

Впрочем, климат здесь, если его сравнить с климатом некоторых окружающих районов, не так уж плох. Тепло солнечных лучей все же умеряется влагой. И когда в марте попадаешь сюда, скажем из Гуджарата или Декана (Пуны, Аурангабада), ощущаешь чисто физическое наслаждение.

Впечатление о современности Бомбея оказалось прочным и действительно отражало одну из его характерных черт. Это единственный город в Индии, где хорошо работает общественный транспорт. Поездка на автобусе, особенно двухэтажном, не только вполне сносна, но иногда, не в часы пик, приятна, и недаром туристические путеводители рекомендуют несколько маршрутов автобуса как хороший способ осмотра достопримечательностей.

Город вытянут к северу — к месту соединения полуострова с материком — и весь прирезан линиями электрички, которые служат еще одним достаточно надежным видом сообщения. Здесь гораздо меньше рикш и гораздо больше такси.

И гужевой транспорт подчеркнута европейский, хотя и допотопный: брички с широкими и мягкими «барскими» сиденьями, с кучером на козлах, с четырехугольным фонарем сбоку — в нем когда-то горела свеча, а теперь, конечно, ничего не горит. В Бомбее почти нет тонг, этого типичного элемента экзотики.

Европа середины XX в. просматривается и в нравах жителей, прежде всего молодежи. Вообще индийцы не отличаются изысканностью в одежде. Шлепанцы на босу ногу и просторные светлые бушеты носят почти все мужчины — даже некоторые

профессора и клерки. Национальные костюмы и вовсе просты. В Бомбее же довольно часто можно встретить закрытые черные ботинки, черные костюмы, галстуки и прочие атрибуты стандартного европейца. Девушки носят мини-юбки или облегающие брюки ярких цветов.

Тут же наиболее полно представлены индийские (впрочем, и европейские) хиппи, обросшие, грязные, нечесанные и одетые в нечто среднее между индийской национальной одеждой и европейской нижней рубахой. Несколько лет назад только в Бомбее попадались парочки, прогуливающиеся под ручку или даже целующиеся на скамейках в парках. Сейчас подобная манера поведения, к огорчению ревнителей традиционной нравственности, уже не является монополией Бомбея, хотя он продолжает лидировать в этом внешнем выражении европейского образа жизни.

Бомбей с середины XIX в. и до сих пор — крупнейший промышленный центр. Именно в нем в 1853 г. возникла первая на индийской земле фабрика, и вскоре он стал текстильной Меккой, городом ситца. Ткани «Бомбей дайинг» (Бомбейской красильной компании) славятся повсюду. С начала века здесь стала развиваться и тяжелая промышленность — металлообработка, электроэнергетика. В Бомбее сосредоточены лучшие кадры технической интеллигенции, ведутся широкие научные работы в области технологии. Не случайно именно в его пригороде возник крупнейший технологический институт, созданный с помощью Советского Союза, и построен первый в Индии атомный реактор.

Семья индийского монополиста Таты распространила свое влияние почти на всю страну и даже построила свой «собственный» город в Центральной Индии — Джемшедпур, названный в честь основателя «династии» Джемшедджи Таты. Но все же центром ее бизнеса остался Бомбей, там ей принадлежит несколько компаний, действующих в важнейших отраслях промышленности, Татовский технологический и Татовский социологический институты, выплачивающие своим сотрудникам колоссальное жалованье.

Тот же Бомбей — столица индийского пролетариата. «Европа», о которой я говорил, сосредоточена лишь на узкой оконечности полуострова. Здание правительства штата, университет, банки, конторы, отели, рестораны и лучшие кинотеатры, фешенебельный торговый центр (Колаба) и самый богатый жилой квартал (Малабарский холм) жмутся к морю, а с севера над ними нависают кварталы собственно Бомбея — города рабочих и мелкого служилого люда.

Эта часть не поражает архитектурными красотами. Она правильно распланирована, застроена многоэтажными домами. Ее пререзают меридиональные линии автобусных маршрутов и электрички. Чем дальше к северу, тем явственнее проступает лицо рабочего Бомбея. Трех-четырёхэтажные дома, лучше сказать бараки, выкрашенные когда-то белой или желтой краской, до того закопчены, что о первоначальном цвете их можно догадаться только по отдельным пятнам и потекам. Черная копоть и черные водопроводные трубы, стоящие снаружи зданий, как леса, которые забыли убрать, отсутствие всякой зелени и благоустройства и неизбежный спутник бедности — протянутые вдоль фасадов веревки с застиранным бельем — создают очень стойкую в своей однообразности, безрадостную и суровую картину постоянных будней.

Еще к северу — места отдыха: пляж Джуху, озера Повай и Вихар, молочное хозяйство «Аарей милк компани», в живописных окрестностях которого обычно устраиваются пикники.

В целом же вид Северного Бомбея определяют выстроившиеся, подобно солдатам, грязно-светлые бараки. Город продолжает расти. Он давно уже выплеснулся за пределы полуострова, растекаясь по прилегающим районам материка, и обогнал Калькутту по населению.

Это, пожалуй, единственный город Индии, где неуклонно осуществляется программа жилищного строительства и надежда на получение новой квартиры семьей

служащего или рабочего достаточно реальна. Как и в других крупных городах, проблема жилья в Бомбее очень остра, но она имеет здесь свою специфику. Если в Калькутте и даже в Дели бездомные, спящие на улицах или в жалких хижинах,— это самая низшая, нищая группа населения, которую просто нельзя обеспечить квартирами, потому что ей нечем было бы за них платить, то бомбейцы, живущие или спящие на улицах,— не всегда нищие.

Как-то в одно из первых своих посещений Бомбея я решил пройтись по нему поздно вечером, почти ночью, «просто так». Конечно, это лучший, хотя и не самый безопасный способ познакомиться с городом. Я миновал кварталы магазинов и учреждений, углубился в переулки, освещенные мертвенным светом карбидных ламп и заполненные деятельной и веселой толпой, бойко покупавшей пан, орешки, фрукты, и попал на темную улицу, которая отделялась высоченной стеной от железной дороги. Вдоль стены в импровизированных палатках, хижинах, сколоченных из старых ящиков, или просто на кроватях, стоящих под яркозвездным небом, расположились сотни семейств. Они готовили ужин на кострах, отмечавших красными точками всю длину улицы. «И здесь все то же,— подумал я,— та же нищета, та же грязь».

Вдруг я услышал музыку — обычную индийскую песенку из кинофильма, чуть лирическую и чуть веселую. Подошел ближе. Возле палатки на грязной земле рядом с закопченной кастрюлей стоял обыкновенный транзистор. В 1963 г. Индия транзисторов выпускала мало, и я почти уверен, что этот был импортный, скорее всего японский, стоивший несколько сот рупий.

Семьи устроились вдоль стены, потому что она защищала от ветра по крайней мере с одной стороны, и, видимо, на самом деле не имели квартир. Конечно, их положение было ужасным. Но они создали свой, пускай примитивный, уют, не лишенный даже известного комфорта. Для них проблема заключалась, по-видимому, в нехватке домов.

А есть в Бомбее и другие «бездомные». Они заполняют по ночам центральные улицы, вернее их широкие тротуары (благо они регулярно подметаются и относительно чисты), приносят с собой тюфячки (чистые!) и одеяла и располагаются на ночлег с подкупающей домовитостью. Молодые люди в европейских костюмах сидят группами, болтая перед сном или играя в карты. Звучат шутки, смех. Ходить по этим тротуарам неудобно и стеснительно не потому, что мучает мысль о страданиях бездомных. Просто испытываешь чувство неловкости — вроде бы непрошенный гость.

Мне кажется, что эти люди могли бы спать и у себя дома, но там теснота, духота, дети. Многие рабочие семьи даже в центре живут в трущобах, хотя их нельзя назвать хижинами, и предпочитают проводить ночь на свежем воздухе. Здесь больше места, здесь интереснее, а на полу спать или на тротуаре — разница невелика.

С начала века Бомбей был и до сих пор остается городом, где профессиональные союзы рабочих организованы лучше всего и пользуются наибольшим авторитетом. Это обстоятельство имеет громадное значение.

Заработная плата индийских рабочих крайне низка. Ее трудно сравнивать с заработной платой европейских рабочих: очень различны потребности и культурный уровень тех и других. Но экономисты подсчитали, что оплата труда квалифицированного рабочего, учитывая уровень цен, не обеспечивает прожиточный минимум его семьи.

На общем безрадостном фоне Бомбей выглядит островом благополучия. Там всегда уровень заработной платы был выше, чем в остальной Индии, в последние годы этот разрыв еще увеличился. Дело в том, что в стране постоянно растут цены и усиливается нехватка продовольственных товаров. Законодатели позаботились, чтобы рост цен не отражался на реальном вознаграждении труда — в соответствии с ростом цен должна расти и специальная «надбавка на дороговизну» (по-английски «дирнес алоуанс», сокращенно Д. А.), которая уже давно превысила размер основного «оклада».

Если спросить индийского рабочего или служащего об их зарботке, в ответ они назовут несколько цифр — зарплата, надбавка на дороговизну, квартирные, иногда транспортные и т. д.

Реальное получение надбавок зависит всегда от сплоченности и организованности рабочих, от их способности вырвать у администрации полагающуюся по закону сумму.

Во всех без исключения промышленных или административных центрах постоянно идет борьба за Д. А. Как ни странно, тяжелее всего в этой борьбе приходится служащим и представителям управленческого аппарата, не имевшим до недавнего времени крепких профсоюзов.

Я уже упоминал о демонстрации служащих калькуттской тюрьмы, проходившей у меня на глазах в августе 1968 г. Лозунгом служила та же Д. А.

В 1967 г. под таким же лозунгом проходила забастовка государственных служащих штата Уттар Прадеш. В течение месяца административная система крупнейшего по населению штата Индии не работала.

А в апреле 1967 г. случилось нечто совсем удивительное — полицейские Дели организовали свой профсоюз, выставили требования и вышли на демонстрацию, несмотря на запрещение правительства. К, счастью для властей, в их распоряжении оставались «лояльные» отряды, которые и посадили 657 своих мятежных коллег в тюрьму.

При мне подготавливалась и была проведена грандиозная стачка служащих центрального правительства. Если бы организаторам стачки удалось сделать ее, как планировалось, всеобщей, то целый день не работали бы все правительственные учреждения, почта, железные дороги, аэропорты, автобусы и т. д. Правительство смогло убедить чиновников и железнодорожников не принимать участия в забастовке, но почта была закрыта больше недели. Письма лежали в уличных ящиках или сваленными в мешках у помещений почтовых отделений. Сортировкой занимались солдаты. Почтовики мешали им по мере сил.

В подобных условиях рабочие, особенно бомбейские, с их давними традициями профсоюзного движения, значительной межотраслевой солидарностью, имеют преимущество. Им, в общем, удается, хотя и не без труда, вырывать у предпринимателей то, что гарантируется законом.

Это не значит, что рабочие Бомбея живут в достатке — вопрос о том, как заплатить за квартиру и свести концы с концами, стоит для них так же остро. Но все же здесь гораздо меньше неприкрытой нищеты, безысходности, отчаяния, чем в Калькутте и многих других городах.

Может быть, этим объясняется, что рабочий Бомбей не всегда дает должный отпор крайне националистическим, шовинистическим настроениям городских низов.

Как-то в марте 1968 г. меня рано утром разбудили громкие крики, треск барабанов и звуки труб. По улице медленно ехали грузовики, наполненные орущими мальчиками в униформе. Это была демонстрация «Шив сены» («Армии Шивы»). В данном случае Шива — не имя индуcского бога, наиболее почитаемого в Индии, а имя Шиваджи — вождя восстания маратхов против Могольской империи в XVII в., основателя национального маратхского государства.

Лозунги «Шив сены» — «Бомбей — маратхский!», «Махараштра для маратхов!», «Долой немаратхов!» и «Смерть коммунистам!».

В этой организации много школьников и учащихся колледжей. Но не эти неоперившиеся юнцы, гордящиеся выданной им формой цвета хаки, определяют лицо «Шив сены». Ее ударные отряды не маршируют по улицам, а под покровом ночи нападают на лавки и учреждения, принадлежащие мусульманам, гуджаратцам и другим «немаратхам», избивают рабочих-коммунистов, создают в Бомбее обстановку террора.

Интересно, что они никогда не трогают парсов — тоже «немаратхов». Объясняется это очень просто: парсы — могущественная капиталистическая группа, держащая в руках почти всю промышленность Бомбея и Махараштры. Сам Тэта — парс! Приобретать

такого противника не входит в планы руководителей «Шив сены». Она отыгрывается на беззащитных мелких лавочниках и рабочих, приехавших в Бомбей на заработки.

«Шив сена» — это и местная политическая партия, уже овладевшая муниципалитетом Бомбея и серьезно-подумывающая о завоевании большинства в Собрании Махараштры.

Начало бомбейского шовинистического движения можно отнести к 1956 г., году проведения административной реформы. Новые границы штатов более или менее соответствовали территориям расселения основных народов. Однако вопрос о Бомбее долго оставался нерешенным.

Многие современные города разноязыки и разноплеменны. Бомбей особенно. Он возник в конце XVII в. как торговая база англичан и постепенно стал экономическим центром всей Западной Индии, он использует ресурсы Махараштры, Гуджарата, Мадхья Прадеша, Карнатака, аккумулирует средства и население всех этих областей. Конечно, маратхов в нем большинство, но гуджаратцы уступают им незначительно. Целые кварталы заняты мусульманами не только индийского происхождения, но и приехавшими из Ирана и из арабских стран. Немало представителей Южной Индии, не считая уж «говорящих на хинди».

Авторы административной реформы 1956 г., не зная, куда отнести Бомбей, предлагали даже, вопреки «языковому принципу», объединить Гуджарат и Махараштру в составе одного штата, чтобы Бомбей принадлежал сразу обеим областям. Когда выяснилось, что такое решение невозможно (стремление к самостоятельности было слишком сильным и в Махараштре и в Гуджарате), появился проект выделить Бомбей в особую административную единицу — «союзную территорию».

И вот тут-то возникло довольно сильное маратхское националистическое движение. Его участники победили: Бомбей стал столицей Махараштры. Но ведь характер его от этого не изменился. Формальное провозглашение маратхского «суверенитета» над городом показалось шовинистам недостаточным. В 1966 г. была создана «Шив сена», ставящая целью низвести «чужаков» из других районов Индии до положения граждан второго сорта и, создав для них атмосферу террора, со временем их вообще «выселить».

В 1968 г. еще можно было думать, что эта организация не представляет серьезной опасности, что производимый ею шум не соответствует ее действительному весу. Хотя уже тогда было ясно, что это не случайное движение. В других штатах тоже кипели националистические страсти, в Мадрасе, например, к власти пришла, партия, декларирующая, что она руководствуется интересами только своего штата.

Но потом, уже в феврале 1969 г., произошли события, показавшие, к чему может прийти Бомбей, если деятельность этой организации фашистского типа не будет пресечена.

Границы между штатами проведены приблизительно, учитывалась национальная принадлежность большинства жителей района (талука), а не каждого города и деревни. Город Белгаум, скажем, где большинство составляют маратхи, отошел к Майсуру. «Пограничный конфликт» между двумя штатами продолжается, то затухая, то разгораясь.

«Шив сена» потребовала, чтобы вопрос был решен немедленно в пользу Махараштры. Когда же центральное правительство не ответило на это требование, боевые отряды организации вышли на улицу уже при свете дня. Четыре дня город находился во власти банд, громивших магазины, поджигавших машины и автобусы, убивавших людей. Полиция оказалась бессильной. Лишь регулярные войска прекратили эту оргию разрушения.

7. МАДРАС

Мадрас — самый маленький, самый южный и тропический, самый живописный из крупных городов Индии. Он расположен на берегу моря, и это выражение «на берегу» как нельзя лучше определяет его внешний вид и характер.

Когда смотришь на город с высокого маяка, кажется, что он составлен из двух равновеликих частей — домов и моря, разделенных прямой полосой желтого песка. Линия горизонта воспринимается как городская черта, хотя сам город, вытянувшийся вдоль пляжа на много километров, невозможно увидеть целиком.

Мадрас не имеет удобной естественной гавани. Берег Бенгальского залива понижается постепенно и ровно. В 1639 г. англичане взяли в аренду кусочек суши у местного раджи и построили на нем форт Сент-Джордж, но суда тех времен не могли приставать к берегу. Их приходилось разгружать и нагружать в открытом море с помощью вертких туземных фелюг и плотов. На сохранившихся картинах и рисунках изображены эти примитивные средства транспорта, преодолевающие полосу прибоя, а на валу форта — затянутые в мундиры англичане, с нетерпением ожидающие грузов и писем.

Слава ведущего морского порта так и не пришла к Мадрасу, хотя тоннаж судов рос, пребывание в открытом море стало более безопасным, совершенствовались средства перевозок, связывающие корабли с берегом, были выстроены доки и ремонтные мастерские и даже небольшой искусственный порт, оснащенный современной техникой, в том числе венгерскими порталными кранами.

В декабре 1967 г. разразилась буря, и греческий пароход выбросило на пляж. Снять его не удалось, и он был продан местным дельцам на слом. Однако бизнесмены решили выколотить из судна денег больше, чем оно стоило. Они организовали осмотр его, установив входную плату в 1 рупию — цена приличного вегетарианского обеда. Расчет был верен: желающих оказалось немало. Каждый вечер по желтому песку движется к черному пароходу белая очередь. Компания зарабатывает несколько тысяч рупий в день, а ласковое море не торопится расправиться со своей жертвой.

Пристанями Индии сделались Бомбей с его естественной гаванью, Калькутта с полноводной Хугли, а на восточном побережье — Масулипатам, а потом Висакхапатнам.

Но корабли продолжают приплывать в Мадрас — он очень важен и без порта. Это политическая и экономическая столица Южной Индии, во многом специфического района. Свои товары для экспорта, свои потребности в импорте, своя культура.

Столь неудобная для гавани пологость берега придает Мадрасу исключительное пейзажное своеобразие. Чистое ультрамариновое море, по которому нескончаемой чередой бегут белейшие барашки, — уже само по себе изумительное зрелище. Безобидные барашки, превращаясь в могучие зеленые волны, накатываются на светло-желтый блестящий песок.

Пляж шириной в несколько сот метров тянется вдоль всего города и выходит за его пределы. Говорят, по размерам и красоте он уступает только знаменитому пляжу Копакабана в Рио-де-Жанейро.

Он резко отчеркнут дугой современной асфальтовой магистрали Марина-драйв, которая днем гораздо живописнее бомбейской набережной, но несколько теряет в яркости ночью из-за отсутствия световой рекламы.

Набережная Мадраса начинается портом и фортом Сент-Джордж. Там сейчас музей. Его, как и многие другие музеи в Индии, можно назвать «Англичане в тропиках».

Далее Марина-драйв окаймлена зданиями разных времен. Английский период представлен «колониальным» стилем — неизбежный кирпич и башенки-купола. Но здесь купола не похожи на гайки. Они украшены затейливыми узорами, придающими им веселый, молодой и наивный вид. Современные здания (строгий геометризм форм, красные стены, расчлененные белыми солнцезащитными) тоже хорошо смотрятся на фоне яркой природы.

Я полюбил этот город сразу. В первый мой приезд меня поселили в общежитии для аспирантов университета, на самой набережной.

Когда юркий маленький человечек, мистер Мохан, ввел меня в крошечную комнатку с окном без стекол, где всего мебели было железный стол, железный стул, кровать, покрытая свежескрашенным железным листом, и объявил, что здесь нет фена, так как он не нужен, я здорово приуныл.

Вентилятор в Индии, я уже хорошо знал это,— непереносимое условие хоть какого-то комфорта. Он позволяет чувствовать себя при сорокаградусной жаре так, будто сейчас только 35. А известно ли вам, как это много — 5 градусов?

Вот почему, услышав от Мохана, что обычно с моря дует «прекрасный бриз», я только вздохнул и решил претерпеть это и отсутствие душа ради любви к науке, ведь все равно делать было нечего.

Я счастливо ошибся. В апреле, когда во всей Индии стоит удушающая жара, я в своей железной комнатке без удобств, всего в 13° от экватора, кутался в одеяло и крепко закрывал дверь — иначе сквозняк становился просто опасным. Вечерами ветер не раз сдувал бумаги с моего стола. Он нежно обвеивал меня по ночам, а утром я даже замерзал.

Будили меня не только знаменитый бриз, но и лучи солнца, встававшего из-за моря. Эти свежие и чистые лучи раскидывались широким веером, разрезанным на несколько, казалось, равных частей параллельными полосами голубого, синего, желтого и серо-черного — небом, морем, песком и асфальтом.

Вечером я выходил на балкон-коридор с другой стороны здания, чтобы увидеть закат — карминное небо с черными силуэтами пальм и храмов Майлапура.

Да, мне повезло. И потом, когда я жил в отелях, снабженных идеальной системой кондиционирования, я вспоминал свою железную комнатку на Марине, и изредка долетавшее до меня на душных центральных улицах дуновение морского ветра тотчас воскрешало всю картину — оранжевый восход, голубые, желтые, черные полосы и восхитительный освежающий бриз. Мне было на редкость тяжело работать в непроветриваемых залах мадрасского архива, мои поры непрерывно выделяли влагу, но на всю жизнь осталось впечатление о Мадрасе как о городе, где жара переносится легче, чем где бы то ни было в Индии.

Марина-драйв — благословение и украшение города. Когда кончается рабочий день и солнце начинает клониться к закату, сюда устремляются толпы мадрасцев — вдохнуть свежего воздуха, побродить по ласковому песку босиком, встретиться со знакомыми. Этот многокилометровый «клуб для всех» работает с полной нагрузкой несколько часов, пока не закатится солнце и вечер вдруг сменится темной ночью.

Пляж не используется по прямому назначению — здесь не загорают и не купаются. В лучшем случае гуляющие доходят до прибоя и осторожно ступают в набегающие волны. Большинство индийцев, даже молодежь, не умеют плавать.

Кроме того, купаться в черте города не разрешается. Считается, что это опасно — акулы. Пляжи, где можно купаться,— Эттур к северу от Мадраса и Эллиот-бич к югу — ничем не отличаются от пляжа Марина-драйв. Они так же открыты морю, так же подвержены набегам волн, затрудняющим пловцам приближение к берегу. По-моему, объясняется все тем, что пляж в городе облюбовали для себя рыбаки, хижины которых — черные пятна на светлом песке — и примитивные лодки, связанные из трех бревен, расположены тут же. Желаящих купаться не так много, в основном это европейцы и богатые европеизированные индийцы. Они могут без труда отправиться на своих машинах и за город. А рыбакам гораздо удобнее ловить рыбу здесь — ближе к базарам и скупщикам. Вот и распространилась молва, что купаться здесь опасно.

Как во всяком крупном городе, районы Мадраса разнятся по внешнему виду и населению. Но я не заметил тут такого резкого контраста, как в Калькутте или Бомбее.

Когда англичане основали форт Сент-Джордж и вокруг него начали селиться индийские торговцы и ткачи, спасавшиеся от войн и грабежей, которые раздирали в то

время Южную Индию, возникло деление на «белый» и «черный» город. Англичане жестоко эксплуатировали ткачей, заставляя их производить великолепные ткани за бесценок. «Черный» город в конце XVII — первой четверти XVIII в. стал ареной первых серьезных столкновений колонизаторов с их «подданными» — ткачи и торговцы объявляли забастовки, прекращали снабжать англичан тканями, требуя уважения к своим обычаям.

Выступления мадрасского люда жестоко подавлялись, но все же колонизаторы вынуждены были пойти на уступки. Им пришлось поднять закупочные цены и чуть ли не впервые согласиться с тем, что «черный» город будет управляться советом уважаемых местных граждан.

Роль Мадраса в качестве опорного пункта завоевателей в Южной Индии в конце XVIII в. после решительной победы над французами и разгрома княжества Майсур — главного противника англичан в этом районе — значительно уменьшилась. Вывоз индийских тканей, которыми особенно славилось Восточное побережье, сначала был англичанами сокращен, а потом прекращен вовсе. Экономическая роль Мадраса, следовательно, тоже упала. Англичан больше привлекали Калькутта, резиденция генерал-губернатора, и Бомбей, центр деловой активности. В результате в Мадрасе оказалось немного европейцев и не создалась местная крупная буржуазия — два элемента, из которых обычно складывалась богатая часть населения. И он превратился в довольно однородный город среднего достатка.

Конечно, есть здесь Маунт-роуд, главная улица — средоточие крупных магазинов и контор — и боковые улочки, забитые мелкой торговлей, транспортом и, конечно, людскими толпами. На Чайна-базаре и Мур-маркете можно купить и ржавые гвозди, и подержанные книги, и прекрасные произведения индийских мастеров.

Но во всех районах толпа по виду примерно однотипна — женщины в тяжелых, но не слишком дорогих сари, мужчины в европейских брючках или в дхоти — кусок белой материи, который повязывается вокруг ног на манер юбки. Дхоти можно сделать длинным до земли или же, если жарко, — выше колен: подвернуть концы и сложить его вдвое.

Мадрасцы гордятся этим простым и эффективным изобретением народного «ателье мод». Когда я спросил однажды у своих тамошних друзей, что бы купить на память о Мадрасе, они посоветовали приобрести именно дхоти, тут же продемонстрировав, как оно удобно в носке, и объяснили, помахав его концами, что оно обеспечивает «прекрасную вентиляцию тела».

Итак, мадрасская толпа отличается большей однородностью — мало нищих, мало выставляемых напоказ богатства или бедности, — простотой, приверженностью к национальной одежде и (самое заметное) активностью и жизнерадостностью. Особенно поражает южный, темпераментный и беззаботный строй жизни города, когда приезжаешь в него из хмурой Калькутты, чьи многочисленные нерешенные проблемы вопиют па каждом шагу.

Мадрас — столица штата, который назывался тоже Мадрас, но как раз накануне моего отъезда был переименован в Тамилнад. Это изменение имеет важное значение — отражает рост национального сознания населяющих его тамиллов.

Чтобы охарактеризовать политическую обстановку здесь, надо начать издали. Известно, что население Индии многонационально и многоязычно, однако основные национальности принадлежат к двум группам — индоевропейцам и дравидам. Первые, более светлые и «европеоидные», населяют в основном Северную Индию, включая часть областей на Деканском полуострове вроде Махараштры. Вторые — люди с темной кожей и курчавыми волосами — живут в Южной Индии. Дравидийские языки во многом схожи между собой и резко отличны по грамматике и фонетике от индоевропейских.

Вопрос о том, как дравиды и индоевропейцы появились на Индийском полуострове, все еще вызывает ожесточенные споры, и о нем позже. Ясно одно — они «соседи по Индии» и за несколько тысячелетий совместного существования сильно

сблизились. В индоевропейские языки перешло немало дравидийских слов, а в языки южноиндийцев — еще больше слов из санскрита — древнего литературного языка северян.

Возникла общая религия — индуизм, хотя она и вобрала как бы совершенно механически самые разнородные культы. Шива, ставший в конце концов наиболее почитаемым божеством, является по происхождению дравидийским богом. Множество женских божеств, которым поклонялись древние дравиды, нашли свое место в нынешнем индуистском пантеоне.

Но все же в этом взаимопроникновении культур ведущую роль сохранял североиндийский, «арийский» элемент. Именно санскрит стал языком культуры и науки, как позднее латынь в средневековой Европе. Именно веды — сборники гимнов-песнопений, созданные индоевропейскими племенами, стали главными священными книгами. И именно брахманы — наследственные жрецы, толкователи ведийских гимнов и других священных текстов, стали носителями общеиндийской религии и общеиндийской культуры.

Правители многочисленных княжеств Южной Индии, желая прослыть покровителями религии и искусств, приглашали с Севера сотни и тысячи брахманов, раздавали им деревни с прикрепленными к земле работниками, чтобы брахманы могли вести безбедную жизнь, толковать веды, обучать санскриту, давать желающим благочестивые советы и, конечно, молиться за благополучие облагодетельствовавшего их монарха. Жрецы-дравиды тоже иногда добивались равного с ними положения, но чтобы их признали «настоящими» брахманами, им, надо было убедить окружающих, что они вовсе не местные, а тоже когда-то пришли с Севера.

Со временем брахманы на юге занялись вещами, далекими от благочестия, — сделались налоговыми чиновниками, министрами и губернаторами, помещиками, военачальниками, купцами и людьми «свободных профессий». Но социальное их положение зависело от принадлежности к брахманскому сословию, и потому предания об их северном происхождении тщательно оберегались и культивировались.

Когда в начале XIX в. идеи национализма начали охватывать все области Индии, тамильский национализм принял «дравидийскую» окраску. Тамильская интеллигенция, наиболее развитая по сравнению с интеллигенцией других народов Юга, претендовала на то, что она представляет всех южан — малайяли, каннада и андхра. Широкое распространение получили идеи отличия и, конечно, преимущества дравидийской культуры перед «арийской». Подчеркивалось, что североиндийцы утратили свою самобытность в результате вторжения ислама и истинная индусская культура сохранилась только на Юге, что Север угнетает южан политически и экономически и т. д.

Национализм всегда ищет врагов не только внешних, но и внутренних. Для тамильских националистов врагами были дельийские политиканы, бомбейские и калькуттские капиталисты, а также местные брахманы, которые заслужили нелюбовь народа тем, что занимали привилегированное положение.

Один из зачинателей «антибрахманского движения» на Юге имел обыкновение поучать своих последователей:

— Если ты увидишь одновременно змею и брахмана, убей сначала брахмана.

Впрочем, на самом деле движение было не столь кровавым. Его руководители, образовавшие в 20-е годы XX в. «Партию справедливости», а потом Дравидийскую партию («Дравида кажагам»), не призывали к террору против брахманов, но считали своими врагами не англичан, а североиндийцев, в том числе и лидеров Национального конгресса.

В 30—40-е годы, когда в борьбу за независимость включались все народы и все слои Индии, идея местного сепаратизма не могла быть особенно популярной. «Дравида кажагам» (ДК) оставалась партией незначительной группы тамильских интеллигентов.

Однако после достижения независимости положение изменилось. Англичане, будучи предметом общей ненависти, невольно выполняли объединяющую роль. После их ухода единство Индии могло быть обеспечено только равноправием ее наций, предоставлением равных возможностей культурного и экономического развития.

И оказалось, что обвинения ДК, направленные против общеиндийских организаций, имеют под собой кое-какую почву. В них действительно руководящее положение занимали северяне. Новые гидроэнергетические и индустриальные объекты решением правительства строились главным образом в Северной Индии, южным штатам отпускались на это относительно незначительные средства.

Отколовшееся от «Дравида кажагам» левое крыло, принявшее название «Дравида муннетра кажагам» (Дравидийская прогрессивная партия) и возглавленное видным адвокатом, большим мастером устного и печатного слова и хорошим организатором Аннадураем, быстро превращалось в могущественную политическую партию.

В качестве основной задачи она выдвинула отделение четырех южных штатов от Индии и образование независимого государства Дравидистан. Надо сказать, что попытка ее повести за собой другие народы Юга провалилась. Организации «Дравида муннетра кажагам» (ДМК), хотя и были созданы в Керале, Майсуре и Андхре, не получили массовой поддержки. Но в самом Тамилнаде, особенно в среде мелкой буржуазии Мадраса и ремесленников небольших городков, влияние ее росло стремительно. Карта будущего нового государства, охватывающего полуостров, стала все чаще появляться на стенах домов, на значках и на первых полосах тамильских газет.

В 1964 г. правительство законодательно запретило пропаганду отделения какой-либо части от Индии. ДМК пришлось внести изменения в свою программу — лозунг отделения был заменен требованием «достойного места» южным штатам в пределах единого государства.

Политическая обстановка на Юге, прежде всего в Керале и Тамилнаде, поддается визуальному определению. Здесь есть обычай вывешивать на домах и на улицах флаги той партии, за которую голосуют жители. Если еще в 1963 г. число трехцветных (Национального конгресса), красных (Коммунистической партии), черных (ДК) и черно-красных (ДМК) флагов, трепетавших на морском бризе Мадраса, было примерно одинаковым, то в 1968 г. черные флаги исчезли совсем, число трехцветных и красных сократилось, а черно-красные господствовали.

Партия Аннадурая пришла к власти быстро и, по всей видимости, прочно.

Националистические тенденции характерны для многих штатов Индии, но в большинстве они выражены еще глухо, лишь иногда проявляясь в борьбе радикально-левых и шовинистически-правых сил или же выливаясь в противозаконные акции фашиствующих организаций типа «Шив сены» в Бомбее. В Тамилнаде же национализм восторжествовал открыто. Эта новая тенденция в индийской политике позже, в 1969 г., была поддержана в Панджабе, где к власти пришла местная религиозная партия «Акали дал».

Огромную роль в победе ДМК сыграл ее лидер Аннадурай, которого в Мадрасе звали не иначе как «Анна» — уменьшительное от фамилии и в то же время слово, обозначающее «отец» или «старший брат». Говорят, что он одинаково безупречно владел тамильским и английским, писал драмы и стихи, его речи производили ошеломляющее впечатление на толпу. Он создал крепкую, сплоченную партийную организацию. Но в начале 1969 г. Аннадурай умер, оставив своим последователям нерешенные проблемы.

Что же составляло силу ДМК, кроме защиты интересов Тамилнада и популярного лидера? На этот вопрос я пытался получить ответ, поехав однажды с товарищами, тоже советскими индологами, в местное отделение партии в небольшом ремесленном городке Канчипурам.

Прежде всего, что символизирует красно-черный флаг?

— Черный цвет символизирует нашу приверженность делу дравидов,— объяснили нам.— А красный — веру в идеалы коммунизма.

Итак, эти некоммунисты, ожесточенно конкурирующие с Компартией за влияние в ремесленных и рабочих массах, спланивавшие их под лозунгом борьбы с «северянами», тоже, оказывается, верят в идеалы коммунизма.

В редакции местной газеты висели портреты — Маркс и Сталин. Зашел разговор и о них.

— Почему здесь портреты этих деятелей? — осторожно спросили мы и услышали в ответ:

— Потому что мы верим в коммунизм.

— Но почему висят именно эти портреты? Почему нет портрета Ленина?

— Как? — секретарь комитета ДМК смущенно обвел глазами стены.— Разве нет? О, у нас есть его портрет, и мы его обязательно повесим, обязательно.

Все это можно считать демагогией и пропагандой, рассчитанной на уловление душ радикально настроенных масс. Тем более что «идеалы коммунизма», проповедываемые руководителями партии, весьма расплывчаты — всеобщее благополучие и благосостояние, борьба с бедностью, господство справедливости. Никаких следов научного социализма или стремлений преобразовать экономическую систему в программе ДМК не обнаруживается.

Конечно, «коммунизм» ДМК — это прежде всего средство возглавить и повести за собой народ. Но желание сохранить массовую поддержку может в будущем толкнуть партию далеко влево, даже гораздо дальше, чем предполагают нынешние ее руководители.

После прихода ДМК к власти в Мадрасе она осуществила в интересах народа несколько мероприятий, самым важным из которых было установление твердой цены на рис — 1 рупия за килограмм. Значение этого факта станет яснее, если вспомнить, что рис служит основной пищей индийцев, особенно на Юге, и что неурожаи в 1965—1967 гг. поставили многие районы страны на грань голода.

И вот в 1968 г., когда в Дели и Калькутте были введены два «безрисовых дня» в неделю (его запрещали в эти дни продавать в лавках и подавать в столовых и ресторанах), а в соседней с Тамилнадом Андхра, рисовой житнице Индии, рис стоил 3 рупии, правительство ДМК организовало распределение его (пусть низкосортного, мелкого) всего по 1 рупии. Разницу между рыночной и декретированной ценой оно торговцам компенсировало. Правда, делалось это за счет налогоплательщиков, т. е. в конечном итоге того же народа, но ведь все правительства распоряжаются народными деньгами, только распоряжаются по-разному.

Обстановка относительного благополучия и довольства, создавшаяся в то время в Тамилнаде, резко контрастировала с напряженностью в Дели, Калькутте, в Керале и других районах.

Разумеется, это мероприятие вызвало много трудностей — утечку средств, которые отвлекались от вложений в промышленность и сельское хозяйство, необходимость учреждения специальных таможенных застав на границах штата — дешевый мадрасский рис предприимчивые торговцы стремились вывезти в соседние Андхру и Кералу и реализовать по цене в 2—3 раза выше.

И тем не менее оно увенчалось успехом — удалось обеспечить население продовольствием до нового урожая, а он оказался хорошим, и положение с зерном улучшилось во всей Индии.

Другая мера ДМК относится совсем к иной сфере. В июне 1968 г. Законодательное собрание Мадраса (штат еще не был переименован) приняло постановление, запрещающее выставлять изображения божеств в общественных местах. Значение постановления может понять лишь тот, кто хоть раз посетил индийское учреждение или завод. Индийцы в массе очень религиозны. Мысли о боге, исполнение обрядов занимают

огромное место в их жизни. Естественно, они стремятся лицезреть любимое божество всегда, в частности и во время работы. Поэтому повсюду, порой в самых неподходящих, с нашей точки зрения, местах, вроде цеха современного завода, висят бумажные картинки-иконы, изображающие популярного в данной местности бога. Нередко они соседствуют с портретами обожествляемых политических деятелей — Ганди и Неру, в Бенгалии — С. Ч. Боса, в Махараштре — Шиваджи.

Портреты иногда наклеены прямо на стену, иногда в аккуратных рамках под стеклом повешены на гвоздике. Обычно под ними теплится лампадка, дымится сандаловая палочка или, на крайний случай, горит электрическая лампочка.

Это может показаться трогательным, но на самом деле не так безобидно. Подчеркивание приверженности к индуизму получило сейчас политическую окраску. Не все жители Индии — индусы. Есть еще мусульмане, христиане, джайны, буддисты. Христианам хорошо: они могут поместить над рабочим столом или станком Иисуса Христа и Мадонну. Джайнов и буддистов, во-первых, совсем немного, во-вторых, им индуистские боги если не родные, то двоюродные. А вот у мусульман, самого крупного религиозного меньшинства, особенно в городах, нет ни икон, ни других изображений Аллаха. И демонстрация приверженности индуистским богам приобретает антимусульманскую окраску.

Представляется просто невероятным, что националистическая ДМК не побоялась замахнуться на всевластие индуизма. Ведь мусульмане — тоже «северяне», еще больше, чем брахманы. Во всяком случае, на Юге они появились позже. Даже Национальный конгресс и руководимое им центральное правительство, провозгласившие в Конституции секуляризм, т. е. независимость от религии, не решились на подобную меру.

Любопытно, что это распоряжение, столь, казалось бы, противоречащее традициям, фактически не встретило в Мадрасе противодействия. Видимо, ДМК чутко уловила настроение масс, вовсе не склонных, несмотря на религиозность, к воинствующему клерикализму, к проповеди исключительности своей религии.

В связи с этим возникают сомнения в справедливости притязаний крайне правых религиозно-общинных организаций вроде «Джан сангх», утверждающих, что они выражают «истинный дух» индийского народа.

«Дравида муннетра кажагам» — партия очень сложная, будущее ее во многом еще не определено. Благожелательно-враждебный нейтралитет к коммунистам пока не помешал ей принять их поддержку на выборах. Характерно и чрезвычайно дружественное отношение тамильского правительства к Советскому Союзу. За последние годы культурные и экономические связи между СССР и Тамилнадом значительно расширились.

Правительство ДМК приобрело большой авторитет твердой позицией по вопросу о правах штата на свою долю при распределении централизованных средств — оно выступает с конкретными предложениями по увеличению этой доли, но воздерживается от всяких угрожающих жестов в адрес Центра и неукоснительно выполняет решения индийского правительства. После раскола Конгресса фракция ДМК в парламенте фактически поддерживает курс Индиры Ганди.

Дальнейшая судьба ДМК зависит от многих факторов — полевение мелкобуржуазных масс может толкнуть ее на радикальные социальные реформы, в то же время пребывание у власти без проведения серьезных преобразований в экономике при быстром росте местной крупной буржуазии, с которой приходится идти на компромиссы и вступать в соглашения, может привести к превращению ее в обычную буржуазную партию, прикрывающуюся прежней славой выразителя интересов всего народа.

8. МНОГОЭТАЖНАЯ ДЕРЕВНЯ

Сколько раз мне доводилось слышать: «Чтобы узнать Индию, надо жить в деревне». Действительно, Индия — страна аграрная, и основное ее население живет вне городов. Крестьянская психология прочно и долго держит в своих тенетах даже того, кто покинул деревню и порвал с ней связь. Но совсем порвавших немного. У одних горожан там остались родственники, и часто очень близкие, — жена, дети, у других — собственный клочок земли или дом, хотя в нем давно не живут. Они любят приезжать сюда на день, на два и называют это «съездить домой». У третьих когда-то были дом и земля, и они вспоминают свое детство в деревне с большой теплотой.

Однажды я застрял на вокзале в маленьком городе Махоба и несколько часов ждал поезда. Моим товарищем по несчастью оказался немолодой, но крепкий и живой человек, как выяснилось, — финансовый инспектор из Уттар Прадеша. Он уже 20 лет работает в Аллахабаде, часто бывает в командировках — надо проверить счета то в Канпуре, то в Банде, то в Джханси. Мы проговорили с ним с 5 вечера до 2 часов ночи — на вокзале, а потом в поезде. О чем? Конечно, о религии и еще о любви, ведь оба мы возвращались из Кхаджурахо, в храмах которого столь прочно слиты эти две темы.

Мой собеседник, как я сказал, был горожанином, правительственным чиновником среднего ранга. Но, к моему удивлению, семья его — жена и дети — до сих пор жила в родной деревне, где у него с братьями имеется около 30 акров земли, где он женился и откуда молодым человеком отправился на поиски места в город.

— Почему же вы не взяли семью к себе?

— Ну, сначала я не мог — не было средств. Да и сейчас легче одному. С семьей я прожил бы в городе все жалованье, а так я могу немножко помогать братьям.

— Но ведь это, наверно, тяжело — месяцами не видеть семьи, быть фактически холостяком всю жизнь.

— Нет, я довольно часто бываю дома, раз в месяц или раз в два месяца, провожу там отпуск. В молодости было, правда, трудновато. Теперь привык.

Я вспомнил этого человека потому, что он не единственный. Таких «полугорожан» в Индии очень много. Их связывают с деревней не только воспоминания, а сама жизнь.

Заветная мечта тех, у кого нет в деревне ни родственников, ни земли, но остался, скажем, дом, постепенно приходящий в ветхость, — отремонтировать его и доживать там свой век, наслаждаясь природой и общением с односельчанами.

Действительно, неторопливая сельская жизнь близка душевному складу индийца, склонного к самодеятельному философствованию и нетребовательного к удобствам.

Я не избежал ошибки, свойственной почти всем иностранцам, — судить об Индии по ее городскому меньшинству, более доступному для наблюдений. Я тоже лучше знаю городскую Индию, чем деревенскую, и поэтому судить о стремлениях и чаяниях сельского индийского жителя мне очень трудно. Однако кое-какие черты, может быть, самые яркие, лежащие на поверхности, мне удалось подметить.

Конечно, многообразие страны лишает возможности рассказать о типичной деревне, об индийской деревне вообще. В Северной Индии плоскость равнин, перерезанных межами и земляными валами, которыми одно поле отделяется от другого, кое-где прерывают группы домов, поставленных посреди разбегающихся пыльных дорог и открытых солнечному свету. Вокруг ни кустика, тень отбрасывают лишь глиняные заборы, напоминающие наши среднеазиатские дувалы.

Бихарские деревни, состоящие из круглых хижин, теряются в красиво возделанных полях пшеницы и сахарного тростника. Бенгальские деревни видны далеко. Они расположены на естественных или насыпных холмах, которые спасают их от частых здесь наводнений. Внизу поля риса — ровные, как правило, заболоченные.

В Ориссе и Южной Индии деревни укрыты пальмами. Искривленные ряды стволов пальм на межах очерчивают границы полей.

Керала — одна сплошная деревня, один сплошной сад, разбитый на ступени-террасы и прерываемый лишь руслами речек, в пойме которых растет рис.

В Раджастане на желто-серой твердой земле пустыни редко разбросаны кое-как обработанные участки и мелкие однодворные поселения — дхани.

И все же кое-что в облике индийских деревень можно считать общим. Русский человек прежде всего замечает, что дома в них обычно не деревянные, а глинобитные, саманные либо каменные, крашенные белым, нередко двухэтажные; много также хижин из тростника, камыша, бамбука, чаще всего круглых или овальных, похожих на юрты.

Характерной чертой деревенской жизни является бездорожье, хотя на Юге положение несколько лучше. В Бенгалии в период дождей дороги вообще исчезают под водой, и основным средством передвижения становится лодка. В Раджастане дожди так редки, что дорожная проблема там не очень остра. Если не обращать внимания на пыль, можно путешествовать в любом направлении.

В Гуджарате я поехал в деревню, интересную для историка. Мне повезло — уполномоченный по выращиванию хлопка в Броче, очень любезный мистер Модии собрался туда же по делам, так что в нашем распоряжении оказался казенный джип.

Когда машина свернула с асфальтового шоссе, выбралась из кювета и покатила, лавируя между колючими кустами и поднимая тучи пыли, мистер Модии развел руками и, словно продолжая разговор, счел необходимым объяснить:

— Есть у нас еще такие дороги.

Я сочувственно промычал, но удержался от замечания, что мне знакома подобная картина.

Позже я попросил одного своего товарища съездить в эту деревню опять: работа была не закончена.

Но наступили дожди, и он сообщил мне, что проехать туда пока невозможно.

Проблема дорог решается по-разному. Их, конечно, строят, но протяженность их совершенно недостаточна. Чаще индийские сельчане идут по пути приобретения мотороллеров, мотоциклов и велосипедов, способных, как известно, преодолеть любые препятствия. Сохраняется и традиционное пристрастие к двуколке, запряженной парой быков.

Однажды американский социолог, индийский экономист и я беседовали на излюбленную тему горожан — о судьбах индийской деревни. Американец, кстати сказать, занимавшийся исследованием кастового строя деревни, жаловался на консерватизм ее жителей, не желающих перенимать новую технику.

— Взять хотя бы знаменитую индийскую двуколку с ее огромными колесами. Она тяжела и неудобна, грузоподъемность ее ничтожна. Обычная телега — просто чудо техники по сравнению с нею. Но крестьяне упорно цепляются за двуколки, известные еще со времени Мохенджо-Даро.

Археологическая культура Мохенджо-Даро и Хараппы, или Индская цивилизация, существовала в 3000—2000 гг. до н. э. и считается началом индийской истории.

— Но примите во внимание, дорогой друг, — мягко возражал индиец, — состояние наших дорог. Ведь на четырех колесах по ним можно не проехать. Так что консерватизм наших крестьян в данном случае объясним.

Подобного рода обсуждения — не новое явление. По существу они ведутся вот уже двести лет, с момента прихода англичан в Индию. Презрительно взирали колонизаторы на «бестолкового» пахаря, который не имел лошади, «предпочитал» медлительных волов, употреблял деревянный плуг с небольшим железным наконечником (его даже нельзя было назвать лемехом, потому что он рыхлил, но не переворачивал пласт), не знал «правильного» севооборота, пахал то слишком часто, то слишком редко и, уж конечно, слишком мелко.

Много раз англичане пытались внедрить европейский железный плуг, ввести «правильный» севооборот, научить, наконец, индийского крестьянина уму-разуму. Но все усилия цивилизаторов разбивались об его, казалось, необъяснимую пассивность и нежелание изменить традиционным методам.

Потребовались долгие годы изучения индийского сельского хозяйства, прежде чем стала вырисовываться истинная картина. Конечно, никто не станет отрицать, что крестьянин в Индии и в других странах консервативен. Он, безусловно, больше доверяет тысячелетиями накопленному опыту своих предков, чем новомодным приспособлениям и ухищрениям, часть из которых, как показывает тот же опыт, бывает ненужной или даже вредной для урожая.

Индийский земледелец за многие века создал собственную систему обработки земли, приспособленную к почвам, климату, имеющимся тягловой силе и удобрениям. Основой системы служит тот самый проклинаемый экономистами как символ технической отсталости плуг, который вовсе и не плуг, а соха. Этот плуг действительно бывает целиком деревянным — «палка с вертикально торчащим сучком» (так его презрительно именовали англичане). Но употребляется он только на легких лессовых, хорошо обработанных, размягченных орошением почвах. Там он вполне пригоден. Если же почва чуть тверже или если это залежь, индеец всегда, по крайней мере в течение двух тысячелетий, надевает на рабочую часть железный наконечник. А для подъема целинных и для вспашки черных почв, довольно распространенных на Декане, применяется плуг, который и поднять-то тяжело и в который запрягают парами шесть или восемь быков.

Разные плуги и разные упряжки нужны порой для одного и того же поля, находящегося на разных стадиях индийского оригинального севооборота. Так, для первого посева поле обрабатывается очень тщательно — производится несколько вспашек-рыхлений, вручную собираются корневища сорняков, и хорошо разбиваются комья. Но зато потом, лет пять-шесть, а то и все десять или двадцать, его засевают ежегодно почти без обработки лишь после легкого боронования поверхностного слоя.

Некоторые читатели, возможно, слышали об оригинальном методе обработки земли, предложенном Терентием Мальцевым. Статьи об этом не раз печатались в газетах, изданы книги самого Мальцева. Я читал все эти материалы со странным чувством: долгое время мне казалось невероятным, что может быть какая-то связь между Сибирью с ее суровым климатом, необозримыми колхозными полями пшеницы и тропической Индией с ее мелкой агрикультурой риса. А связь прослеживалась.

Сибирский самородок, овладевший современной агрономической наукой и ставший крупным ученым, на основе опыта и размышлений разработал систему, поразительно напоминающую ту, которая была создана многими поколениями неграмотных индийских земледельцев!

Теоретические принципы системы Т. Мальцева излагать я, конечно, не буду, но замечу, что предложенные им глубокая безотвальная вспашка раз в несколько лет, удаление по возможности всех сорняков, а затем лишь боронование и посев без вспашки — это и есть индийская система. И самое поучительное, что урожаи в Курганской области, где применяется метод Мальцева, из года в год растут и достигли рекордных для Сибири цифр.

Напрашивается вывод, что об отсталости индийского сельского хозяйства надо бы говорить очень осторожно. Принятая там система земледелия неплоха, и не надо ее бездумно уничтожать только потому, что она отличается от общепринятой европейской.

Вместе с тем урожаи в Индии на протяжении последних ста лет снижаются — это тоже факт, и с ним республика не может мириться, особенно при бурном росте населения. В чем же причина? Видимо, дело как раз в том, что отличает колхозную Сибирь от Индии с ее обнищавшим, забитым крестьянством, в характере общественных отношений. Это они не обеспечивают правильного функционирования агрономической системы, которая считается «отсталой».

Прежде всего индийская агротехника предполагает большую неравномерность в количестве труда, прилагаемого к полю в разное время. Это означает не только сезонные колебания занятости (сев и уборка, например, требуют мобилизации всего деревенского

населения, а в остальное время люди сидят без работы), но и колебания в трудовых усилиях в разные годы.

Поле надо вспахивать тяжелым плугом раз в пять-десять лет, однако держать все эти годы необходимые три-четыре пары быков невыгодно, и непосильно даже для среднего крестьянина. Разумеется, подобная трудность давно осознана, и индийские крестьяне придумали, как ее частично преодолеть. Бедные хозяйства иногда объединяют свой скот, чтобы по очереди вспахивать участки. Поля отдельного крестьянина (их всегда несколько, даже если земли немного) находятся обычно на разных стадиях кругооборота — одни поля в данный момент нужно пахать, другие лишь бороновать, третьи остаются под паром. Наконец, можно на короткий срок занять быков у богатого соседа.

Система «супряги» и взаимопомощи, наверно, хорошо действовала в древности, когда общинный быт приглушал стремление к личной выгоде. Теперь же «объединение усилий» нескольких семей на практике нередко означает, что бедняк отдает своего единственного быка в хозяйство богатого «сотоварища» и работает весь сезон на него, урывая несколько дней для собственного поля. Заем быков тоже стал очень дорогим удовольствием — за это надо расплачиваться трудом, долей урожая или деньгами. В результате земли деревенской мелкоты — а ее большинство — оказываются просто плохо обработанными.

Кроме того, индийская система не меньше, чем европейская, нуждается в применении удобрений — а их-то не хватает. Издавна здесь употребляли доступные виды удобрений — навоз, компост из травы, золу.

Я проезжал по западному побережью весной, в разгар полевых работ. Темнокожие крестьяне на кирпично-красных полях были заняты тем, что стаскивали сюда сушняк, заранее заготовленный в горах, складывали его в кучи через каждые 2—3 метра и поджигали. Над всей долиной стоял сизый дымок, навевавший мысли о кострах, котелках и туристских походах, хотя эти костры не имели никакого отношения к туризму. Полученную золу тонким слоем рассыпают по участку и запахивают в почву.

На плоскогорьях Декана используется другой способ удобрения, говорят, очень эффективный. Там до сих пор существуют специальные касты, занимающиеся выпасом овец и коз. Пастухи кочуют по всей стране, питаются козьим молоком, продавая шкуры и ковры, изготовленные из овечьей шерсти. Им платят еще за то, что их овцы ночуют на поле того или другого крестьянина. Оно обносится веревочной сеткой, дабы животные, не дай бог, не забрели на соседний участок. После такой ночевки поле, как утверждают, хорошо родит несколько лет. Но даже это, сравнительно дешевое средство поднятия урожайности не по карману многим бедным хозяевам.

Главная беда — недостаток навоза. Его в основном употребляют на кизяк — дешевое и часто единственно доступное топливо. Когда-то Индия была лесистой страной. Один из султанов Дели со всей своей армией заблудился в лесах Доаба — территории между реками Ганг и Джамна. Сейчас, глядя на жидкий кустарник по межам необозримых полей Северной Индии, в это трудно поверить. Знаменитые джунгли сохранились лишь в горах: в Гималаях, Центральной Индии, на Западных Гатах и на Майсурском плато.

В последние годы в качестве топлива употребляется и керосин, но он все же очень дорог. Цена на него вздута косвенными налогами. Таким образом, даже то, что навоз не используется для удобрения, а сгорает в миллионах примитивных печек, свидетельствует о бедности земледельца, а не о его консервативности. Там, где есть возможность, все запасы навоза тщательно собирают и вносят в почву.

Традиционные плуги сохраняются в хозяйстве еще по одной немаловажной причине: участки очень мелки. 80% хозяйств в Индии имеет меньше 5 акров (2 гектара), да и эта земля разбита на участки, расположенные часто в разных концах деревенских угодий. Лоскутные поля — первое впечатление от Индии у путешественника, подлетающего к Дели на самолете. И по мере того как едешь через Уттар Прадеш, Бихар, Бенгалию, а потом через Южную Индию, лоскутность все сильнее отпечатывается в

памяти. Поля нередко столь малы, что даже упряжка быков с плугом с трудом разворачивается на них. Современному же плугу, который тяжел и может двигаться только при помощи трактора, просто нет места на таких лоскутках.

Чересполосица существовала еще в середине века, когда мельчайшего землевладения не было и в помине. Сельская община распределяла земли, учитывая их качество. Каждый имел право на поле на землях, орошаемых или близко расположенных к деревне и потому лучше удобренных, а также на часть земель среднего и худшего качества. При разделе имущества после смерти хозяина поля делились поровну между сыновьями умершего, чересполосица увеличивалась.

Затем пришло малоземелье: все удобные площади были распаханы, а население, особенно сельское, при англичанах продолжало возрастать. Поля делились и делились, продавались по частям другим собственникам, сдавались в аренду все более мелкими участками. В результате сейчас перестройка системы аграрных отношений — труднейшая задача.

Индийское правительство в 1951—1956 гг. провело аграрную реформу. Было отменено землевладение заминдаров-помещиков, обычно сдававших землю в аренду. Им оставили лишь ту, которая находилась в их собственной обработке или по документам считалась «в обработке собственника», хотя фактически могла тоже сдаваться. За прочие земли заминдарам полагается выкуп по ценам ниже рыночных, к тому же главным образом в облигациях, которые правительство должно погасить в течение 40 лет. Цены на землю и на товары растут, так что с каждым годом фактическая стоимость облигаций падает. Выплачено уже несколько миллиардов рупий, но защитники реформы говорят, что земля была отобрана у заминдаров «за бесценок». Это не совсем так, однако реформа, несомненно, подорвала социальное и экономическое положение бывших фактических хозяев индийской деревни.

Наиболее последовательно она осуществлялась в Кашмире, где у помещиков отобрали земли без компенсации и где одновременно были отменены все долги крестьян ростовщикам.

Это произошло в 1947—1949 гг., когда у власти в штате находились левые деятели, в том числе коммунисты. Дело облегчалось и тем, что местные помещики преимущественно исповедовали индуизм и принадлежали к касте так называемых кашмирских брахманов (пандитов), крестьяне же, как и большинство населения Кашмира, были мусульманами. Помещики, следовательно, не имели традиционно-кастового влияния в деревне.

В гостинице Сринагара я разговорился с представительным пожилым человеком в отличном костюме с белым платочком в кармане. Мой собеседник оказался пандитом, бывшим помещиком, а ныне бизнесменом из Дели. Настроен он был пессимистически:

— Куда идет эта страна? Никогда в ней не было особого порядка, теперь же, когда ушли англичане, а у нас отобрали землю, начался настоящий хаос. Раньше я получал с арендаторов очень приличную сумму. Мог вкладывать эти деньги в бизнес, мог поддерживать нуждающихся. А сейчас? Я совершенно обеднел, еле свожу концы с концами. Думаете, мои крестьяне стали жить лучше? Они вообще перестали работать и просто голодают.

Брюзжание старого заминдара не вызывало сочувствия. Крестьяне, конечно, не стали жить хуже. Однако, надо сказать, сама по себе отмена помещичьего землевладения, без ликвидации технической и культурной отсталости и малоземелья, недостаточна, чтобы обеспечить подъем производства. Землю получили бывшие арендаторы, которые владеют ею сейчас на разных правах — полной собственности или постоянного держания. В Индии отсутствовали «помещичьи угодья», которые можно было бы распределить среди крестьян, как в России 1917 г. В результате прежние проблемы — перенаселенность, чересполосица, неэкономичность задавленного ростовщиком мелкого хозяйства, отсутствие средств — сохраняются и сейчас.

Главное же — сохраняются эксплуатация, теперь уже не со стороны заминдаров, а со стороны новых, более мелких землевладельцев — бхумидаров и ростовщиков, полукрепостническая зависимость низших каст, издольная аренда, нищенское положение сельскохозяйственных рабочих.

Когда я говорю о «крестьянине», работающем на «своем поле» такими-то орудиями труда и таким-то образом, я отдаю дань традиции, согласно которой Индия — страна крестьян.

Кто он, этот индийский крестьянин? Самостоятельный хозяин, имеющий своих быков, нанимающий одного-двух батраков круглый год и несколько десятков представителей деревенской голытьбы в сев и уборку? Он сам и торговец — возит продукцию на своих или на наемных повозках на базар, он же часто и ростовщик — у него всегда есть немного наличных денег и он с удовольствием ссудит ими своего обедневшего соседа — без лишних формальностей, по-дружески и, конечно, за приличный процент. Он так занят, что работать на поле ему некогда: успевай следить за работой батраков и вести торговые дела.

Может быть, крестьянин — это его бедный сосед, который владеет несколькими акрами земли, плохо обработанной и плохо удобренной, который тоже нанимает время от времени в помощь себе такого же бедняка или еще более бедного члена неприкасаемой касты, с одной стороны, и просит быка, семена, ссуду у богатого односельчанина — с другой?

А может быть, крестьянин — это тот, кто весь год, хотя и с сезонными перерывами, работает на полях то своих, то чужих и не знает сегодня, как он будет кормить свою семью завтра?

Или, наконец, просто рабочий, батрак, имеющий только хижину, да и то иногда не свою, настолько задолжавший хозяину, что у него нет надежды получить свободу даже для своего сына, привязанный к одному землевладельцу, но получающий в виде милости разрешение поработать на другого, когда у хозяина нет для него работы. Он, конечно, не крестьянин, но, безусловно, земледелец.

Не нужно представлять себе индийского крестьянина как разновидность русского мужика, самостоятельного мелкого производителя, сводящего концы с концами.

В том-то и отличие крестьянской Индии, например, от России до коллективизации сельского хозяйства, что в Индии с большим трудом найдешь собственно крестьянина. Если он сводит концы с концами, если он самостоятельный хозяин, то обязательно богатей, кулак, эксплуатирующий односельчан через аренду, скупку товаров, ростовщичество. Если же он действительный труженик на своей земле, он, как правило, несамостоятелен и все время находится на грани голода.

Индийская деревня по-прежнему многоэтажна. В ней явственно различаются верхи и низы, но те и другие, в свою очередь, включают массу разнородных слоев.

Среди богачей и бывший крупный помещик, ставший теперь помещиком помельче, и ростовщик, и крупный крестьянин, что-то вроде кулака. А среди бедняков есть и мелкие собственники, и арендаторы, и свободные рабочие-батраки, и закабаленные долговые полурабы. Все это осложнено кастовым делением в деревне, хотя, в общем, деревенская «элита» принадлежит, как правило, к высшим, а трудящиеся — к низшим кастам.

В многоэтажности, мне думается, и лежит объяснение действительных трудностей, мешающих внедрению новой техники и использованию новых методов обработки земли. Земледелие, издавна считавшееся здесь занятием почетным, давно перестало быть занятием доходным. Еще в средние века государство и феодалы отбирали у крестьян все сверх самого необходимого. Устанавливались такие размеры налогов, что их можно было уплатить только в самый благоприятный год. В остальные годы накапливались недоимки, так что крестьянину никогда не удавалось выплатить все налоги и что-нибудь накопить. И тогда были грабежи и жестокое обирание земледельцев, но князья все же старались сохранить курицу, несшую золотые яйца.

Потом пришли англичане, решившие, что им должны принадлежать богатства, накопленные местными феодалами. О, они были справедливы, тщательно изучили документы, чтобы, упаси боже, не брать больше, чем их предшественники — падишахи, махараджи и навабы. Они просто немного ошиблись — посчитали, что документ в Индии то же, что документ в Европе. Они стали требовать каждый год столько, сколько раньше взималось лишь в самый урожайный. Это означало подрыв хозяйства даже самых верхних слоев деревни, которые раньше при всех своих злключениях сохраняли известный достаток.

Результаты английского хозяйничанья не замедлили сказаться. Разразился грандиозный голод в Бенгалии в 1773 г., упало производство и в других областях после их перехода под английскую власть.

Колонизаторы были вынуждены снижать налоги. Но это мало помогло производству — налогоплательщиками стали к тому времени заминдары на Севере и более мелкие землевладельцы (райяты) на Юге, но под ними находились настоящие крестьяне, которые создавали своим трудом не только правительственный налог, но и ренту собственникам земли, вскоре превысившую налоги.

Англичане, казалось бы, и тут все предусмотрели. С большим опозданием, лишь в 60-х годах XIX в., они все же начали предоставлять арендаторам права «защищенной аренды», т. е. ограничивать рост ренты. Однако это привело лишь к тому, что эксплуататорские слои деревни скупали у разорявшихся крестьян права «защищенной аренды», низводя основных производителей снова на положение бесправных земледельцев, не имеющих перспективы обеспечить себе сносное существование.

Эта многовековая печальная история имеет продолжение в виде стойкого психологического комплекса отвращения у трудящихся слоев деревни к нововведениям и дополнительным трудовым усилиям.

К чему стараться, к чему копить деньги на удобрения или на машины, к чему проводить дороги или улучшать санитарное состояние, если все равно бедняк останется бедняком, если он никогда не вылезет из долга, если накопленное все равно уйдет на налоги, проценты, ренту за землю и т. п.? Не проще ли не забивать себе голову всеми этими ненужными заботами, а жить как живется? Есть сегодня тарелка риса с овощным карри — и слава Шиве! А если и завтра будет тарелка риса — вдвойне слава Шиве! Нет работы, нет риса и никто не дает в долг — значит, боги прогневались, здесь уж ничего не поделаешь и надо ложиться спать, не поужинав.

Те мероприятия, которые проводились в последние годы, не очень-то способствуют ослаблению этого психологического настроения.

Начать хотя бы с кредита. Желая ослабить зависимость сельского населения от мелких ростовщиков, в настоящее время чуть ли не главных кровопийц деревни, правительство организовало систему сельского кредита через кооперативные банки. Крестьянин сравнительно легко может получить ссуду под небольшой процент и с уплатой в рассрочку, но лишь в том случае, если у него есть обеспечение — достаточное количество земли, инвентаря или других ценностей. И получается, что ссуды идут прежде всего в карманы крестьян-кулаков, которые как раз и являются ростовщиками. Эти оборотистые люди раздают ссуду мелкими порциями своим односельчанам — только процент в таких случаях бывает уже иной — ростовщический, 12 — 20 в год.

Конечно, часть ссуд тратится и на приобретение тракторов, семян, удобрений. Это укрепляет хозяйства крупных крестьян, но еще больше увеличивает социально-экономическую разобщенность села.

А другие крестьяне, формально способные представить банку обеспечение, но утратившие из-за бедности всякую предпринимательскую жилку, тратят деньги на свадьбы, угощение родственников или членов деревенского совета (панчаята), а потом, чтобы погасить долг, занимают деньги у тех же ростовщиков и оказываются в еще более тяжелом положении, чем раньше.

Наиболее рекламируемая программа помощи деревне — проекты «общинного развития». Здесь есть все — и апелляция к предполагаемым традиционно-общинным чувствам населения, и модная сейчас тенденция опоры на «собственные усилия», и прямая финансовая помощь правительства, причем не частным лицам, а коллективам.

«Общинный проект» — это вот что. Правительство обязывает жителей группы («блока») деревень через пропорциональные денежные взносы и личным трудом способствовать улучшению «социальных», т. е. бытовых, условий жизни — строить колодцы, школы, дороги, содержать учителей, врачей. Правительство помогает таким блокам ссудами и безвозмездными вложениями, пропорциональными трудовым и денежным усилиям населения.

В последние годы блоки общинного развития переходят от «социальных» к экономическим вопросам — роют колодцы не только для питьевой воды, но и для орошения, вводят элементарное сельскохозяйственное обучение. Для администрации блоков организуются курсы повышения квалификации в институтах общинного развития, расположенных во всех штатах. Там администраторов знакомят с новыми сортами культур, с нормами внесения разных удобрений, с делопроизводством.

Никто не станет отрицать полезность этого начинания. Но вот во что оно выливается в условиях индийской деревни, упорно не ждущей ничего хорошего в будущем. По данным одного из социологических обследований, в блоке, существовавшем к тому времени уже пять лет, 40% опрошенных ничего не слышали об «общинном развитии». Другие слышали о нем, но не связывают с ним никаких надежд. Третьи надеются на улучшение, но ничего еще от блока не получили. Наконец четвертая, самая немногочисленная группа (5%), уже получила от него некоторые выгоды. Конечно, образовательный и экономический уровень опрашиваемых повышался от группы к группе, так что в последнюю, наиболее осведомленную и наиболее благодетельствованную, входили почти исключительно представители деревенских верхов.

Постепенно в Индии развивается кооперативное движение. Есть кооперативы кредитные, сбытовые, производственные и «многоцелевые». Они либо выдают ссуды на развитие производства, либо заботятся о сбыте продукции, либо организуют работу на полях. Но даже эта, самая, казалось бы, подходящая для помощи широким массам форма на деле оказывается помощью деревенским верхам.

Прежде всего для вступления в кооператив нужен взнос, небольшой, в 10 рупий, но все же. Кроме того, член кооператива может приобрести любое количество дополнительных акций по 10 рупий каждая, влияние его в кооперативе и его доходы определяются числом этих акций. Кооператив выдает ссуды тоже под обеспечение, т. е. прежде всего богатым. Он сам является предпринимателем: нанимает на работу батраков. Богатый член кооператива имеет право послать батрака вместо себя работать на кооперативном поле. Одним словом, эту коллективистскую форму объединений мелких производителей насквозь пронизывает принцип частной собственности.

В одном из кооперативов Майсура нас с товарищами принимало все правление. Центральное место за столом занимали толстые, уверенные в себе люди с громкими голосами. По углам комнаты жались худые, иссушенные солнцем скромные люди.

Председатель правления доложил о том, что сделано. За три года — действительно немало: улучшились сорта раги (проса), расширились орошаемые площади, куплено несколько десятков новых плугов.

Мы начали задавать вопросы. И то, что мы знали из книг и официальных отчетов, как-то очень просто и явственно подтвердилось: толстые люди, составлявшие большинство правления, были богатыми и богатейшими землевладельцами, они же были основными получателями кредитов, основными покупателями нового инвентаря и собственниками вновь орошаемых земель. А жавшиеся по углам люди тоже оказались членами правления, но бедными, и им почти ничего не досталось от этих улучшений.

Выяснить это не составляло труда, потому что наши хозяева были откровенны, они считали такое положение само собой разумеющимся: кому же еще руководить остальными, получать кредиты и улучшать хозяйство, как не им, «отцам» деревни.

Все, что я говорю здесь об отрицательных сторонах мероприятий в сельском хозяйстве Индии, не является тайной или открытием. Об этом пишут и говорят прогрессивные индийские социологи и экономисты. Об этом свидетельствуют сухие цифры правительственных отчетов.

Один из социологов, доктор Навлакар, глядя на меня большими серьезными глазами сквозь стекла толстых очков, объяснял:

— Видите ли, у нас в деревне существуют два типа отношений — старые, традиционные, и новые. Старые строятся на эксплуатации лендлордом арендатора, ростовщиком — должника, богатым крестьянином — безземельного и батрака. Новые, еще не получившие серьезного развития — это отношения равноправных производителей, отношения социальной гармонии, называемые нашими руководителями социализмом. Аграрные реформы были шагом к установлению новых отношений. Следующий шаг — распространение демократических форм местного самоуправления — панчаятов. Остальные же мероприятия, проводимые сейчас, — кооперация, «общинные проекты» и т. д. — ведут к восстановлению и упрочению отношений эксплуатации.

Терминология индийского социолога отличалась своеобразием. Мне, например, показалось странным объединение в группу «старых отношений» полуфеодальной эксплуатации со стороны помещиков и ростовщиков и капиталистической со стороны богатых крестьян. Но главное он подметил точно — экономическое развитие индийского сельского хозяйства усиливает классовую разобщенность деревни, и кооперативы и «общинные проекты» не сдерживают этот процесс.

С точки зрения решения продовольственного вопроса развитие в первую очередь и преимущественно «крепких», т. е. кулацких, хозяйств выглядит не таким уж абсурдным. В самом деле, Индии нужно продовольствие и сырье. Давно прошли те времена, когда страна была экспортером хлеба, когда Бенгалия вывозила рис и сахар, а Панджаб — пшеницу. Теперь Индия должна ввозить зерно — сначала она импортировала 4 млн. тонн в год, потом цифра стала подниматься и в голодные 1965—1967 гг. дошла до 10—12 млн. тонн.

В первой половине 1968 г. в Северной Индии были объявлены два «безрисовых» и два «беспшеничных» дня в неделю. Государственные магазины, отпускающие рис по карточкам, работали с перебоями. На черном рынке цена его подскочила до 3—3,5 рупии за килограмм. Были введены также карточки на сахар — выдавали лишь 700 граммов в месяц на человека. В городах появились красочные плакаты, рекламирующие сахарин как лучшее средство против ожирения и диабета. К счастью, это была низшая точка падения производства. Во второй половине года положение улучшилось. Однако, конечно, не в результате развития мельчайших крестьянских хозяйств, на которые нельзя рассчитывать и в ближайшем будущем. В сложившихся условиях лишь «крепкие» хозяйства, охватывающие всего 10—12% площади, но владеющие львиной долей капиталов в сельском хозяйстве (инвентарем, в том числе новейшим, скотом), способны воспользоваться достижениями современной науки.

И как раз 1968 год дал основание надеяться, что последний путь может привести к цели. Был собран рекордный урожай зерновых, особенно пшеницы, и, по всеобщему признанию, это явилось следствием расширения и улучшения производства, прежде всего распространения новых сортов, в хозяйствах богатых крестьян.

Появился новый термин — «пшеничная», или «зеленая революция», министры центрального правительства в выступлениях и на пресс-конференциях называли все более близкие сроки, когда, по их расчетам, Индия будет обеспечена зерном и прекратит его импорт.

Прогрессивные экономисты задумались: неужели полуфеодальный строй индийской деревни наконец-то дал трещину и началась, как они выражались, «капиталистическая промышленная революция в сельском хозяйстве»?

Конечно, ближайшие годы должны дать ответы на эти вопросы, и ни я, ни кто-нибудь другой не имеет сейчас данных, чтобы их решить.

Но если даже эти вопросы решатся положительно, если кулацкие хозяйства действительно начнут прогрессировать неуклонно, если неурожайные годы уже не станут для них такими разорительными, какими они были в прошлом, то ведь неизбежно возникнут новые вопросы.

Как быть с морем мелких хозяйств? Надеяться, что деревенская беднота вся «переварится» в сельских батраков или городских рабочих, нельзя. Современные машины не увеличивают, а уменьшают число рабочих рук на заводах и фермах. Раз миллионам мельчайших хозяйств суждено существовать еще долгие годы, то совершенно ясно, что они скоро превратятся из малопроизводящего, обеспечивающего лишь самого себя сектора в потребляющий сектор, который надо будет еще и подкармливать. Этого, конечно, хозяйства кулаков и государственные финансы не потянут.

Даже чисто продовольственный вопрос на путях развития капиталистического кулацкого хозяйства в условиях Индии решить, мне кажется, не удастся. А кроме того, неизбежное при этом возрастание «лишнего» населения, которое уже сейчас составляет много десятков миллионов (его трудно подсчитать, потому что кроме собственно безработных есть много частично или сезонно безработных), должно привести к таким социальным конфликтам, которых история Индии еще не знала.

Рассказывая о городах, я не мог обойти молчанием напряженную политическую борьбу, идущую в каждом из них. Сложная политическая обстановка создалась и в сельских районах.

В Раджастанханае есть деревни, все жители которых голосуют за партию «Сватантра». В Индии все многолико. В других штатах «Сватантра» обычно выражает интересы крупного капитала, а вот в Раджастанханае, где крупного капитала вроде бы нет, она стала партией бывших и настоящих помещиков и князей, которые сохраняют традиционное влияние в «своих деревнях».

В некоторых районах, случается, кулацкие верхи регулярно голосуют за коммунистов. Почему? Потому что эти слои населения страдают от ростовщиков и оптовых капиталистических фирм и знают, что коммунисты наиболее последовательно выступают против крупного капитала. В такой деревне социальные противоречия могут так обостриться, что низшие касты, арендаторы и батраки, захотят поддержать какую-нибудь правую партию — «Сватантру» или «Джан сангх», чтобы противопоставить себя деревенским верхам.

Но в этой сложной ситуации прослеживаются известные закономерности: кулацкие слои, больше всего получившие от реформ, чаще голосуют за правящую партию Национальный конгресс, а среди батрацких низов растет влияние коммунистов.

Внешне деревенская жизнь, по крайней мере по сравнению с городской, выглядит все еще мирной и идиллической. В глинистой воде деревенских прудов стоят, погрузившись по ноздри, черные буйволы. Для них купание — первая необходимость, важнее еды. Вокруг прудов со звонкими криками бегают мальчишки. У деревенского колодца собираются женщины с ярко начищенными медными кувшинами. Под большим деревом — манговым, баньяном или пальмой — сидят старики в белоснежных дхоти, поодаль — мужчины помоложе. Возможно, это заседание кастового панчаята, возможно, вновь избранного на основе всеобщего голосования органа, тоже называющегося панчаятом. А может, здесь заседает правление кооператива или инструктор блока общинного развития убеждает людей провести новую дорогу. Все так мирно под полуденным солнцем. Думается, именно эта идиллическая картина встает перед мысленным взором индийца, когда он говорит иностранцу:

— Нет, вы не поймете Индии, пока не поживете в деревне!

Между тем именно эта картина, несмотря на всю ее жизненность и реалистичность, уже совершенно не отражает внутреннего содержания деревенской жизни.

Ведь наиболее уважаемые старейшины, сидящие под деревом и неторопливо обсуждающие общие дела, — как правило, богатые хозяева, которые держат в своих руках всю деревню. Их взаимное уважение и согласие, зиждется на том, что ни один из них пока не может разорить другого. Каждый по праву старшинства или по праву богатства возглавляет группу односельчан какой-нибудь касты, а также членов иных каст, обязанных ему работой, долгом, «дружбой» и т. д.

Индийские социологи давно уже показали, что деревни состоят из враждующих групп (они называют их фракциями), руководимых самыми богатыми «мироедами».

Соперничество между фракциями определяется в основном экономическими интересами — какая из них будет обеспечена большим числом работников-батраков, плотников, слуг. Но не меньшее значение имеет и престиж, социальный статус, верховенство в местных делах. Эта борьба незаметна, подспудна, о ней можно узнать только после детального изучения симпатий и антипатий, связывающих деревню.

Но есть и другие столкновения, гораздо более явные, наглядные, временами жестокие и кровавые — столкновения между различными кастами. В индийской деревне экономическое первенство, а вместе с ним и доминирующее социальное положение обычно занимала какая-нибудь одна каста.

Чаще всего ею была «высокая земледельческая каста», по классификации, введенной еще английскими учеными конца XIX в. Касты, подходящие под такое определение, есть почти в каждой области — джаты в Северной Индии, кунби и маратха в Махараштре, оккалига в Майсуре, камма и редди в Андхре, веллала в Тамилнаде. Их еще называют иногда военно-земледельческими кастами, потому что земледелие было не единственным их занятием. В средние века правители много раз пытались сделать их просто земледельцами, покорными властям и, в частности, разоружить их. Но и в XVII в. крестьянин-джат, по словам хрониста, пахал, держа одной рукой плуг, а другой — мушкет. Впрочем, те слои деревенской аристократии, для которых военное дело стало ремеслом, выделились в особые «кшатрийские» касты раджпутов. В Северной Индии они тоже нередко выступали в качестве «доминирующей» касты.

На Юге подобные касты не появились, и земледельческие касты были там одновременно и поставщиками воинов для местных князей.

Ниже основной касты стоят другие земледельческие, ремесленные и «неприкасаемые» касты — каждая на определенной ступени социальной лестницы. Но для отдельного человека или для отдельной касты эта социальная лестница выглядит по-разному. Мнения о том, кто выше и кто ниже, самые разные.

О соперничестве каст известно с древности, иногда оно выливалось в открытую вражду. В настоящее время возможности для нее расширены, в частности новыми средствами связи и транспорта — почтой и телефоном, железными дорогами и автобусом. И раньше каста, члены которой жили во многих деревнях обширного района, представляла организационное единство — и чем ниже по социальной лестнице она располагалась, тем прочнее была ее организация. Лишь всемогущий Шива ведал, наверно, каким образом, скажем, чамары (самая низшая каста Северной Индии, находившаяся в почти рабской зависимости от деревенских верхов) могли поддерживать связи с собратьями по касте в сотнях деревень. Тем не менее они эти связи поддерживали, регулярно созывали собрания, избирали свой кастовый комитет, обсуждали на нем все нарушения правил — а у каждой касты есть свои, отличные от других, но довольно определенные нормы поведения.

Сейчас это уже не представляет трудности. Автобус — достаточно дешевый, а велосипед — достаточно надежный вид транспорта. Созданы не только панчаяты округов, но кастовые организации штатов, общие комитеты некоторых близких по положению

каст, образована Всеиндийская федерация низших каст. Теперь на этих собраниях рассматриваются помимо нарушений кастовой этики меры, направленные против социального угнетения со стороны других каст.

О кастовых противоречиях и их влиянии на жизнь страны в целом надо говорить отдельно. Но о чисто деревенском проявлении борьбы, связанной с классовыми конфликтами между верхами и низами села, уместно сказать здесь. Речь идет о стремлении высококастовых индусов предотвратить нравственное освобождение беднейших батраков-неприкасаемых с помощью террора.

Как раз во время моих разъездов по Индии в деревнях разных штатов было убито несколько неприкасаемых. В деревне Махараштры, например, довольно невинная стычка молодежи по пустячному поводу переросла в жестокую драку «кастовых» и «неприкасаемых», кончившуюся убийствами.

Была назначена комиссия по расследованию, однако один из министров штата предварил ее выводы такого рода публичным заявлением:

— Что вы хотите? Эти неприкасаемые вообще стали очень наглыми!

Слова эти получили огласку и вызвали бурную реакцию прессы, но они были произнесены, и притом министром, деятелем Национального конгресса, партии, провозгласившей борьбу против кастовости в числе главных своих задач.

В Раджастане летом 1968 г. была сильная засуха. Муссон не пришел, посевы горели. И вот в газетах промелькнуло сообщение: в деревне Раджастана, не столь уж глухой, расположенной между известными туристскими центрами Удайпуром и Читторгархом, сельчане, чтобы вызвать дождь, принесли местному божку человеческую жертву — мальчика. Это сообщение было неприятно читать не только мне, но и многим индийцам, гордящимся своим ненасилием, правоверным индуистам, для которых «ахимса», непричинение зла живому существу — религиозная заповедь.

Позже выяснилось, что жертвой избрали малыша из «неприкасаемой» касты, т. е. вандализм был не безрассудным, а рассчитанным. Раджпуты — землевладельцы, больше всех заинтересованные в дожде, не предложили богу кого-нибудь из своих сыновей, они решили сделать «благое» дело с наименьшими для себя потерями.

После подобных случаев становится понятной несдержанность неприкасаемых, принимающая порой крайние формы.

Здесь, видимо, следует остановиться на вопросе, что же такое «неприкасаемость». Прежде всего надо сказать, что она совсем не похожа на отношение, скажем, здоровых людей к прокаженным. Многим из неприкасаемых действительно не разрешается касаться членов высоких каст, особенно брахманов, но имеется в виду намеренное прикосновение, а не случайное, где-нибудь в вагоне или автобусе.

Да, в деревнях кварталы неприкасаемых расположены обычно вдали от «кастовой» деревни, отделены от нее ручьем, рощей или полями. Но это правило несет скорее символический и социальный смысл — отлучение от участия в деревенских делах, — чем «кастово-санитарный». Социальный смысл имело и запрещение неприкасаемым посещать индуистские храмы, центры общественной и экономической жизни округи.

Даже традиционное запрещение пользоваться деревенскими колодцами в конечном счете опирается не столько на боязнь ритуального осквернения, сколько на экономические мотивы. Вода в Индии, даже в большей степени, чем где бы то ни было, — источник жизни. И когда наблюдаешь, как, например, в гималайской «кшатрийской» деревне, в которой всего лишь один источник, неприкасаемые часами стоят возле него, ожидая, пока придет за водой кшатрий и милостиво наберет ее кому-нибудь из них, начинаешь понимать, что монополия на воду — разновидность монополии на землю — нужна верхам деревни прежде всего для упрочения своего экономического положения.

Правила о неприкасаемости установлены с таким расчетом, чтобы лишать низших человеческого достоинства и в то же время не портить жизнь высшим. Так, зерно и прочие продукты, выращиваемые неприкасаемыми и неоднократно политые их потом, не

считаются оскверняющими, и представители высших каст потребляют их со спокойной совестью. Лишь пищу, приготовленную неприкасаемым, есть не раз решается.

Или другое. Брахман вступает в интимные отношения с «неприкасаемыми» девушками без малейшего ущерба для своей ритуальной чистоты и даже для престижа. Подобные отношения, разумеется, не афишируются, о них не принято говорить, но о них все знают.

Основа неприкасаемости не в том, что две группы населения избегают друг друга и стараются не иметь никаких контактов. Напротив, контактов довольно много, хотя неписанные правила разрешают лишь «необходимые», т. е. для высших каст необходимые. Суть заключается в том, что часть людей признается неполноценными и сама приучается смотреть на себя как на неполноценных, в том, что одни обязаны служить, а другие — отдавать приказания, что одни составляют деревню, общество, государство, другие — просто существуют где-то там, на задворках.

В большой деревне в округе Танджур я беседовал как-то с местными руководителями — брахманами. Плодородные земли дельты реки Кавери, составляющие округ, издавна орошались. Еще в период раннего средневековья почти все деревни этого района были розданы во владение брахманам. Последние никогда не работали сами, на них из поколения в поколение трудились неприкасаемые из каст палли и парайянов. Сначала они были фактически рабами, потом англичане «отменили» рабство, но традиционные связи слуг-палли и господ-брахманов остались неизменными, более того, усиленными узами задолженности.

Реформа не коснулась землевладельцев Танджура, потому что по официальному статусу они были не заминдарами, а «райятами». Земли на каждого из них приходилось немного, и она считалась «обрабатываемой хозяином».

И вот идет неспешный разговор о делах деревенских. Мне подробно рассказывают, у кого сколько земли, как она была когда-то разделена. Вздыхают по поводу того, что теперь некоторые продали свои участки и в среду собственников деревни попали чужаки.

Я задаю невинный вопрос:

— Кто еще живет в этой деревне?

— Никто.

— А неприкасаемые?

— Неприкасаемые? Да-а, конечно, они здесь тоже живут, но они вон там, за рощей, в своем поселке (черри).

Эта поразительная способность представителей высших каст «в упор не видеть» людей поражала меня не раз и совсем не только в деревнях. Но здесь меньше плотность и «не видеть» легче.

Повторяю, неприкасаемые все больше заявляют о себе и игнорировать их существование становится все труднее. В одной из социологических книг мне встретилось описание факта, который автор поднимал до уровня знаменательного события.

Правление кооператива, деревенский панчаят, правление блока развития расположены обычно в основной деревне, конечно, не в квартале неприкасаемых. Там же остановка автобуса и почта. И вот однажды два мальчика из касты неприкасаемых отправились на почту опустить письмо. Они оделись в свои лучшие костюмы и даже обули башмаки — вещь совершенно исключительная в Индии, где народ, как правило, круглый год ходит босиком или в легких сандалиях. Они топали в своих тяжелых ботинках по «кастовой» деревне, двое маленьких неприкасаемых, и... ничего не случилось. Они благополучно опустили письмо — символ прогресса — в почтовый ящик и, вернувшись в родной поселок, с облегчением вздохнули и скинули башмаки.

Да, все имеют равное право пользоваться почтой. Возможно, некоторые местные жители глядели на мальчиков, шествовавших по раскаленной улице, где им не полагалось ходить, с умилением: «Все же кастовой системе приходит конец!» Но, к сожалению, слишком хорошо известно, что реакцией большинства были ужас и отвращение:

— До чего мы докатились! И какова современная молодежь! Для нее нет ничего святого!

Согласно законам, в Индии введено «господство панчаятов» — панчайт радж. В каждом селении есть орган самоуправления, избираемый путем всеобщего прямого голосования. Это демократично по-европейски и очень национально: термин «панчайт» древний, так назывались общинные советы еще в средние века, так же называются и органы самоуправления каст.

Однако определяющую роль в сельских панчаятах играют не деревенские низы, не сельскохозяйственные рабочие, мельчайшие арендаторы и нищие «собственники», составляющие подавляющую часть жителей, а все те же знакомые нам деревенские верхи.

Панчаяты обязаны включать и включают одного-двух неприкасаемых, но от них ждут лишь поддакивания. На выборах они почти всегда голосуют за своих хозяев: надо ведь выбрать самых уважаемых! Подобный орган, не изменяющий структуру местных социальных отношений, которая сложилась помимо всяких законоположений, под двойным воздействием старых (кастовых) и новых (имущественных) взаимоотношений, работает «успешно», т. е. принимает решения, добивается их выполнения, собирает причитающиеся ему 5% дохода с каждого хозяйства и тратит эти деньги на культурные и хозяйственные нужды «деревни», сиречь высших ее прослоек.

Когда же неприкасаемые выходят из повиновения, голосуют за своих кандидатов, добиваются большинства в панчаятах, те перестают пользоваться уважением, наталкиваются на огромные трудности и влачат жалкое существование.

Традиционность отношений зависимости в деревне особенно явственно ощущалась при встрече с людьми, которые были прежде заминдарами, а ныне после реформы лишились всей земли. Казалось бы, они должны были утратить свое влияние.

В 1963 г. мне довелось быть гостем семьи бывших заминдаров в Аллахабаде. Они давно переехали в город и совершенно «урбанизировались». Их земля перешла к арендаторам. Вроде бы ничто не заставляло крестьян считать членов этой семьи своими господами. Но, как и встарь, дважды в год на широком дворе аллахабадского дома — скопление быков и повозок: бывшие арендаторы привозят бывшим помещикам первые и лучшие плоды — корзины манго, бананов, овощей, зерна.

Шанкар Брахме, о котором я уже упоминал, как-то повез нас в родную деревню. Осторожно ведя малолитражку, он весело рассказывал:

— Видите ли, я не только архитектор, но еще и помещик, лендлорд. Не знали? Ха-ха! Да, моей семье принадлежало много земли. Так много, что даже после всех разорений и разделов мне досталось 2 акра и дом. У меня даже был арендатор. Потом началась реформа. Меня, бедного, как это вы называете? — раскулачили. Арендатор получил мою землю, а мне оставили только дом. Но сейчас вы увидите, что для арендатора я все равно господин. Мы соберем «ренту» и съедим ее, когда вы придете ко мне обедать.

Все произошло именно так. Мы знали, что в деревню приехал небогатый бизнесмен, которого с ней ничего не связывает, кроме воспоминаний да старого дедовского дома, но наблюдать нам пришлось прибытие господина, барина. Арендатор, почтительно кланяясь, приветствовал хозяина, отчитался в делах, а потом повел нас на поля — показать, в каком они состоянии. «Помещик», приняв условия игры, важно кивал головой и вставлял замечания по поводу обработки земли, к которой он давно не имел никакого отношения. Уплата «ренты» тоже состоялась: багажник автомашины был набит связками зеленого лука, помидорами, огурцами, какими-то овощами, похожими на репу, и другими, вообще ни на что не похожими. И вечером мы действительно все это съели в гостеприимном доме Брахме.

Все же никто не скажет, что индийская деревня стоит на месте. Изменения в ней не идут в сравнение с темпом и размахом промышленного строительства, но все же заметны.

Об этом свидетельствует хотя бы возросший спрос на тракторы. Наибольшим успехом пользуются советские. Они продаются в государственных магазинах по 8 тысяч

рупий, но на черном рынке их можно достать лишь за 16 тысяч — показатель как достоинств наших машин, так и непорядков в их распределении.

Химические удобрения совсем недавно были практически неизвестны в Индии. Сейчас построено несколько химических заводов, однако спрос на удобрения все еще очень велик. Многие покупают их значительно больше, чем нужно для полей, и вносят их в количествах, иногда даже вредных для урожая. Такова вера «темных» крестьян во всемогущество химии.

О внедрении новых сортов зерновых, которое вызвало даже «зеленую революцию», уже говорилось.

Пожалуй, наиболее ярким свидетельством прогресса служит проникновение в деревню электричества, а в связи с этим распространение электронасосов к колодцам. В результате орошаемые площади расширились в несколько раз, заметно поднялась урожайность. Электрический насос приносит не только материальные выгоды, но и повышает престиж своего хозяина.

Однако технические нововведения затрагивают лишь 10% хозяйств, которые, впрочем, занимают 58% площади. И из этих, считающихся «зажиточными», хозяйств совсем не все располагают возможностями для технического перевооружения. Правительство Индии, вложив в течение трех пятилеток в сельское хозяйство (включая ирригацию) огромные средства и получив очень слабый прирост продукции (1,5 процента в год), потеряло надежду вытащить мельчайшие хозяйства страны из отсталости. В четвертой пятилетке принято решение сосредоточить основные ассигнования на развитии наиболее «перспективных» хозяйств, охватывающих по площади 32,5 млн. акров из 420 млн.

Остальная же деревня, безземельная или полубезземельная, кастово приниженная, задавленная нищетой, почти не двинулась вперед, трудно говорить и о каком-то луче света, прорвавшемся в ее безрадостную жизнь.

Как уже отмечалось, капиталистическое развитие индийской деревни не может обеспечить подъем экономики даже тех районов, где ему не мешают помещичье землевладение и другие пережитки феодализма. Но в ряде штатов фактически сохранилась и помещичья собственность, что отнимает у крестьянина почти всякую заинтересованность в труде.

В дельте Кавери, издавна плодороднейшей области, практически не страдающей от засух (тут собирают по нескольку урожаев отличнейшего риса), все доходы от земледелия попадают в карманы брахманов, которые в жаркий день ни за что не покинут веранды своего дома.

В последнее время здесь стала ощущаться нехватка воды. Правительство Мадраса пригласило группу специалистов ООН для поисковых работ на грунтовую воду. Группа действует успешно, и есть основания думать, что в ближайшем будущем количество орошаемых земель в этом районе существенно увеличится.

Руководитель группы канадец Бьюкенен подошел к заданию несколько более добросовестно, чем от него ожидали. Его заинтересовал вопрос, как используется вода на полях: дескать, воду-то мы достанем, а что вы с ней будете йотом делать? И пришел к неутешительному выводу — серьезный рост сельскохозяйственного производства возможен лишь при условии, что увеличение фонда воды будет сопровождаться изменением аграрных отношений. Вывод неутешительный потому, что пока никто не собирается лишать брахманов собственности.

В некоторых районах Индии феодальное землевладение по тем или иным причинам не затронуто вовсе. Гоа, например, бывшая колония Португалии, освобожденная лишь в 1961 г., «избежала» аграрных реформ 50-х годов.

Тут 60% земли находится в руках коммунидадес (общин). Мне давно хотелось узнать, что представляют собой гоанские общины, сохранившиеся по сей день. И вот в

одной из них, носящей тропически-латинское наименование Карамболим, я беседую с деревенским скривано (писцом) мистером Десаи. Он удручен.

— Раньше община получала с арендаторов половину урожая, а теперь правительство ограничило ренту одной шестой урожая. Число же членов общины растет. Теперь оно достигло 600.

— И все эти люди работают на общинном поле?

— Нет, нет, что вы! Никто из них на нем не работает. Ну, человек семь или восемь живут в деревне, а два-три из них — одновременно арендаторы общины. Остальные живут в городах Гоа, в Бомбее, в Гуджарате и даже в Африке. Вся землю община сдает арендаторам и получает с них доход, который делится между членами по долям.

— Кто же управляет общиной?

— Правление, состоящее из председателя, писца и еще нескольких человек. Оно ответственно перед общим собранием.

— Позвольте, какое же собрание, если общинники находятся в городах и даже в Африке?

— О, это очень просто. Оно считается правомочным, когда присутствуют 25 человек. И созываем мы его не в деревне, а в городе Панаджи, где у нас контора.

— Значит, остальные члены общины не принимают никакого участия в ее жизни?

— Как же, конечно, принимают. Ежегодно особым письмом они подтверждают, что сохраняют членство, и сообщают, куда переводить деньги.

— А нельзя ли отменить подобную систему? — задал я мистеру Десаи вопрос, который, кстати, поднимает индийская пресса.

И он ответил мне так же, как отвечают защитники этой системы в той же прессе:

— Ну, что вы! Арендаторы ужасно ленивы. Если они не будут нам платить, они вообще перестанут работать. И все сельское хозяйство Гоа придет в упадок. И потом — мы получаем эту ренту с незапамятных времен. Нет, правительство не должно отменить древний национальный институт. Хотя,— добавил он грустно,— дело идет к этому. Боюсь, худшее еще впереди.

Да, вопрос о реформировании гоанского аграрного строя рано или поздно встанет на повестку дня. Ограничение ренты — лишь первый шаг к аграрной реформе. Другой шаг — законодательное отстранение общинников от всяких обязательств по ведению сельского хозяйства. Раньше они, по обычаю, должны были следить за орошением. Хотя расходы на орошение занимали мизерную часть бюджета общины, они служили неким моральным оправданием ее существования. Сейчас коммунидадес только отчисляют 5% бюджета панчаяту деревни, избираемому местными жителями и состоящему целиком из арендаторов. Осталось лишь отменить выплату ренты: гоанская деревня давно живет самостоятельной жизнью. Но когда правительство решится на это, сказать трудно. Обстановка в Гоа напряженная.

Сельское хозяйство — основа экономики Индии. Оно снабжает промышленность сырьем, дает пропитание населению, от него зависит самая жизнь народа и самостоятельность государства. Нелегко было быть независимым, если приходилось каждый год с нетерпением ждать американских газет—не сократил ли конгресс в Вашингтоне квоту пшеницы, предназначенную для вывоза в Индию?

Американская пшеница продается здесь за рупии, и вырученные деньги не уходят из страны — остаются в индийском государственном банке. Но они записываются на особый счет, и американцы имеют право тратить часть на свои нужды в Индии. Эти деньги идут на содержание американского посольства и консульств, на научные исследования, на финансирование гигантской пропагандистской машины ЮСИС (Американского информационного центра) с его отлично оборудованными библиотеками, кинопередвижками, выставками, на подачки некоторой части индийской интеллигенции. А счет все продолжает расти.

Сельское хозяйство — основа экономики. И оно же — ахиллесова пята ее, бездонная бочка, требующая бесконечно больших средств и внимания и пока что не вознаграждающая за них.

9. КТО САМЫЙ ГЛАВНЫЙ!

Если вы спросите индийцев, кто управляет Индией, вы получите разные ответы. Некоторые скажут:

— У нас демократия, и страной управляет сам народ.

В подтверждение будет приведена преамбула Конституции: «Мы, народ Индии, торжественно решив учредить Индию как суверенную демократическую республику... настоящим принимаем, устанавливаем и даем сами себе настоящую Конституцию». Однако эта широковещательная формула, в 1949 г. перенесенная с соответствующими изменениями из американской конституции, не отражала тогда и не отражает сейчас истинного положения вещей.

Другие ответят:

— Глава индийского государства — президент!

Они будут немного ближе к истине. Президент по конституции обладает очень широкими полномочиями, он не только официальный глава государства, но и главнокомандующий вооруженными силами, он может отменять конституцию, вводить «президентское правление» в отдельных штатах, объявлять «чрезвычайное положение», т. е. распускать парламент, заключать людей в тюрьму без суда на определенный период. Даже правительство существует только до тех пор, пока оно «угодно» Его Превосходительству Президенту.

Но в той же конституции есть маленькая фраза, заимствованная на сей раз из английской конституции, — глава государства выполняет свои функции, руководствуясь «советом премьер-министра». И большинство индийцев ответят: — Вся власть в стране фактически находится в руках премьер-министра.

Это еще ближе к истине. Дело здесь не в статье Основного закона страны, а в сложившейся за последние 20 лет традиции. С момента получения независимости до 1964 г. пост премьер-министра занимал Джавахарлал Неру — лидер Национального конгресса и народный вождь, пользовавшийся безграничным авторитетом. Именно последнее обстоятельство совершенно изменило фактическое соотношение сил между двумя главными политическими фигурами Индии. Премьер-министр стал реальной властью, а президент — номинальным главой. Он принимает парады, верительные грамоты послов, открывает выставки. Бывает, что его именем объявляется чрезвычайное положение и устанавливается «президентское правление» в том или ином штате, но на самом деле все это — мероприятия правительства. Даже выборы очередного президента республики долгое время были формальностью: неизменно проходил кандидат, предложенный премьер-министром.

1969 год чуть было не стал годом важного прецедента. Правящая партия, вернее ее так называемый Рабочий комитет, выдвинула кандидатом в президенты Сандживу Редди, против чего возражала Индира Ганди. К сложной истории президентских выборов 1969 г. мы вернемся, а пока достаточно сказать, что прошел кандидат, поддержанный премьер-министром. Традиция главенства исполнительной власти не была нарушена.

Однако пора поговорить и о политической роли правящей партии. Премьер-министр — лидер парламентской фракции Национального конгресса. Но, кроме того, партия имеет собственную организацию, аппарат, руководящие органы (Всеиндийский комитет, Рабочий комитет), председателя, программу. Еще год-два назад в ответ на тот же вопрос: «Кто управляет страной?» — можно было услышать:

— О, все в руках боссов из Рабочего комитета. Они вертят премьер-министром как хотят, назначают своих ставленников на все посты в государственном и партийном аппарате.

В этом утверждении содержалась частица правды, и не было никакой проблемы: Дж. Неру действительно возглавлял и правительство и партию. Сменявшиеся ежегодно председатели Конгресса не могли с ним тягаться. Но после его смерти положение изменилось. Премьер-министры Лал Бахадур Шастри, а затем И. Ганди уже не пользовались такой популярностью в массах и среди рядовых членов партии. В результате значение Рабочего комитета стало возрастать. Особенно большой авторитет завоевал председатель Национального конгресса в 1964—1967 гг. Кумарасвами Камарадж.

«Простой» человек, гордящийся своим крестьянским происхождением, не знающий никакого другого языка, кроме родного тамильского, этот «народный вождь» импонировал массам. Он поддержал Индиру Ганди при избрании ее премьер-министром, полагая, что женщина не сможет справиться со столь ответственной миссией и всегда будет нуждаться в его ценных советах.

Индира Ганди, однако, постепенно укрепляла свои позиции в партии, в парламенте и в стране, и настал день, когда она сумела освободиться от «опекуна». Камарадж не был избран председателем партии на следующий срок. Традиция превалирования конституционной власти над партийной возобладала. Но впереди была еще длительная борьба. В Рабочем комитете должно быть представлено большинство конгресс-системских организаций отдельных штатов. А руководство в них давно захвачено старыми консервативными деятелями, претендующими на власть не только в своих штатах, но и во всеиндийском масштабе.

Они заседают в Рабочем комитете долгие годы — стали как бы постоянными его членами, заключают между собой союзы, договариваются о совместных действиях, стремясь любыми средствами сохранить влияние на политику партии и страны. Наиболее прочной и наиболее зловещей являлась группировка, получившая название «Синдикат». Ее деятельность была окружена тайной. Газеты приписывали Синдикату поддержку одних мероприятий правительства и отвержение других, но сам он никогда не выступал с отдельной программой. Ясно было лишь, что члены его занимали в целом консервативную позицию.

Рабочему комитету принадлежит важная функция: определять кандидатов от Национального конгресса на выборах в парламент страны и Законодательные собрания штатов. Тем самым он может влиять и на состав депутатов в законодательных органах и на поведение всех активных деятелей партии. Заинтересованные в том, чтобы в следующий раз получить «билет» на баллотировку, многие конгрессисты не рисковали выступать против членов Рабочего комитета, старались не выказать себя слишком радикальными.

Борьба за власть между партийными боссами и премьер-министром, возможно, так и проходила бы подспудно, если бы не изменилась политическая ситуация в стране.

Конгресс — партия очень пестрая, отражающая интересы «всего народа», т. е. прежде всего его имущих слоев. Она завоевала действительно широкую поддержку в колониальный период, когда возглавила борьбу за независимость. Естественно, что она образовала первое правительство Индии и сохраняла нераздельно политическую власть в течение 20 лет.

Отчасти Конгресс живет старым багажом — популярностью своих членов, мужественно сражавшихся с англичанами, отдавших за это жизнь, сидевших в тюрьмах, и авторитетом Неру и Ганди — его руководителей в наиболее ответственный период. Конечно, сейчас к этому прибавились успехи, достигнутые Индией за годы независимости: ликвидация княжеств, политическая консолидация страны, расширение демократии, аграрная реформа, сдвиги в промышленности и все то, что может считаться положительным в развитии сельского хозяйства.

Но с Конгрессом и его правительством связываются также все пережитые за это время трудности и усложнившиеся проблемы: нерешенность продовольственного вопроса, рост безработицы, отсутствие коренного улучшения в положении масс, рост бюрократизма и т. д.

В последние годы отрицательные явления начинали перевешивать. Правящая партия утрачивала популярность и власть в некоторых штатах. Особенно показательными были результаты всеобщих выборов 1967 г. и дополнительных выборов 1969 г. После первых в 7 из 14 важнейших штатов были сформированы неконгрессистские правительства. Правда, не все из новых правительств оказались устойчивыми: через два года пришлось провести переголосование в Западной Бенгалии, Бихаре, Уттар Прадеше и Панджабе. Но надежды на возвращение к власти не оправдались — Национальный конгресс потерпел почти везде еще более сокрушительное поражение. В центре он сохранил незначительное большинство в парламенте.

В 1968 г. мне часто приходилось слышать от политических деятелей разных направлений и от интеллигентов, что песенка Национального конгресса спета, что его ожидает полный крах. Честно говоря, я и сам так думал.

Между тем события показали, что в этой партии есть люди, способные сделать правильные выводы из случившегося, верно оценить обстановку, предложить новые решения и завоевать поддержку народа.

Чтобы последние мероприятия правительства Индии стали понятнее, сделаем еще одно отступление на старую тему «слова и дела».

Программа Национального конгресса довольно прогрессивна. Она предполагает и борьбу с империализмом, и построение социализма (особого, «демократического»), и осуществление аграрной реформы под лозунгом «Земля — тому, кто ее обрабатывает!» Радикальны и конкретные меры, намеченные программой: развитие в первую очередь государственного сектора в промышленности, ограничение сверхприбылей монополий, контроль над внешней торговлей, искоренение коррупции, повышение жизненного уровня широких масс за счет сокращения доходов богатых слоев населения.

Но претворение в жизнь каждого из положений обычно откладывалось до «соответствующего момента».

С 20-х годов в программе Конгресса значилось требование перестройки административных границ по языковому принципу, т. е. создание национальных штатов. Даже партийная организация строилась по этим, не существовавшим в натуре «языковым провинциям». Удовлетворено это требование было только в 1956 г., спустя девять лет после прихода Конгресса к власти.

Аграрная реформа, ключевое преобразование в сельском хозяйстве, начавшееся проводиться лишь с 1951 г., предусматривала на первом этапе отмену за-миндарства, на втором — установление максимума земельного владения, но до сих пор большая часть сельских тружеников обрабатывает чужую землю.

Социалистические лозунги сокращения разницы в доходах богатых и бедных так и не нашли пока практического воплощения — «удобное время» для этого, видимо, не наступило.

Такая же судьба, по мнению прогрессивной общественности, ожидала требование национализации банков. Ежегодно на съездах левая группа в Конгрессе предлагала соответствующую резолюцию, и каждый раз вопрос снимался из-за «неотложности» других мероприятий.

Неспособность Конгресса провести в жизнь собственную программу служила наиболее сильным аргументом в избирательной борьбе оппозиционных партий, особенно левых, одной из главных причин разочарования масс в политике правящей партии.

И вот летом 1969 г. резолюцию о немедленной национализации крупнейших частных банков предлагает на съезде Конгресса в Бангалуре сама премьер-министр. Резолюция принята с энтузиазмом. Правительство быстро вырабатывает законопроект,

который проходит в парламенте, и закон вступает в силу. Левые партии, в том числе коммунисты, полностью поддерживают его, по стране прокатываются митинги солидарности с правительством. Индира Ганди становится популярнейшим лидером страны.

Вот тут-то и раскрывается, почему Конгресс до того столь робко шел на социальные реформы. Очень сильное в партии консервативное крыло, тесно связанное с крупной буржуазией, недовольно национализацией, а еще больше тем, что ему не удалось, как в прошлом, навязать свою волю партии и правительству. Оно начинает контратаку.

Предлог есть — выборы президента республика, Закир Хуссейн, бывший президент, умер в мае. Вице-президент В. Гири временно исполняет обязанности главы государства. Но консервативная группа членов Рабочего комитета, Синдикат и председатель партии С. Ниджалингаппа выдвигают кандидатом Не его, а «своего человека» Сандживу Редди. Индира Ганди, возражающая против этой кандидатуры, остается в меньшинстве на заседании Рабочего комитета.

В. Гири между тем объявляет, что и он собирается баллотироваться на выборах президенты. И поскольку правящая партия уже выдвинула кандидатуру, он решает выйти из Конгресса и выступить в качестве «независимого», т. е. не принадлежащего ни к одной политической партии.

И здесь начинается небывалое. Премьер-министр заявляет, что в сложившейся ситуации парламентарии — члены Конгресса не обязаны голосовать за его официального кандидата, иными словами, фактически поддерживает Гири.

Предвыборная кампания отличалась большим накалом политических страстей. За Гири стояли левые и центристские группы Конгресса, идущие с Индирой Ганди, и левые партии, за С. Редди — правые круги его и многие делегаты от правых оппозиционных партий. Победил, правда незначительным большинством голосов, Гири. Это событие имело и еще будет иметь огромные последствия.

Впервые президентом страны стал человек, не являющийся выдвиженцем правящей партии. Впервые произошло четкое размежевание политических сил. Впервые прогрессивные партии и группировки продемонстрировали свое могущество во всеиндийском масштабе и показали, что, действуя единым фронтом, они могут диктовать свою волю. Наконец, вся страна получила возможность убедиться, что в Конгрессе есть силы, действительно стремящиеся к прогрессивному социальному развитию Индии.

Осенью 1969 г. события развивались тоже бурно. С. Ниджалингаппа обвинил И. Ганди в нарушении партийной дисциплины, выразившемся в поддержке «независимого» кандидата. Его сторонники в Рабочем комитете (11 из 21 человека) объявили о снятии ее с поста лидера парламентской фракции (значит — и с поста премьер-министра), а позже вообще «исключили» ее из партии. Сторонники И. Ганди отвергли эти решения как незаконные, провели заседания большинства парламентской группы, большинства Всеиндийского комитета Конгресса, сместили Ниджалингаппу с поста председателя партии, избрали новый Рабочий комитет и нового председателя. Правящая партия раскололась. «Организация конгресса» — официальное наименование отколовшейся группировки, которую в прессе продолжают называть Синдикатом, — стала еще одной оппозиционной правой партией.

Оценить влияние раскола на политическое будущее Индии в то время было нелегко. С одной стороны, правящий Конгресс сократился численно. Следовательно, его положение осложнилось. Он уже не имел абсолютного большинства в парламенте. С другой стороны, по многим вопросам его поддерживали недавние критики слева, и уже стало невозможным объединение самых различных по устремлениям партий под лозунгом «Все против Конгресса!»

Впрочем, радикальные и коммунистические партии поддерживали правительство не во всем. У них были, например, серьезные претензии к группе «прогрессистов» Конгресса, касавшиеся конкретных способов проведения в жизнь закона о национализации банков (размер компенсации, кому и как она будет выплачена, кто будет

управлять банками, перешедшими в собственность правительства, а главное — в чьих интересах правительство собирается использовать новые оказавшиеся у него в руках средства).

Все понимали, что закон о национализации — еще не социализм. Сама И. Ганди не уставала повторять на митингах, что закон нужно рассматривать лишь как первый шаг. Но каковы следующие шаги, было не ясно.

Действительное ограничение местного монополистического капитала, рациональное использование банков для развития экономики страны, продолжение аграрной реформы — эти проблемы еще предстояло решить.

Синдикатовский Конгресс малочисленнее. Но он мог рассчитывать на моральную и материальную поддержку крупного капитала—а это серьезный фактор в избирательной борьбе.

Другие крупные правые партии — «Джан сангх» и «Сватантра» не слишком отличаются друг от друга в практической политике. Они часто блокировались против Конгресса, образуя своеобразный единый фронт, но их исходные позиции разнятся значительно.

«Джан сангх» («Союз народа») выступает защитником всего «индийского» против «чужеземного». Фактически это означает пропаганду всего индусского, т. е. связанного с индуизмом, и яростную вражду к исламу, мусульманам и к прогрессивным элементам европейской культуры. «Джан сангх», конечно, против сепаратизма отдельных штатов, но за шовинизм в общеиндийском масштабе. Одна религия — индуизм, один язык, — хинди, одна страна — «Великая Индия» (включая и Пакистан) — вот ее идеалы. Демократия — это выдумка европейцев; государственный сектор и правительственное регулирование — тоже новомодные «европейские» выверты и потому не годятся для Индии. В древности ничего подобного не было, а народ, «как известно», был счастлив.

Партия «Сватантра» («Независимая»), напротив, считает себя самой прогрессивной на основании того, что она наиболее «европейская». Она ратует за демократию, видит образец для подражания в Соединенных Штатах и предлагает сделать упор на развитие частной инициативы.

События 1969 г., казалось, не ослабили позиций этих двух партий, получивших союзника в лице Синдиката. Национализация банков расширила сферу государственного сектора и, следовательно, возможности для критики неэффективности государственного аппарата, для игры на трудностях и неполадках в экономике, которые еще удобнее относить на счет правительства.

Лишь теперь, в 1971 г., после внеочередных выборов, стали ясны последствия раскола Конгресса, провозглашения правительством новой политики, сложившегося сотрудничества левых и демократических сил. Национальный конгресс, возглавляемый И. Ганди, получил подавляющее, по свидетельству индийской прессы, «ошеломляющее, фантастическое», большинство мест в парламенте. Правые партии понесли сокрушительное поражение. «Самым главным» оказался все же народ, высказавшийся за радикальные социальные преобразования, обещанные правящей партией.

Города, деревни, партии и правительства — это есть повсюду. Но касты и кастовая система существуют далеко не в каждой стране и ни в одной из них не играют такой роли, как в Индии.

Меня могут поправить, и индийские друзья делали это не раз:

— Позвольте, но каст в Индии сейчас нет! Кастовая дискриминация запрещена Конституцией. Все у нас имеют равные права. И даже при переписях, проводимых каждые десять лет, отсутствует графа «кастовая принадлежность».

Некоторые поборники демократии в конце концов признавали:

— Да, конечно, в деревне каста еще сильна, т. е. сильны пережитки кастовых чувств. Но в городе — о, нет, в городе большинство людей даже не знает касты друг друга.

Это, кстати сказать, не совсем так, потому что касту человека легко определить хотя бы по его фамилии, в качестве которой употребляются бывшие кастовые самоназвания.

Впрочем, и официальная отмена каст в Конституции проведена непоследовательно. К ней приложен список «отсталых» каст, требующих особого покровительства закона. Среди каст, официально именуемых «списочными» (шедулд), большинство — неприкасаемые, действительно самые забытые и угнетенные. Создана отдельная администрация, призванная всячески заботиться об их социальном развитии — о медицинской помощи, допуске в храмы и к колодцам, профессиональном обучении и общем образовании.

В колледжах, особенно сельскохозяйственных, установлены довольно высокие квоты для молодежи из «списочных» каст и отсталых, тоже «списочных», племен. Есть такие квоты и при приеме людей на государственную службу.

Однако чтобы обеспечить прием в институты и на службу неприкасаемых, надо было одновременно ввести ограничения для членов высших каст, ограничения, уже не предусмотренные Конституцией. Так, в Майсуре не более 20% всех государственных служащих и не свыше 30% студентов медицинских и инженерных колледжей могут быть брахманами. В Андхре условия еще жестче: брахманам отведена лишь седьмая часть мест в государственных учреждениях и пятая — в колледжах.

Эти лимиты не так уж малы, если исходить из удельного веса брахманов в этих штатах, но воспринимаются как серьезное притеснение теми, кто привык иметь преимущественный допуск к службе и образованию. На «брахманские» места обычно гораздо больший конкурс, чем на другие, а на места, зарезервированные для молодых людей из «списочных» каст, конкурса нет. С молодежью, вышедшей из самых низов деревни, труднее и преподавателям: она обычно недостаточно подготовлена.

Тем не менее жалобы, которые я слышал во множестве от брахманов («Все теперь для списочных!») и от преподавателей («Большая их часть ленива и нелюбопытна!»), пожалуй, неискренни. Какое бы покровительство ни оказывалось «списочным» кастам, они остаются в самом низу социальной лестницы, их продвижение по службе, даже если их принимают, зависит от благоволения начальства, почти исключительно принадлежащего к высшим кастам. Брахманы, раджпуты, кайястхи по-прежнему доминируют в госаппарате и всей сфере интеллектуального труда.

Итак, существование каст отчасти признано даже законом. Что же такое каста? Вот уже 200 лет европейские и индийские ученые пытаются дать ее определение.

Казалось бы, все очень просто: каста — португальский перевод индийского слова «джати» («происхождение») — означает группу людей, считающих, что у них общее происхождение, что они отличны от других людей, образующих такие же группы. Членов касты объединяют общие название, обычаи, органы управления, боги и т. д.

Действительно ли разные касты имеют различное происхождение? Да, потому что многие из них первоначально — племена или части племен. Нет, потому что многие касты образовались сравнительно недавно из групп, вышедших из разных племен и каст.

Ответ «и да и нет» можно получить почти на любой вопрос, касающийся каст.

Является ли каста результатом профессионального разделения труда? Конечно, да, отвечают исследователи и приводят огромное количество примеров начиная с ссылок на древние индуистские сочинения, в которых каждой касте предписывается выполнять определенную работу. Конечно, нет, отвечают другие и указывают на существование разных каст одинаковой профессии или каст, вообще не имеющих строго установленного рода занятий.

Является ли кастовая система порождением религии индуизма? И на этот вопрос часть историков и социологов отвечают утвердительно, привлекая для аргументации обширный материал — от древнего мифа, по которому четыре первые группы-касты (они назывались варнами) образовались из частей тела прародителя человечества Пуруши, до

современных данных, что касты нередко отличаются только тем, что члены их поклоняются разным богам или по-разному отправляют культ. Другие же отвечают отрицательно:

— Религия индуизма освятила кастовый строй и включила его в свою концепцию мира, но сама каста обязана своим возникновением не религиозным, а экономическим и социальным факторам.

Последнее расхождение имеет не только академический интерес. Сейчас, когда Индия стоит на распутье (что из старого культурного наследия полезно и здорово, а что вредно и мешает социальному прогрессу общества, в каких областях культуры заимствование западных идей плодотворно, а в каких — нет), когда существует довольно сильное движение, возглавляемое партией «Джан сангх» и ратующее за возврат к «чистоте» индуистского учения, дискуссия о взаимоотношении касты и индуизма приобретает политическую окраску.

Некоторые поборники религиозной чистоты считают, что каста вошла в индуистскую концепцию «по недоразумению», что «чистым» является учение вед, где ничего не сказано о делении людей на касты, и сочинения средневековых проповедников (бхактов), пропагандировавших идеи равенства всех людей перед богом. Они считают, что упразднение каст благотворно повлияет на социально-экономическое развитие страны и приведет к дальнейшему торжеству индуизма. «Культурная ценность» его мало кем в Индии подвергается сомнениям.

Примерно на такой же позиции стоял М. К. Ганди. Глубоко религиозный человек, он в то же время выступал против кастовой дискриминации и проповедовал равноправие неприкасаемых и высших каст.

Националисты из «Джан сангх», и не только из этой партии, напротив, видят в касте столь же неотъемлемую часть индуизма, как и учение о переселении душ. Для них проповедь социального равноправия равнозначна атеизму или ненавистному коммунизму. И они опираются в этом не только на свою злобу по отношению ко всему новому или «чужому», но и на не такие уж редкие в народе представления о нужности кастовой системы.

Может быть, каста была порождена социально-экономическим, классовым делением общества? Да, влияние этого фактора несомненно. Как ни многообразна кастовая структура, никто не станет отрицать, что высшие касты всегда принадлежали к высшим, экономически или идеологически господствовавшим классам, что чем ниже кастовое положение человека, тем обычно он беднее.

Но и это не все объясняет. Не говоря уже о том, что в любой касте есть свои бедняки и свои богачи, бывает и так, что каста традиционно бедная пользуется большим уважением — это относится к некоторым брахманским кастам. А вот бизнесмену из торговой касты, будь он хоть миллионером, никогда не сделаться равным брахману.

Честно говоря, мне почти не пришлось беседовать с людьми из низших социальных слоев. И ни разу — о касте. Неудобно обсуждать эту тему с не очень знающим человеком, если знаешь, что она способна его задеть. Но среди интеллигентов я часто встречал людей, не скрывавших своего положительного отношения к касте. Логика их суждений была примерно такова:

— А что конкретно плохого можно сказать о касте? Она дает человеку уверенное и твердое положение в жизни, обеспечивает его специальностью, а следовательно, и куском хлеба, приучает его довольствоваться малым и делает поэтому счастливым, обеспечивает стабильность общества и сохранение его культурных ценностей. Конечно, мы против «кастеизма», т. е. неуважительного, презрительного или дискриминационного отношения к лицам другой касты. И, конечно же, совершенно возмутительны, с нашей точки зрения, кастовые конфликты, особенно применение насилия.

Эти люди готовы осудить брахмана, ударившего чамара за непочтительность. Но особенно гневно обрушиваются они обычно на представителей низших каст, все решительнее требующих равноправия для себя.

Возразить сторонникам данной точки зрения легко с позиций гуманизма: почему, собственно, люди должны довольствоваться малым? И так ли уж нужна стабильность общества в стране, подобной Индии, которая была настолько стабильной на протяжении веков, что подчинялась всем завоевателям?

Но убедить их не удастся, и вовсе не потому, что они не хотят слушать возражений. Большею частью это не закоснелые догматики, а люди широко образованные, «с открытым умом», готовые вежливо спорить и приводить контраргументы.

— Человек не должен довольствоваться малым? Но ведь мы живем в Индии, где очень, очень многие, и отнюдь не только неприкасаемые, вынуждены довольствоваться малым. Возможности для приобретения богатства, для продвижения по службе или для социальной деятельности так ограничены! Даже получивший прекрасное образование соглашается, как правило, на скромную должность, а иногда и совсем не имеет работы.

— Застойность индийского общества не привела ни к чему хорошему? Может быть, да, а может, и нет. Посмотрите — все завоеватели либо уходили восвояси, либо подчинялись нашим обычаям. Индийское общество оказалось таким крепким, что его не могли расшатать ни ислам, ни христианство, ни фабрики, ни железные дороги. А чего добились западные страны со всем их прогрессом? Упадок духовной культуры, погоня за барышом, безнравственность. Одни хиппи чего стоят!

— А что понимать под социальным прогрессом, как не обеспечение всеобщего счастья? Можно ли добиться его, гоняясь лишь за материальными ценностями?

Подобного рода дискуссии порой длятся часами, обнаруживая лишь огромное несходство в отношении к основным проблемам жизни — к личности, «ценностям», счастью, цели, справедливости и т. п.

Кастовая система противостоит не только социализму, но и самому умеренному демократизму, прежде всего иерархичностью, тем, что она располагает людей на разных ступенях лестницы, делает одних выше рангом, других — ниже, предоставляет одним привилегии, в которых отказывает другим.

Как и в вопросе о происхождении каст, в вопросе об иерархии их тоже нет ясности. Любой индиец объяснит вам, что самыми высшими, самыми уважаемыми кастами являются брахманские. Брахманы когда-то составляли, наверно, прослойку жрецов, но судя по священным книгам, уже в древности они были и чиновниками, и помещиками, и купцами, и даже земледельцами и кузнецами. Они составляли феодальную интеллигенцию в средние века и из них же в основном создан слей современной интеллигенции — они были наиболее подготовлены к восприятию европейского образования. Юристы, писатели, художники, научные работники, политические деятели, в последние годы инженеры чаще всего принадлежат к брахманам.

Следом за ними по традиционной иерархии шли кшатрии (воины). Они тоже давно не только аристократы и военачальники, но и помещики и мелкие землевладельцы, а также представители образованных слоев общества.

Еще ниже находились вайшьи. Сначала этот термин обозначал «простой народ», но уже в далеком прошлом под ним понимали торговцев, ростовщиков и богатых ремесленников.

Наконец, в древности возникла четвертая группа — шудры. В нее попали все самые низшие слои общества — слуги, рабы, бедняки. Простые ремесленники и крестьяне тоже стали рассматриваться как шудры.

Это четырехчленное деление на крупные социальные группы (варны) когда-то, возможно, действительно существовало. Но ряд современных исследователей высказывает мнение, что варны — плод чистой теории, попытка древних индийцев разобраться в собственном социальном строе, своеобразная инвентаризация более мелких

групп, собственно каст — джати. Никто не знает точно, сколько сейчас в Индии каст. Что-то свыше тысячи. И каждая из них предлагает свой вариант иерархии. Есть касты, называющие себя брахманскими, но остальные брахманы не считают их равными себе. Есть шудры, претендующие на принадлежность к кшатриям, и т. д. Правда, есть еще неприкасаемые. С ними гораздо проще. Они ниже всех, ниже шудр. Однако и неприкасаемых каст более десятка. И они тоже спорят, кто из них менее неприкасаемый.

Трудно определить, кто выше, кто ниже, но каждый готов обсуждать это. Обсуждать, конечно, среди своих, при иностранцах поднимать вопросы кастового положения и происхождения неприлично. Все же мои знакомые стали свидетелями такого спора, начавшегося в шуточной форме и перешедшего в яростную перепалку. Участниками были два адвоката — европейски образованные и прогрессивно настроенные люди. В разговоре случайно всплыло, что один из них брахман, а другой — кшатрий. И тут они начали выяснять, чье социальное положение выше.

Юрист-брахман ссылаясь, конечно, на священные книги, где брахманы объявлены совершенством, частью бога на земле.

Юрист-кшатрий оказался свободомыслящим. Впрочем, ему ничего другого не оставалось:

— Да все священные книги написаны самими брахманами. Вот и превозносят они там себя. На самом же деле выше всех всегда были кшатрии — цари, предводители войск, воины. Посудите, кто выше: тот, кто берет, или тот, кто дает. А вы, брахманы, всегда шли к нам, кшатриям, с протянутой рукой.

Этот спор в современной гостинице за стаканом виски, разумеется, дикость, но он очень показателен. Он — отражение постоянной, то молчаливой, то в полный голос дискуссии, которая ведется в Индии вот уже много столетий. Кто же выше?

Споры эти не беспредметны и не безрезультатны. История страны даже самых последних десятилетий знает немало примеров, когда установленная иерархия нарушалась и изменялась.

Так, с конца XIX в. начал повышаться социальный статус каст садоводов и огородников. Расширился рынок для их продукции, они стали богатеть и постепенно перешли из «нечистых» в «чистые» шудры.

Джаты, наиболее многочисленные среди землевладельцев Северо-Западной Индии, считаются в принадлежащих им деревнях ничуть не ниже брахманов.

Весьма часты случаи, когда имущественное расслоение внутри низкой касты приводит к ее разделению — более богатые рвут связи с бедняками, присваивают себе другое кастовое название, создают новую легенду о своем происхождении, связывая себя с брахманами, кшатриями или вайшьями. Новая каста поднимается на несколько ступеней кастовой лестницы, а старая остается на прежнем месте.

Но каста — удивительное явление, подчиняющееся своим, не совсем понятным для наблюдателя законам. Касты различаются по «чистоте», а она включает много элементов. Например, еда. Чем длиннее список продуктов, запрещенных членам касты, тем последняя выше. Самые «чистые» те, кто не употребляет никаких продуктов животного происхождения, вегетарианцы, питающиеся только рисом и овощами. Если человек ест яйца, он уже не такой «чистый», если мясо или рыбу, то в некоторых районах ему уже не быть брахманом. Впрочем, это не абсолютное правило, как и прочие правила касты. Бенгальские брахманы, скажем, едят рыбу с большим удовольствием, не отказываются и от мяса. Их за это не осуждают — обычай! Но не один раз я слышал шутку, которая звучала едко для индийского уха:

— Бенгальские брахманы? А, это те, для которых лучший овощ — рыба?

Конечно, тот, кто употребляет спиртные напитки, бесконечно ниже того, кто их в рот не берет.

Другой важный элемент — вода. В Индии стакан воды для путника, измученного зноем, нередко означает жизнь. Так вот, истинный брахман не примет воды от шудры (о

неприкасаемом уже нет и речи). Сложнейшие правила указывают, кто от кого может принимать воду и, наоборот, кто кому может ее предложить.

Учитываются также брачные и семейные обычаи. Женщина высшей касты может выйти замуж лишь однажды. Вдова — самое низшее, бесправное существо, для которого жизнь кончена. В низших кастах замужество вдов разрешается.

Вопросы брака тоже регламентируются правилами, разными для каждой касты, но одно из них общее. Жениться допустимо только на женщине своей касты. Межкастовые браки — до сих пор явление очень редкое. Брахманы должны брать жен только из другой готры — «семьи», «рода». У раджутов тоже есть «роды», внутри которых нельзя заключать браки. Для низших каст подобных ограничений нет, и «именно поэтому» они часто считаются низшими.

Занятие человека, пожалуй, важнейший показатель при определении его места в социальной системе. Разумеется, самые чистые занятия те, которые не связаны с физическим загрязнением рук — чиновничья работа, торговля, наука, литература. Искусство уже стоит значительно ниже, потому что требует физических усилий, а иногда неотделимо от грязи — глина, краски, кисть и резец, рабочая одежда. Кроме того, художник часто работает по заказу, а работа на себя более уважаема, чем работа на другого.

Земледелие в целом более высокое занятие по сравнению с ремеслом, но вспашка почвы — самая «нечистая» из земледельческих операций, поскольку она означает нанесение ран матери-земле и связана с повреждением живых существ, обитающих в почве.

Ремесла тоже неравноценны. Мастер резьбы по кости ниже, чем кузнец или медник. Гончар ниже резчика. Специальность шорника или сапожника относится к числу самых презираемых. Всех правил, подкрепляемых учением индуизма и не имеющих никаких подкреплений, не счесть.

Некоторые касты, даже если они откажутся от мяса, от спиртных напитков, от замужества вдов, переменят презираемое занятие, все равно останутся низкими, другие же после подобных «очистительных» мероприятий приобретают более высокий статус.

В Махараштре то ли сейчас существует, то ли раньше существовала каста махаров — уборщиков и слуг. (Как видите, и на вопрос о том, существует ли та или иная каста, можно ответить и «да» и «нет».) Известный руководитель движения неприкасаемых Б. Р. Амбедкар, происходивший из махаров, но сумевший «выбиться в люди» и стать богатым адвокатом, призвал членов этой касты перейти в буддизм. В 40— 50-х годах массы махаров начали «обращаться» в эту новую для них веру. Часто они не совсем ясно представляли себе ее догматы, но надеялись, что отречение от индуизма, уготовившего им участь неприкасаемых, должно улучшить их социальное положение.

Так что сейчас махары есть — каждый маратх в этом убежден, и в то же время их нет, так как махары называют себя буддистами.

Что изменилось? А ничего. Презрение, которое вызывало раньше в Махараштре слово «махар», вызывает теперь слово «буддист».

С именем Амбедкара связано начало организованной борьбы неприкасаемых за свои права. Создана федерация неприкасаемых каст, планирующая разнообразные меры для подъема их экономического положения и обеспечения им равных социальных прав. Однако следует сказать, что борьба низших каст слишком часто базируется на той же кастовой идеологии. Они отвергают авторитет высших каст, освобождаются от многовекового идеологического рабства не во имя вообще уничтожения подобной системы, а в целях повышения статуса своей касты за счет других каст. Такого рода движения в действительности лишь усиливают «кастеизм», т. е. дают новую пищу кастовым чувствам, усиливают разобщенность общества.

Когда-то, в XIX в., в период усиленного проникновения в Индию европейских идей и ломки традиционного образа жизни, казалось, что каста доживает последние дни. Разве

можно сохранить кастовую чистоту, когда путешествуешь в переполненном вагоне поезда, пьешь чай в станционном буфете, где и чашки-то не мылись как надо, работаешь под общей фабричной крышей? Открывались школы, а потом и университеты, куда принимали людей вне зависимости от касты. Равные возможности, предполагалось, быстро похоронят кастовые предрассудки.

Однако действительность оказалась иной. «Равными возможностями» почему-то воспользовались главным образом брахманы и представители ограниченного числа прочих высоких каст. Что касается железных дорог, то они были просто исключены из сферы действия кастовых запретов. Переполненные вагоны третьего класса вроде как бы перестали существовать. Сначала брахманы, вернувшись домой из поездки, выполняли несложный очистительный ритуал, затем и он был оставлен. Осквернение, полученное по вине этих «ангрезов» в придуманных ими вагонах, просто «не считалось».

Позже такие же исключения распространились на автобусы, самолеты, кинотеатры и даже кафе и рестораны. Они пришли из другой жизни и остались в этой другой жизни.

Если не считать садху, не покидающих своих обителей, и совсем забытых батраков, тоже не видевших ничего, кроме родной деревни, все остальные живут как бы сразу в двух мирах — внешнем, гражданском, политическом и внутреннем, семейно-кастовом.

Во внешнем мире действуют личности, там существуют дружба, вражда, симпатии, антипатии, свобода выбора: можно пойти в кино или кафе, поступить работать в ту или иную контору, на тот или иной завод, голосовать за ту или другую партию.

Во внутреннем мире все предопределено. Поступки диктуются непреложным обычаем, время еды и меню, отношения с окружающими, женитьба и одежда установлены или будут установлены теми, кому ведать надлежит: родителями, старейшинами касты. Здесь господствуют отношения групповые, клановые.

Эти два мира, конечно, сольются. Цельность жизни восстановится. Но когда? И — не менее важно — как? Никто не возьмет на себя смелость утверждать, что слияние произойдет в результате вытеснения кастовых предрассудков. Семья — бастион кастовой системы — пока не поколеблена серьезно. Многие демократически мыслящие и политически активные люди, придя к себе домой, не только меняют брюки на дхоти, но и превращаются в богобоязненных индусов, чистых вегетарианцев, богом поставленных глав семьи. Есть, разумеется, и такие, кто полностью отвергает традиционный мир, однако их число относительно ничтожно.

Гражданский мир испытывает сильное и непрерывное воздействие мира семьи и касты, влияющего и на «свободу выбора», о которой шла речь, — выбора друзей, работы, политических симпатий.

Роль касты в политической борьбе не исследована: индийцы не чувствуют склонности к ее изучению, а иностранным социологам провести подобное исследование крайне трудно. Как уже говорилось, сведения о кастовом составе населения теперь не собирают и не публикуют. Не сообщается, конечно, и каста кандидатов в депутаты.

Нет сомнения, соперничество каст не исчерпывает содержания политической борьбы. Число сознательных избирателей, все более ясно разбирающихся в том, кто на самом деле защищает их интересы, растет. Свидетельство тому — большие успехи левых партий на выборах последних лет.

Но отдельные научные работы и намеки в прессе все же позволяют сделать вывод, что кастовая принадлежность кандидата — один из главных показателей, принимаемых во внимание руководителями политических партий при его выдвижении. Нередки случаи, когда благодаря кастовой солидарности кандидат проходит в парламент вне зависимости от того, каковы его политические убеждения — правый он или левый, стоит он за ограничение монополий или за интересы помещиков.

Кандидат же, избранный голосами членов своей касты, естественно, будет благоволить к ним.

Консервативная роль кастеизма в современной жизни определяется не тем, что в деревнях до сих пор не здороваются с неприкасаемыми или не пускают их в храмы. Внешние признаки в конце концов исчезнут, хотя это тоже потребует долгой борьбы.

Опасность заключается в том, что для многих индийцев, и для «урбанизированных» и образованных тоже, существуют «свои» и «чужие». Они охотнее будут встречаться и работать с людьми одной с ними касты, охотнее окажут им покровительство или прибегнут к их помощи. Кастеизм часто служит основой фаворитизма на производстве и в учреждениях.

Каста обладает некоторыми чертами национальности. У нее, правда, нет, как правило, своей территории и отдельного языка, но есть свои обычаи, символы, мифология, что-то вроде общей культуры, и главное — сознание тесной связанности.

Поэтому и в психологии членов касты, и в их деятельности наблюдаются черты, характерные для национальных меньшинств: уязвимость, легкая ранимость, гипертрофированное чувство собственного достоинства, боязнь быть обойденным и затертым, стремление двигаться по лестнице жизненных успехов группой, подталкивая друг друга.

Если каста к тому же имеет территорию, которую она может считать «своей», она начинает еще больше напоминать нацию.

В 1956 г. было решено создать «лингвистические штаты», т. е. провести границы между районами в соответствии с расселением основных народов. В частности, предлагалось к территории бывшего княжества Майсур присоединить другие области, где жил народ каннада, прежде всего так называемый Бомбейский Карнатак. И вдруг майсурская организация Национального конгресса выступила против проекта: она не хотела воссоединения народа каннада в пределах единой административной единицы.

В чем дело? Оказывается, в политической жизни княжества доминирующее положение занимала самая многочисленная каста оккалига. Члены той же касты составляли главную часть местной организации Национального конгресса, и, следовательно, из них в основном было сформировано майсурское правительство. Но второй по численности и по значению была каста лингятов. Соперничество этих двух каст в Конгрессе, в чиновничьем аппарате, при распределении мест в колледжах и университетах стало постоянной чертой социальной, экономической и культурной жизни Майсура.

В Карнатаке же лингяты составляли 35—40% населения. После включения его в Майсур они заняли бы по численности первое место в штате (более 20%), оккалига были бы оттеснены на второе (13—14%).

«Большой Майсур» все же был создан, потому что главный министр «Малого Майсура» Ханумантхайя в последний момент дал согласие на реорганизацию. Но вскоре ему пришлось выйти в отставку: оккалига не простили «измены». А соперничество двух каст, как и ожидалось, вспыхнуло с новой силой и по всем линиям — на партийных и общих выборах, при занятии постов и т. п.

Влияние касты в деловом мире никем не оспаривается. В индийском частном бизнесе действует несколько каст и групп, тоже ставших по существу кастами. Из них самые богатые — марвари и парсы. Среди бизнесменов, конечно, есть более или менее состоятельные, но это не влияет на их сотрудничество, на крепость их своеобразных «трестов».

Обычный трест или синдикат может распасться, отдельные его части могут договориться с конкурентами и т. п. Трест может лопнуть, не найдя вовремя поддержки в деловом мире. С кастой ничего подобного не случается. Каковы бы ни были личные деловые интересы марвари-миллионера, он никогда не откажет в помощи, моральной и материальной, своему менее удачливому собрату. Система внутрикастового кредитования — под честное слово, без процентов или за очень умеренный процент — распространена

до сих пор и способствует тому, что благоприятная конъюнктура для одного капиталиста приводит к подъему всей его касты.

И неудача не бывает катастрофической — ресурсы касты практически неистощимы, и они сразу мобилизуются, когда одному из членов нужна помощь.

Кастовая сплоченность помогла парсам и марвари «завоевать» практически весь бизнес Индии в конце XIX — начале XX в.

Сейчас растут новые капиталисты — в Бенгалии, в Тамилнаде, в Северной Индии, повсюду. Им трудно конкурировать со старыми монополиями — у тех и капиталы, и техника, и лучшие инженерные кадры, к ним (не всегда бескорыстно) благоволят чиновники и политические деятели.

Эти новые слои буржуазии, с трудом выбивающиеся наверх, служат опорой националистических стремлений в штатах, они же поддерживают антимонополистические тенденции политики центрального правительства.

Между двумя мирами, в которых живет индеец, пет каменных стен. Если его частная жизнь испытывает влияние общественной (влияние почти неощутимое, нечто вроде слабого ветерка), то и общественная несвободна от влияния личной. Демократическая борьба, идеологические расхождения и даже капиталистическая конкуренция — все будто так же, как на Западе, и не совсем так. Вот почему политические события на Востоке, в частности в Индии, сложны для изучения. Влияние второго, подспудного, традиционного, кастового мира, о котором почти не пишут в газетах и не говорят, очень трудно учесть. А умалчивают о нем по двум причинам, каждая из которых существует тоже в разных мирах: во внешнем гражданском мире каст нет, и о них говорить неприлично и неуместно, а во внутреннем все понятно и без слов, здесь действует не столько разум, сколько инстинкт.

Англичане, завоевавшие Индию, естественно, не соблюдали кастовых правил — они ели мясо и при этом преимущественно говядину, пили виски, разговаривали с любым и у любого просили напиток, не знали индусских священных книг. Словом, по всем показателям были неприкасаемыми. И брахманы, имевшие дело с европейцами, долгое время выполняли очистительные обряды после общения с ними.

Но англичане были правителями. Им принадлежали власть, суды, армия, деньги. И постепенно они заняли положение самой высокой касты. Спесь и презрение к туземцам только помогали им в этом: именно так должны вести себя «благородные» по кастовым понятиям. Кроме того, англичане довольно строго выполняли один кастовый завет — жениться лишь на своих.

Случалось все же, что иностранный офицер вступал в брак с индианкой, оставался после выхода в отставку жить в Индии и создавал семью, в которой господствовали обычно европейская одежда, но индийская пища, английский язык и христианство, но индийский образ жизни. В этих случаях отчетливо проявлялось, насколько близки расистские представления просвещенных англичан средневековой кастовой идеологии. Потомков англичан и индийцев, получивших официальное наименование «англо-индийцев», европейцы не приняли в свою среду. Те стали изгоями, хотя их, христиан, хорошо знавших язык и хорошо образованных, широко использовали на государственной службе в колониальном аппарате. Не приняли их к себе и индусы. Англо-индийцы стали особой «общиной», по существу замкнутой кастой, со своими обычаями, организациями и представительством в парламенте.

Произошло то, что происходило в Индии всегда, когда люди разных каст вступали в брак — дети занимали промежуточное положение или спускались ниже обоих родителей и выделялись в любом случае в особую новую группу — новую касту.

Брахманская традиция вообще объясняет многообразие каст именно смешанными браками между членами четырех изначальных каст (вари).

Положение англо-индийцев в колониальный период было неплохим. Англичане, не считая их ровней, тем не менее покровительствовали им, продвигали по службе, не давали

в обиду. После 1947 г. положение их постепенно изменилось. Они теперь не любимые дети режима, а пасынки, нежелательные последствия его колониального предшественника. Их христианство, бывшее раньше охранной грамотой, теперь порождает недоверие, слишком чистый английский язык и нежелание употреблять какой-либо местный язык раздражают индийского патриота, а претензии играть политическую роль вызывают усмешку — их капля в море.

Приехав в Калькутту вторично, я зашел в знакомую англо-индийскую семью. Визит оказался прощальным. Хозяйка дома с детьми взяла билеты на пароход в Австралию (там уже устроилась ее сестра), брат, инженер по специальности, получил предложение от канадской фирмы.

— Почему вы уезжаете? — спросил я брата.— Ведь это все же родина, а ваши знания инженера обеспечивают вам хорошее место и здесь.

Он ответил пространно и зло:

— А что мне делать в этой стране? Мой родной язык — английский, у меня британский паспорт. С этой страной меня связывает только цвет кожи, но он не помогает мне на службе, где любой индус имеет больше шансов на повышение, чем я. К нам относятся с недоверием... Нет, надо бежать отсюда как можно быстрее.

Отъезд инженера, конечно, связан не только с положением англо-индийцев. В западные страны уезжают многие ученые и техники Индии, в том числе и чистокровные индусы из высших каст. Впрочем, «утечка мозгов» — проблема не специфически индийская, она встает и перед другими государствами.

Однако вернемся к кастам. Англичане пришли на Восток как завоеватели и расисты и потому не разрушили кастовую систему, более того, они укрепили ее, подхватив и развив основную ее принцип — презрение сверху вниз и преклонение снизу вверх.

Индийский образ жизни проникнут этой идеей, и, наблюдая за ее проявлениями, всегда гадаешь — что здесь от традиций кастеизма и что от британского снобизма.

Прежде всего для индийского обывателя ты не человек, а сааб — «господин» и все остальные — либо равные тебе саабы, либо слуги, низшие существа. Если ты обратишься к этим существам, как к равным, на первый раз тебя простят («сааб шутит!»), во второй не поймут и осудят, в третий же решат, что ты, наверное, вовсе не сааб, а член низшей касты, и будут относиться к тебе соответственно.

При англичанах любой европеец был саабом. Это представление так устойчиво, что окончательно не раз-Рушено до сих пор, хотя и серьезно поколеблено. Число европейцев, посещающих сейчас Индию, возросло, следовательно, возможности их оценки резко увеличились. Богатые американцы более всего соответствуют индийскому понятию сааба по чаевым, но менее всего по манерам — им недостает респектабельности и сдержанности. Когда американский посол, стремясь к популярности, начал разъезжать по делийским улицам на велосипеде, его стали презирать. Высоко котируются деловитые западные немцы — достаточно богаты, солидны.

Но есть теперь в Индии и другие европейцы — туристы с ограниченными средствами или просто хиппи, которые не только не дают чаевых, но и сами не прочь пониженствовать. Один из них — молодой парень, голый, если не считать тряпки на поясе, грязный, с пышной черной шевелюрой и обезьянкой на плече, подошел ко мне на улице Варанаси:

— Не смогли бы вы дать мне немного денег, а то я сегодня ничего не ел, и обезьянка моя голодна, а перевод из Германии задержался...

Это был студент из ФРГ, сын обеспеченных родителей, решивший на каникулах «сходить в Индию». Такие, конечно, не вызывают уважения. Не саабы!

Тяжело приходится там советским людям, живущим «своим домом» — корреспондентам центральных газет, специалистам, работникам международных организаций. Они должны иметь слуг, иначе их перестанут уважать. Но они не могут не

считать их за людей, отдавать отрывочные приказания, «в упор не замечать» и т. д.— убеждение и воспитание не позволяют. И получается плохо. В темную голову слуги, привыкшего к помыканию, вползает мятежная мысль: «А может быть, мой хозяин — не настоящий сааб?»

Его хозяин действительно не сааб, слуга тысячу раз прав. Однако редко подобное открытие приводит к улучшению отношений между ними. Бывает, что слуга начинает проявлять пренебрежение к хозяину, а этого тоже нельзя допустить по самым разным и достаточно важным соображениям. Саабы отдают приказания не в форме «Сделайте, пожалуйста!» и даже не в форме «Сделайте», а безлично-непререкаемо: «Сделать!», «Пойти!», «Принести!». И это не от плохого воспитания или скверного характера. По мнению некоторых, это социальная необходимость.

Позиции господина и слуги относительны. Тот, кто выше другого по социальному положению, может оказаться ниже третьего. Тогда господин превращается в слугу. Не фигурально, а буквально: меняется его осанка, походка, интонации, и это не вызывает улыбку или осуждение.

Способность расчленять людей на высших и низших, на «хозяев» и «слуг», всегда искать и находить, к кому следует относиться льстиво, а к кому презрительно,— вовсе не результат несовершенств «азиатского» характера. Это, к сожалению, пережиток многовекового искривления душ кастовой системой, а в последние столетия — также и колониализмом, то «культурное наследство», от которого рано или поздно придется отказаться. Многие передовые интеллигенты, даже религиозные проповедники, понимают это, но далеко не все. Благодаря усилиям прогрессивных деятелей каста внешне утратила свои позиции, теперь уже считается неприличным публично проявлять кастовые предрассудки. Однако они живут, и, чтобы иметь представление об Индии, надо знать о них. Потому-то я и написал эту неприятную для меня самого главу.

11. ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В БОГА?

Такой вопрос задают чиновники и студенты, профессора и домохозяйки всякому, кто прибывает в Индию. Отрицательный ответ вызывает, в зависимости от темперамента спрашивающего, веселое оживление, скорбь или неподдельный ужас. Преобладает все же радостное удивление: в атеисте видят удобный объект для обращения, слушателя, на которого можно выплеснуть выношенные мысли о сущности бога, бессмертной душе, морали и аморальности, греховности и воздаянии. Почти каждый индеец — самодеятельный философ, много думающий над загадками бытия.

В течение тысячелетий выработалась высокая культура мышления, концентрирующегося вокруг проблемы «человек и бог». История Индии знает десятки проповедников и религиозных наставников, каждый из которых вносил что-то свое в трактовку проблемы. Излагать содержание классических религиозно-философских систем Индии я не буду: их невозможно изложить популярно. Если же читатель готов потратить время и умственную энергию на усвоение их принципов, к его услугам несколько книг по индийской философии на русском языке. Скажу только, что среди этих доктрин можно встретить прямо противоположные — такие, в которых вообще отсутствует понятие бога, и такие, которые признают существование исключительно бога, а во всем остальном видят лишь его проявления.

Подавляющая часть индийского населения считается индуистами (индусами), т. е. последователями индуизма. Буддизм, распространившийся по всей Восточной Азии, на своей родине почти исчез. Джайнизм, возникший в Индии в глубокой древности, так и не завоевал здесь большого числа последователей и остался религией узкой прослойки торговцев и ростовщиков.

Позиции ислама ослабли в последнее время, с достижением независимости и выделением районов мусульманского большинства в отдельное государство Пакистан.

Впрочем, и сейчас в стране насчитывается около 50 млн. мусульман. Ислам остался второй по значению религией Индии, и отношения между индусами и мусульманами — по-прежнему острая проблема внутривосточной жизни.

Колонизаторы принесли в Индию христианство — преимущественно в форме католицизма, но также и протестантизма, разного рода баптистских и евангелических течений и т. п. Одно время англичане подумывали даже о сплошной христианизации поработанной страны, видя в том верный путь к «цивилизации» и к прочному идеологическому подчинению ее народов. Однако от этой мысли пришлось быстро отказаться — после первых успехов обращение в христианство прекратилось. Сейчас христиан довольно много на Юге, особенно в Керале (четвертая часть), число их значительно среди племен Центральной и Северо-Восточной Индии. Впрочем, в масштабах страны все это ничтожно мало.

Итак, индийцы в большинстве своем — индусы. Но их объединяет главным образом то, что они не исповедуют другой религии, что они не буддисты, не мусульмане, не христиане. Когда стараешься уяснить основные догматы индуизма, часто встаешь в тупик.

Из книг исследователей узнаешь, что индуистом можно считать того, кто руководствуется принципом ненасилия (ахимса), старается достичь трех целей в жизни — духовного самосовершенствования (дхарма), материальной выгоды (артха) и удовольствия (кама) — с тем, чтобы добиться полного духовного освобождения (мокша), верит в переселение душ, регулируемое принципом воздаяния за содеянное в прошлых существованиях (карма).

Так как даже этих широких принципов недостаточно, чтобы вместить в лоно одной религии всех тех, кого называют индуистом, иногда добавляют еще три: приятие священности вед (древних сборников гимнов), священности брахманов и обожествление коровы.

Индуизм на практике, в реальной жизни народа — это прежде всего множество верований, богов и обрядов. Есть два главных индуистских бога — Шива и Вишну. Есть еще третий — Брахма — самый главный. Но ему не строят храмов, ему не поклоняются: он слишком всеобщ и слишком высок.

Шива — бог-разрушитель. Но разрушение — одновременно и форма созидания. Поэтому одни поклоняются тем изображениям Шивы, где он преисполнен гнева и жестокой энергии, а другие — иному Шиве, например, Натарадже («Король танца»), который исполняет космический танец, символизирующий сотворение всего сущего. Распространен и специальный культ не самого Шивы, а его созидательной, оплодотворяющей функции (силы) — лингама.

Вишну еще более многолик. У него 12 воплощений (аватар), и каждое из них служит объектом почитания.

И жены главных богов носят по нескольку имен и принимают разные обличья. Так, скромная и нежная Парвати, сильная и решительная Дурга и кровавая Кали — все они, оказывается, одна жена Шивы.

Поклоняются индусы и сыновьям главных богов и прочим божествам, не связанным с ними родственными узами. Обожествляется бык Найди, на котором обычно ездит Шива, и мифическая птица Гаруда, на которой летает Вишну.

Кроме того, любая деревня имеет своего бога-покровителя — грубо обтесанный или совсем не обтесанный камень, дерево или ручей. Именно им приносят жертвы, когда просят у небес дождя или излечения от болезней.

В домах индийской интеллигенции, которые мне довелось посетить, всегда присутствовали изображения нескольких богов, ибо у всех обитателей дома был среди них свой избранник.

Этот политеизм индуистской религии сложился исторически. Большинство исследователей сходятся во мнении, что индуизм вбирал в себя местные культы

разноязыкого и разноплеменного населения, вбирал, почти не перерабатывая, просто причисляя различные божества то к семье Шивы, то к перевоплощениям Вишну. Так получилось, что и вепрь, и страшное существо с головой льва, и черепаха, и легендарный герой древности Рама, и чернокожий бог Кришна, который сам выступает в двух совершенно несхожих образах — воина-колесничего и веселого пастушка,— все это Вишну.

Каждому богу часто посвящен свой храм, но не обязательно. В Анклешваре я наблюдал службу, шедшую одновременно в разных приделах: одни поклонялись Шиве, Дурге, Найди, другие тут же, через дворик, осыпали цветами изображения Вишну, Рамы, Кришны, Ханумана.

Индуизм — это отказ от всех земных радостей, умерщвление плоти, и он же — возведение радостей жизни в культ, обожествление живой, отнюдь не платонической любви. Ведь наслаждение — кама всеми священными книгами признается одним из путей к спасению.

Барельефы, изображающие любовные сцены, особенно часто встречаются в Южной Индии, где вообще сохранилось гораздо больше средневековых храмов, чем на Севере.

Но наиболее полно тема любви воплощена в храмах Кхаджурахо, небольшого городка, даже деревни, расположенной там, где равнина Северной Индии переходит в плоскогорье Декан. В XI—XIII вв. здесь правила династия Чанделлов, правители которой ничем не отличались от других индийских государей. Так же воевали они с соседями, так же выбивали надписи на каменных стенах, так же прославляли себя, свои походы и клялись в преданности брахманам и индуистским богам — Вишну и Шиве. В честь этих богов они возводили храмы — десятки храмов, и богато украшали их скульптурами. Однако сюжеты их, по неиндийским представлениям, весьма далеки от благочестия.

Превосходная техника резчиков по камню позволяла им точно передать плавные линии человеческого тела. Сцены любовных утех, многие из которых сейчас мы называем извращениями, выполнены не просто реалистично, а, я бы сказал, упоенно.

Современный индус вполне может заявить, что бог — это любовь. Ведь кама — наслаждение, но Кама с большой буквы — бог любви в индуистском пантеоне. Так что возникновение храмов Кхаджурахо вполне логично. И все-таки взрыв культа любви в Центральной Индии в средние века пока не объяснен историей.

Кхаджурахо — подлинная жемчужина. Сюда со всех концов света приезжают туристы полюбоваться удивительными скульптурами. Образованные индийцы тоже знают о его славе. Но помимо гордости за своих предков, создавших произведения искусства, которые получили мировую известность, они подчас испытывают и чувство стыда за их «распущенность». Мужчины старательно делают вид, что они не смущены и не очень заинтересованы, женщины у наиболее откровенных изображений закрывают лицо концом сари.

Аморфность индуизма, способность индусов охотно признавать, что Вишну и Шива — не единственные боги, что Христос и Аллах ничуть не хуже или что бог — это человек, приводили к тому, что мои дискуссии по вопросам мировоззрения, если их нельзя было избежать, не всегда кончались резким расхождением. Собеседник бывал удовлетворен, убедившись, что мой атеизм не означает проповеди идеи «все дозволено», что я верю в конечную победу правды, добра и социальной справедливости.

— Вот видите,— говорили мне индийцы, понаторевшие в метафизике,— вы, коммунисты, тоже верите в силы, стоящие над человеком. Вы называете их объективными законами истории, а не богом, но это не меняет дела. Раз они объективны, не зависят от воли и желания человека, значит, они в вашей системе взглядов занимают то место, которое у нас занимает бог.

Попытка перейти от человека к людям, творящим историю, успеха при этом не имела. Понятие «люди» или «народ» не значит в арсенале идей верующего, занятого проблемой индивидуальных отношений «человека» и бога.

Впрочем, такое согласие достигалось редко. Обычно мой собеседник не мог уразуметь, как соединить неверие в бога и мораль, как жить, не умея объяснить случайное несчастье вроде падения кирпича на голову.

Религия — основа мировоззрения многих индийцев. Более того, через систему обрядов и бытовых предписаний она пронизывает всю их жизнь. Это относится в равной мере к индусам, мусульманам, джайнам, христианам в Индии. Религия властно заявляет о себе в области политики и идеологической борьбы. При этом она служит не просто средством, оружием, религиозное морализирование в политике — неотъемлемая черта выступлений индийских общественных деятелей независимо от степени их личной честности и искренности.

Описать атмосферу глубокого религиозного тумана, окутывающего эту страну, — трудная задача для человека, не имеющего навыков религиозного мышления. Поражает не то, что почти все жители, включая многих образованных и творческих людей, — верующие. Индуизм настолько широк и многогранен, что легко уживается с самыми новейшими достижениями естественных наук. Поражает, что эти люди часто так же привязаны к обрядам, символам и обетам, как и самый темный крестьянин, не ушедший дальше поклонения дереву, камню или корове.

Однажды в Пуне меня принимал профессор Потдар — один из ведущих историков, глава исторического факультета, а в то время еще и вице-канцлер (что соответствует нашему ректору) университета.

Меня попросили немного подождать.

— Профессор в ванной, — почтительно объяснили мне.

Вскоре он появился — плотный старик с приятной улыбкой, весь перепачканный охрой. Он, оказывается, молился и по обычаю мазал лоб краской. То ли он торопился, чтобы не заставлять меня долго ждать, то ли в ванной не было зеркала, только краска легла неровными мазками, захватив лоб, уши и даже типично профессорское головатое темя. У меня создалось впечатление, возможно обманчивое, что профессор в этот раз особенно усердно молился, ведь он готовился принять заведомого атеиста.

Мы потом виделись с профессором Потдаром неоднократно. Он интересный собеседник, живо реагирующий на все вопросы, включая политические, человек отнюдь не реакционных взглядов, с уважением относящийся к нашей стране. И я всегда замечал на его лбу тщательно обновленные охряные полосы.

В южноиндийском городе Мадурай ответственным за мой прием был инспектор народного образования, по-нашему говоря, — заведующий горно. Организовал он мою программу идеально и был чрезвычайно внимателен. Я мотался целыми днями, осматривал знаменитый храм и не менее знаменитый город, встречался с преподавателями колледжа и деловыми людьми округа, посещал фабрики и школы. Но наиболее трудная часть рабочего дня наступала для меня после 9 часов вечера, когда мы удобно устраивались с инспектором в креслах и начинали нескончаемый разговор на тему: «Есть ли бог?»

Он исповедовал не индуизм, а христианство, но особого различия между Иисусом Христом и Шивой не делал. Все тысячи индуистских богов были для него так же реальны, как и Дева Мария. Мои контраргументы вызывали у него лишь одно — чувство глубочайшего искреннего изумления: возможно ли, что человек, производящий впечатление нормального, способен отрицать такую самоочевидную вещь, как божественное провидение.

Благодаря заботам инспектора я впервые попал на мыс Коморин — южную оконечность Индии. Он уговорил меня потерять почти два дня в пути, чтобы провести

одну ночь на мысе, увидеть закат и восход солнца. И надо сказать, я был вознагражден, красота моря, солнца, песка и скал меня потрясла.

Не мог я, конечно, уехать оттуда, не искупавшись в водах трех морей, которые, по утверждению индийцев, здесь сливаются: Аравийского моря, Бенгальского залива и Индийского океана. Там есть бассейн с морской водой и еще естественное озерцо — небольшая лужа, отделенная от бурных валов грядой скал. Помокнув немного в этой-луже, я не вытерпел и решил пробраться через скалы в собственно океан. Моя попытка окончилась плачевно: очередной вал приподнял меня и проволоком по скале. В результате я ободрал кожу, главным образом на руке.

Была страшна не боль, а сознание опасности. Это произошло в первое мое посещение Индии, когда она представлялась мне привлекательной, но полной коварства. Меня пугала мысль о заражении крови, а потом о безвестной могилке в земле Тамилнада.

Но все это я рассказываю не для пробуждения сочувствия у читателей. Случай оказался интересным совсем в другом отношении. Дело в том, что мыс Коморин, как и многие другие города и районы в Индии,— место священное. Здесь владевает богиня Каньякумари, чей храм с красно-белыми полосатыми стенами расположен в ста метрах от воды.

Когда я вечером того же дня, измученный жарой и болью в руке, добрался до Мадурай, я встретил своего знакомого инспектора образования и сказал ему: «Вы были правы. Вот я не верил в бога, и Каньякумари меня покарала». Он понял шутку и засмеялся, но в его смехе было меньше веселья, чем благоговейного трепета и немного, совсем немного злорадства. А может быть, и вправду покарала?

В Алигархский мусульманский университет я попал во время рамазана — месяца поста у мусульман. В это время они могут есть только ночью, пока нет солнца. На всех видных местах висел приказ вице-канцлера, в котором извещалось, что буфеты и столовые на территории университета должны быть закрыты, пока не зайдет солнце. Время захода устанавливалось ежедневно, и студенты оповещались об этом сиреной. Хотя университет «мусульманский», не все студенты и преподаватели в нем мусульмане, однако приказ ректора был обязательным для всех. Я познакомился с ним поздно, а до того успел совершить неловкость.

Однажды ректор пригласил нас, участников семинара, на чай. Время, назначенное для приема, 17.28, показалось мне странным. Может быть, две минуты дается на сбор гостей? Мы расположились за столами, уставленными чашками, чайниками, печеньем и пирожками, чуть раньше срока. Присутствовавшие оживленно беседовали, но не притрагивались к угощению. Увлеченный разговором, я рассеянно взял пирожок и надкусил его. Тут же я услышал испуганный шепот товарища:

— Что вы делаете? Сейчас есть нельзя!

Тогда только я вспомнил, что рамазан, что едят с заходом солнца и т. д. Пришлось положить пирожок на место. Впрочем, вскоре прозвучала сирена, все задвигались, стали наливать друг другу чай...

В Майсуре я работал в офисе, занимающемся исследованием и публикацией материалов эпиграфики — безмолвных свидетелей прошлых эпох. Штат учреждения был невелик, но составлен из блестящих специалистов в области хронологии, лексикографии и палеографии основных языков Индии. Многим из них я чрезвычайно признателен за помощь в интерпретации надписей, в разъяснении терминов. Однажды я решил обратиться к специалисту по надписям на языке телугу мистеру Мурти. Его нет, сказали мне, он поехал совершить паломничество. Оказывается, в его семье что-то случилось, и он дал обет — если все обойдется, совершить паломничество в Тирупати, к знаменитому храму в Андхре.

Через несколько дней я его увидел. Он сидел за столом, обложенный, как всегда, фолиантами, маленький и незаметный, но на голове его красовался огромный коричневый берет.

Я позволил себе бестактность и спросил, почему он сидит в берете.

Он улыбнулся, снял берет и, показал мне абсолютно голый череп.

— Вы же знаете, я совершал паломничество. А в Тирупати такой порядок: каждый посетитель, прежде чем переступить порог храма, должен побриться наголо. Это первое, самое маленькое, жертвоприношение. Потом уже можно жертвовать деньги или вещи.

У меня не хватило смелости спросить его, человека явно небогатого, сколько же он пожертвовал храму, но он сам с восторгом сообщил мне, что ежедневный доход храма Тирупати от жертвоприношений равен 100 тысячам рупий.

Меня эта цифра поразила, и когда я повторил ее, в голосе моем звучало, видимо, такое изумление, что присутствовавшие при разговоре сотрудники сочли нужным разъяснить:

— Но ведь почти все эти деньги идут на благотворительные цели—на милостыню беднякам, на финансирование школ. Храмовые власти даже основали собственный университет, где исследуются важные проблемы по истории и культуре Индии.

Храм в Тирупати очень популярен. Ежедневно его посещают тысячи паломников, и среди них не только профессиональные святые, но и самые обыкновенные крестьяне, рабочие, клерки и интеллигенция. Для них подаются специальные поезда, билеты на которые стоят дешевле, их размещают в недорогих домах для приезжих. Дело паломничества поставлено на широкую ногу.

Я не был в Тирупати, но однажды проезжал мимо. И хотя наш поезд был обычным экспрессом Мадрас — Пуна, состав пассажиров в Тирупати почти полностью обновился, как будто было два поезда — один Мадрас — Тирупати, а другой — Тирупати — Пуна.

Таких святых мест в Индии очень много, но крупнейшим и наиболее посещаемым является, конечно, Варанаси, город, представляющий собой, если можно так сказать, концентрированное выражение не просто индуистской религии, а индийской религиозности вообще. Помимо индуистских храмов, здесь есть и мечети, и соборы, и сикхские гурдвары, и памятники некогда господствовавшего буддизма.

Архитектура подавляющего большинства этих сооружений не заслуживает внимания. Исключение составляет знаменитая буддийская ступа в Сарнатхе — гигантский каменный овал, искрошенный по бокам временем, но спокойный и величественный;

Красив, правда совсем по-другому, и новый храм на территории университета. Там много пространства, света и мрамора. Бросаются в глаза пышность, богатство оформления. Его посещают не столько благочестивые паломники, сколько молодежь, использующая прохладный зал мраморной громады для непринудительного отдыха.

Надо упомянуть еще храм Бхарат-маты (Матери Индии), воздвигнутый в 30-х годах по инициативе М. К. Ганди и призванный по идее будить в верующих патриотические чувства. Он отличается от прочих тем, что объектом поклонения служит здесь не одно из традиционных индуистских божеств, а огромный, выполненный из мрамора рельеф на полу, изображающий карту Индийского субконтинента. Говорят, что все пропорции (высота гор, ширина рек, глубина морских впадин вокруг полуострова) соблюдены совершенно точно. В окружающие Индию «моря» налита вода для вящей реалистичности.

Впрочем, новый культ, придуманный индийскими националистами и патриотами, не привился. Храм пуст. Он давно требует ремонта. Исторические карты на стенах, воспроизведенные, кстати, по «Кэмбриджской истории Индии» и давно не соответствующие сегодняшнему уровню исторических знаний, облупились и производят жалкое впечатление.

В соответствии с замыслом храм открыт для всех — для индусов и мусульман, для брахманов и неприкасаемых, и, видимо, именно поэтому в нем нет никого.

Собственно Варанаси, Варанаси религиозный, жметя к воде. Он расположен на левом берегу Ганга, который течет тут с юга на север. Солнце всходит за рекой, и первые его лучи бьют прямо в лицо тем, кто приходит сюда для омовения.

Река — главная притягательная сила Варанаси. Она священна, она — богиня. Почему она более священна именно в этом месте, объяснить нельзя, но это непреложный факт, установленный религией. Жить в Варанаси, ежеутренне с благоговейным трепетом окунаться в мутные воды, одновременно приветствуя солнце,— это самый прямой и верный путь к спасению. Если же ты не можешь жить в Варанаси, постарайся по крайней мере умереть там. Если же и это не удалось, желательно, чтобы родственники отвезли туда труп, сожгли его там и бросили пепел в реку. Каждый верующий должен хоть раз в жизни побывать здесь, омыть душу и тело в Ганге и привезти с собой горшочек священной воды — она поможет избавиться от грехов перед смертью.

Ежедневно 10 тысяч паломников (это без местных жителей) приходят на берег Ганга, обрамленный храмами и дворцами махараджей, спускаются по лестницам (гатам) к реке и совершают омовение.

Одни просто окунаются и затем садятся на ступени для благочестивой молитвы. Другие часами стоят в воде, глядя на солнце и стараясь не моргать. Третьи набирают священную грязную воду в рот и тоненькой струйкой выпускают ее обратно. Четвертые зачерпывают ее небольшим продолговатым сосудом с носиком, похожим на соусник, а потом тоже струйкой выливают. Мальчишки же просто купаются — ныряют и плавают.

По берегу бегут вспотевшие и охрипшие брахманы. Они непрерывно выкрикивают: «Рам! Рам!» — и краской наносят священные знаки (тилаки) на почти-тельно выставленные лбы.

Кусок берега отведен под крематорий. Тут весь день жгут костры. И сам город напоминает гигантский крематорий — в нем умирает гораздо больше людей, чем постоянно живет. По улицам движутся десятки похоронных процессий.

Сжечь родственника в Варанаси — дорогое удовольствие, доступное очень немногим. Дороги дрова, дороги услуги. Как и всякая монополия, монополия на похороны приводит к вздутию цен.

Похоронные обряды народа — тема, не допускающая комментариев. То, что необычно, грубо и неприятно в одной стране, может считаться обычным и разумным в другой. Кроме того, обряд сожжения трупов неоднократно описывался. И все же я не могу не сказать еще раз, что на европейца эта процедура производит удручающее впечатление.

Тело обкладывается дровами со всех сторон, но полностью не сгорает. Остаются куски, которые вместе с золой и углями сгребают в общую кучу. Время от времени такую кучу палками, заступами и просто ногами сбрасывают в реку, но до того здесь успевают похозяйничать собаки. Они живут у мест сожжения и питаются только человечиной.

Индийцы сами понимают, что их похоронные обряды — тяжелое зрелище: фотографировать места сожжения и публиковать снимки в прессе запрещено.

Итак, Ганг принимает в свои желтые воды пепел и останки умерших на его берегах индусов. Тела же адептов других религий, младенцев и животных попадают в ту же реку целиком. К ним привязывают камни и опускают на дно. Когда веревки сгнивают, тела всплывают на поверхность. Это, по-видимому, никого не смущает.

На улочках, поднимающихся в город от реки, кишит толпа. Главный товар в лавочках — священная вода Ганга в запаянных глиняных горшочках разного объема. Тут же продают все необходимое для омовения — сосуды, напоминающие соусники, цветы, чтобы бросать их в воду, краски, чтобы раскрасить себя после купания, и сувениры. Кто же не захочет купить что-нибудь на память об этом удивительном городе? Цены на сувениры в полтора раза выше, чем в прочих городах. Но есть здесь и иные товары. Знаменитые парчовые сари, изготавливаемые в Варанаси, можно купить «всего» за несколько сот рупий.

В Варанаси съезжаются люди из самых отдаленных мест. Покидают они город умиротворенные, с сознанием выполненного жизненно важного долга. На железнодорожной станции Маникпур, где многие из них делают пересадку, я видел танец паломников. Прямо на платформе женщины-крестьянки образовали круг и затянули

спокойную и чуть веселую песню о том, что им теперь хорошо, что они чувствуют себя легко, свободно и благодарят за все многорукого Шиву. Они притоптывали в такт мелодии ногами, шли по кругу, поворачивались. Танец все более захватывал женщин, их как бы заученные одинаковые движения становились четче, стремительнее. Они наслаждались. Это было красиво и немного грустно, как всегда, когда видишь счастливых людей, но не можешь разделить их счастья.

И еще об одном общеиндийском центре паломничества хочется рассказать, о Пури, городке, расположенном в Ориссе на берегу моря, и его широко известном храме Джаганнатха. Этот храм в Индии и за ее пределами воспринимается как символ религиозного фанатизма. Дело в том, что изображения бога Джаганнатха, его брата Банабхадры и жены Дэвы Субхадры раз в год, в начале сезона дождей, вывозят на огромных колесницах в маленькие храмы на другом конце городка. Там статуи гостят ровно неделю и затем таким же порядком возвращаются обратно.

Соответственно, с интервалом в неделю, в Пури проводятся два праздника — Выезда колесниц и Возвращения колесниц. На праздники стекаются стотысячные толпы паломников. Они добираются сюда, используя все виды транспорта — от железнодорожного до велосипедного. Но самые фанатичные идут пешком, ползут на коленях или меряют дорогу своими телами, ложась и вставая, ложась и вставая.

В Пури они приходят физически истощенными и взвинченными до предела. Может быть, это объясняет возникновение варварского обычая — бросаться под повозку Джаганнатха. Считается, что человек, погибший под ее многотонным деревянным колесом, сразу же достигает полного освобождения и сливается с божеством.

Откуда пошел такой страшный обычай, никто не знает. Но первые европейцы, проникшие в Индию в XVII и XVIII вв., с удивлением и ужасом уже отметили его. Правительство Индии боролось и борется с этими ритуальными самоубийствами. Праздники колесниц в Пури — всегда огромное испытание для местной полиции.

Желающих броситься под колеса немного, но поближе к колеснице хотят быть все. Полиция же пытается сдерживать толпу, опасаясь эксцессов. В результате вокруг торжественно движущихся повозок кипит сражение. Время от времени очередная жертва фанатизма «соединяется с божеством». Задавленные и раненые бывают и среди паломников, и среди полицейских.

В июле 1968 г. мне удалось побывать на празднике Возвращения колесниц. Знаменитая красная пыль, фигурирующая во всех описаниях праздника Джаганнатха, покрывала толстым слоем ныне заасфальтированную дорогу. Задолго до начала движения повозок вся она была запружена народом. На велосипедах, велорикшах и пешком ежеминутно прибывали святые в оранжевых одеждах. Калеки и увечные, сидящие и распростертые в красной пыли, на циновках и на заботливо принесенных колючках, конвульсивно дергались и зывали: «Рам! Рам!». Бойкие торговцы предлагали иконы, сувениры, детские игрушки. Мальчишки шныряли в толпе, пуская вверх фонтанчики воды из загнутых трубочек. Вода падала мелким дождем на лица, но никто не обижался и не останавливал их — опрыскивание водой входит в ритуал. Мальчишки выполняли, таким образом, важную религиозную функцию. Возможно, им даже платили за это?

Сами повозки, выстроенные в ряд и увенчанные высоченными матерчатыми шатрами, которые воспроизводили каменные формы орисских храмов, были плотно оцеплены полицией. К ним пропускали только жрецов, непосредственно участвовавших в службе.

На ступеньках колесницы Джаганнатха стоял полицейский чиновник, и его голос, усиленный десятком динамиков, предупреждал:

— Граждане, берегите ваши карманы! Берегитесь карманников! Следите за своими вещами!

Этот рефрен почему-то не нарушал молитвенного настроения толпы. Может быть, потому, что не у многих были карманы.

Наконец раздались звуки музыки, и колесницы тронулись. Их тащили сотни людей, уцепившиеся за длинные канаты. Впрочем, на случай, если бы усилий истощенных паломников не хватило, рядом шествовали слоны. Полицейский кордон двигался в том же темпе, тесня толпу к обочинам и стенам домов.

Это был довольно благополучный праздник. Присутствовало не так уж много — всего 200 тысяч человек. Никто не бросился под колеса. Толпа никого не задавила до смерти. Лишь несколько человек, включая полицейских, получили увечья.

Большинство образованных индийцев фанатизм паломников в Пури и Варанаси не одобряют. Но и ряд явлений, которые они рассматривают как нормальное следование религиозным традициям и совсем не считают крайностями, со стороны воспринимаются именно таковыми.

Например, католик-чиновник в Гоа берет в своем офисе отгул, чтобы три дня провести в соборе, замаливая накопившиеся за год грехи.

Или аспирант-социолог, человек левых взглядов, вдруг прерывает разговор и вежливо просит некоторое время помолчать. Он сидит минут пять с закрытыми глазами, а потом объясняет:

— Видите ли, я всегда в это время совершаю краткую молитву.

На улицах городов часто можно встретить людей, один глаз которых прикрыт зеленой тряпчочкой. Это те, кто дал обет смотреть на мир одним глазом, если бог исполнит их просьбу.

Вера в чудеса, предсказания, хиромантию, астрологию очень распространена. Хироманты и астрологи попроще сидят на улицах. Более крупные специалисты принимают клиентов у себя дома за солидный гонорар. Однако можно не платить ни тем, ни другим: газеты регулярно сообщают, что ожидает в ближайшую неделю читателей, родившихся в определенный месяц.

Я сохранил гороскоп, составленный для родившихся между 24 сентября и 23 октября, т. е. относящийся лично ко мне. Вот что ожидало меня в течение одной из недель мая 1968 г.: «Недостаток смирения и денег вынудит вас предпринять неожиданные шаги. Вас могут принудить к новому виду деятельности. Вы можете получить странные сведения. Вы должны преодолеть застой и отыскать новые пути, о которых не думали раньше». Я так и не понял, исполнились предсказания моего гороскопа или нет.

Чрезвычайно популярны в Индии рассказы о чудесных свершениях йогов. Йога — древняя система индуистской философии — видит путь к «слиянию с божеством» в особом психо-физиологическом состоянии, которого можно достичь путем специальных упражнений. Наша физкультура имеет целью развитие в основном внешних мускулов тела — бицепсов, мышц шеи, груди, живота, ног и подчинение их сознательным усилиям. Йоги считают, что можно и нужно тренировать и подчинять сознательной воле также внутренние мышцы — сердечную, желудочные, кишечные и т. п. Для этого разработаны упражнения разной степени трудности. И как физкультура является средством лечения ряда заболеваний, так и йогогические упражнения вылечивают некоторые болезни, не поддающиеся никакому другому лечению.

Интерес к йоге в нашей стране сейчас растет, и в этом нет ничего плохого. Если освободить ее от представлений о божественном вмешательстве, останутся лишь вполне невинные идеологически и в некоторых случаях полезные физические упражнения. Их стоит изучать, конечно, не кустарно, а профессионально.

Впрочем, медицинская практика йогов в самой Индии ограничена, ибо они руководствуются стремлением нажить максимальный религиозный капитал: стараются вылечить тех, кто поддается лечению, и обставляют выздоровление как «чудо».

Ту же цель преследуют спектакли, устраиваемые ими для масс. Какого-нибудь знаменитого йога закапывают в землю или замуровывают в комнате и оставляют без еды и почти без воздуха на месяц, два, три.

О проведении такого опыта во славу божью широко оповещают. Вскрытие добровольной «могилы» привлекает толпы народа. Они имеют возможность наблюдать, как потерявший сознание и почти совсем холодный, но обычно живой йог постепенно приходит в себя.

Йогов трудно заподозрить в мошенничестве: они сами заботятся о том, чтобы за всем ходом эксперимента осуществлялся строгий контроль. Но другие «святые» нередко основывают свои «чудеса» на обыкновенной ловкости рук, и только. Доверчивость индийцев позволяет таким волшебникам остаться неразоблаченными.

Как-то в Майсурском университете вывесили объявление, в котором сообщалось, что брахман из близлежащего храма будет демонстрировать чудеса в помещении Общества по изданию текстов. В назначенное время к зданию Общества потянулись преподаватели и аспиранты. Друзья уговорили пойти и меня.

Брахман, почти совсем голый, со всеми знаками своей касты — от полос на лбу до шнура через плечо — для начала показал карточный фокус. Раздался восхищенный шепот. Я знал этот фокус с детства, взял «священные» карты и повторил его, чем вызвал смущение аудитории, но не брахмана. Он отечески похлопал меня по плечу, сказав:

— О да, это сравнительно легкое чудо.

Затем он попросил его привязать каким-то сложным узлом к стоявшей там стремянке. Зрителям предложили пройти в соседнюю комнату, а через полминуты пригласили обратно. Брахман оказался привязанным теперь к другой стремянке.

Во всем этом примечательно то, что образованные люди собрались сюда, прервав свои занятия, потому что им были обещаны чудеса.

Разница между цирковым трюком и «чудом» вообще не очень осознается. В Бангалуре живет фокусник Хатайogi Рао, легко глотающий огонь и шпаги, производящий предметы «из ничего». Образовалась секта поклонников этого «святого», считающих его воплощением бога. Но вслед за тем в Хайдарабаде объявился новый святой — Сай Баба, который усилием воли передвигал предметы, извлекал на расстоянии звуки из музыкальных инструментов. Главное же — из его рук постоянно сыпался священный пепел, помогающий от всех болезней. Многие последователи Хатайogi Рао перекинулись к Сай Бабе.

Назрел конфликт. Хатайogi предложил сопернику публичное состязание, однако тот не принял вызова.

Слава Сай Бабы распространилась по Декану. Все без конца рассказывали, как он творит чудеса, излечивает больных, какая от него исходит благодать. Я тоже наслушался подобных рассказов, и однажды мне представился случай блеснуть эрудицией.

В поезде, шедшем сквозь Андхру в Нагпур, в одном купе со мной ехали инженер из Бхилаи с семьей (кстати сказать, прилично говоривший по-русски) и холеного вида человек в шелковой кремовой рубашке национального покроя. Я упоминаю о рубашке, потому что она была довольно необычной: национальная одежда индийца всегда сделана из белой хлопчатобумажной ткани.

Наш попутчик, оказавшийся святым — Свами Сурья Бхан Сингх Баба — принялся охмурять бхилайца.

Нет, Свами не походил на святого. Во-первых, он курил. Во-вторых, эта шелковая рубашка, зачем она святому? В-третьих, он всю дорогу хвастался.

— Тысячи людей, все плачут, несут ко мне младенцев. Надо хоть раз к каждому прикоснуться. Десять, двадцать, пятьдесят тысяч собираются вокруг помоста, где я молюсь. Вызывают полицию, а что полиция? Она тоже становится на колени и молится. Мне приходится разъезжать, вот как сейчас, инкогнито. Иначе на каждой станции меня приветствовали бы толпы народа и увешивали бы гирляндами. Могли бы и поезд задержать. Но мне этого не хочется. Я скромный.

Часа через четыре, почувствовав, что инженер начинает сдавать, я прервал монолог Свами:

— Это что! А вот есть такой Сай Баба, так у него все время из рук сыплется священный пепел!

Я не предвидел результата моего вмешательства.

— Пепел? — воскликнул Свами.— Пепла я сам могу произвести вам сколько угодно!

— Ну да!

— Ах, не верите? Прошу выключить фены.

Мы повиновались, выключили вентиляторы и уставились на святого. Он профессионально эстрадным движением отодвинул обшлага, показывая, что в них ничего нет, потом сложил ладони и прочитал короткую молитву. Мне почудилось, что он двигал ладонями, как бы растирая что-то.

— Подставьте руки! — И высыпал мне и инженеру по пригоршне порошка явно пепельного цвета.

Пока мы приходили в себя от изумления, Свами продолжил наступление.

— Может быть, вам мало? Я могу произвести любое количество пепла.

Снова он сложил ладони, снова подвигал ими, шепча молитву, и снова оделил нас порошком. И тоном профессора медицины:

— При недомогании немного пепла на стакан воды, и все как рукой снимет.

После этой счастливой встречи я смело смотрю в будущее, ибо гарантирован от болезней, но моя уверенность, что не все чисто в индийских чудесах, возросла.

Совсем не все индийцы заражены религиозным мировоззрением. Есть среди них люди (и левых, и не очень левых взглядов), которые освободились от религиозных предрассудков и которые видят, что в современном мире религия стала играть роль прибежища крайней реакции. Индийские атеисты достойны особой симпатии и уважения не только за их взгляды, но и за их человеческие качества — мужество и твердость характера, позволяющие им существовать в обстановке всеобщей религиозности.

Когда я вижу, как молодой человек в спортивных трусах плышет кролем, а на плече его висит брахманский шнур, мне почему-то делается неприятно. Когда я вижу на хоккейном поле сикха с клюшкой и узелком волос на голове, завязанным тряпочкой (слава богу, что не в тюрбане!), мне начинает казаться, что Индия никогда не выберется из средневековья. Когда во имя религии, эксплуатируются неприкасаемые и разжигается вражда между жителями Индии, возникают опасения за будущее страны.

Правительство Национального конгресса, пришедшее к власти в 1947 г., объявило одним из принципов своей политики секуляризм. Это означает, что государство не связывает себя догматами какой-либо веры, что оно не считает себя обязанным поддерживать индуизм или любую другую религию. Это не значит, однако, что государство собирается бороться с религиозным мировоззрением или вести антирелигиозную пропаганду.

Принцип секуляризма государственной власти — большое завоевание демократических сил Индии, завоевание, которое в последние годы приходится отстаивать в ожесточенной борьбе. Мракобесы недовольны. Им хочется сделать Индию страной индусов, превратить мусульман и христиан во второсортных граждан, добиться законодательного закрепления догматов индуизма.

Одним из положений этой религии является обожествление коровы. Корова считается «матерью», ее нельзя резать и даже ударить. Составители индийской Конституции, стремившиеся быть свободными от религиозных уз, все же не смогли не включить в текст пункт о запрещении убоя коров. Правда, ст. 48, озаглавленная «Организация земледелия и животноводства», как будто не имеет никакого отношения к религиозному запрету. Она гласит: «Государство стремится организовать земледелие и животноводство на современной и научной основе и, в частности, принимать меры к сохранению и улучшению пород скота, запрещению убоя коров и телят, а также другого молочного и тяглового скота».

Можно подумать, что развитию животноводства в Индии препятствует массовый убой скота, подрывающий воспроизводство. На самом деле все обстоит как раз наоборот — отсутствие даже профилактического убоя сделало индийский скот самым многочисленным и наименее продуктивным в мире. Но простим индийским законодателям их маленькую хитрость. Обратим внимание на другое — это статья, само включение которой в Конституцию свидетельствует об относительности «секуляризма», не удовлетворяет религиозно настроенных деятелей. Им кажется просто постыдным объединение такой важнейшей проблемы, как защита «матери»-коровы, с хозяйственными вопросами.

Агитация за законодательное запрещение убоя коров именно по религиозным мотивам ведется «святыми», но используют ее лидеры партии «Джан сангх». Это требование — часть их программы установления «Хинду раштра», т. е. превращения Индии в государство индусов.

Не однажды подобная агитация выливалась в открытые выступления возбужденных фанатиков против людей других религий, прежде всего мусульман, и против «безбожного» правительства Национального конгресса.

Особенно опасными и массовыми были события 7 ноября 1966 г. в Дели, представлявшие собой нечто среднее между демонстрацией и мятежом. В столицу на нанятых реакционными партиями и религиозными организациями автобусах и грузовиках съехались десятки тысяч «святых» в оранжевых одеждах и вообще без одежд, а также обманутых религиозной пропагандой крестьян. Мощные колонны демонстрантов направились из старого города в Новый Дели, окружили парламент и дома руководителей правящей партии и министров. Толпа была вооружена палками и камнями, а ее предводители — традиционным оружием бога Шивы — остро отточенными трезубцами. Митинги, на которых произносились поджигательские речи, закончились настоящим штурмом здания парламента. Полиция отбила его с большим трудом. 7 человек были убиты, 148 — ранены. Прорваться в парламент толпе не удалось, но она сожгла дом тогдашнего председателя партии Индийский национальный конгресс Камараджа.

Это был наиболее яркий пример открытого использования религии в качестве политической силы. Вообще же она используется постоянно.

Лидеры «Джан сангх» пытаются ее догматами подкрепить каждое положение своей программы действий — от попыток «индуизировать» всех инаковерующих до призывов развивать частное предпринимательство и создать собственную атомную бомбу.

Идейный предшественник «Джан сангх», партия «Хинду махасабха» была еще более ярким сторонником всего индусского и еще более откровенно стремилась к политическому и социальному подчинению мусульман. Она наряду с мусульманскими шовинистическими организациями способствовала обострению индусско-мусульманских противоречий после второй мировой войны и тем самым внесла свой зловещий «вклад» в события, приведшие к разделу страны на два государства. Не без ее стараний раздел превратился в величайшую трагедию и сопровождался погромами и резней индусов в Пакистане и мусульман в Индии. Когда же М. К. Ганди попытался приостановить братоубийственную войну, член «Хинду махасабхи» застрелил его на одном из митингов 30 января 1948 г.

Это преступление многим открыло глаза на истинное лицо индусского религиозного движения. Правительство вынуждено было запретить деятельность «Хинду махасабхи» и не встретило сопротивления: убийство такого человека, как Ганди, оттолкнуло от партии всех истинных патриотов.

Однако время позволило забыть, что индусский коммунизм (религиозно-общинное движение) ответствен за это преступление. И уже в 1951 г. была создана партия «Джан сангх».

Она гораздо более гибка в политике и более осторожна в лозунгах. Она вовсе не призывает к физической расправе с мусульманами. Просто она предлагает мусульманам

стать «индийцами». Пусть ходят в мечети, если им так нравится. Но раз они живут в Индии, пусть подчиняются «индийским обычаям» — говорят не на урду, а на хинди, не носят феску, не едят говядину. Когда все требования перечислены, оказывается, что мусульмане должны переменить полностью образ жизни, а это значит, что и религию, потому что и индуизм и ислам — не только мировоззрения, но и обряды и обычаи.

«Джан сангх» гораздо осторожнее своей предшественницы и в выборе методов действия. Лишь очень смутно в высказываниях ее лидеров выражается неудовлетворенность принципами «западной» демократической системы и едва проскальзывают намеки на то, что партия не исключает применение «других» методов помимо парламентской борьбы. Открыто она не призывает к насилию. Даже мятеж 7 ноября 1966 г. был организован так, что «Джан сангх» как партия остался в стороне, хотя его связь с событиями была очевидна.

Но в коммуналистской прессе порой слышны наглые нотки, раскрывающие истинные намерения шовинистов. Я уже приводил один «юмористический» диалог из газеты «Мазер Индия». Сейчас уместно привести другой, напечатанный в связи с двадцатой годовщиной со дня смерти М. К. Ганди:

— Кого вы считаете величайшим человеком Индии?

— Мы убили его 30 января 1948 г. После этого никто другой не посмел появиться.

Сейчас признание в причастности к убийству Ганди уже сходит с рук.

Партия, подобная «Джан сангх», конечно, может рассчитывать на определенный успех в стране. Она эксплуатирует живучие религиозные предрассудки, играет на всех неудачах правительства в области эко-номики и в строительстве «демократического социализма», шумно разоблачает непомерное разрастание чиновничьего аппарата и коррупцию. Она, кроме того, прекрасно использует патриотические чувства.

Плачевные результаты пограничных столкновений с Китаем в 1962 г. и неясный исход «мини-войны» с Пакистаном в 1965 г.— это главные козыри в пропаганде джансанговцев, выступающих за увеличение армии, создание собственного атомного оружия, принятие американской военной помощи. Они разжигают шовинистические чувства, пугая угрозой потери национальной независимости, требуют «твердой руки» внутри страны и твердой позиции во внешнеполитических делах.

«Джан сангх» резко осудил Ташкентскую декларацию и без устали борется против ослабления противоречий между Индией и Пакистаном. Он готов отстаивать с оружием в руках каждый «дюйм земли» священной Индии.

Этот «дюйм земли» стал навязчивой идеей националистов. В течение 1968 г. он всплывал в политической борьбе и в прессе несколько раз. Сначала велась борьба против тех «дюймов», которые правительство Индии решило уступить Пакистану в районе Качского Ранна.

Ранн, бывший морской залив, заполнившийся постепенно отложениями рек и приливов и превратившийся в соленое болото,— район южной границы между Индией и Пакистаном. В период дождей он непроходим, в сухой сезон верхняя корка подсыхает, и по ней можно даже ездить на танках.

В 1965 г. возник вопрос, как именно проходит граница. Пакистан претендовал на территории, которые в сухой сезон обычно контролировались индийскими пограничниками. Завязалась перестрелка, прекратившаяся, однако, с наступлением дождей. Война Индии с Пакистаном, начавшаяся осенью того же года, шла совсем в другом районе, в Панджабе и Кашмире. Подписание Ташкентской декларации открыло путь к нормализации отношений между двумя государствами. Они получили возможность решить свои споры путем переговоров.

Правительство Индии согласилось передать вопрос о Качском Ранне на международный арбитраж. Заключение арбитража, как всегда в подобных случаях, было компромиссным. Претензии Пакистана не были удовлетворены полностью, но Индия обязывалась передать несколько квадратных километров территории, на которую она

претендовала, своему соседу. Индийское правительство, движимое стремлением улучшить отношения с Пакистаном, согласилось с этим.

И тут все националистические партии и организации подняли страшный шум, обвиняя правительство в измене национальным интересам. Их не заботило, что несколько километров никому не нужного болота не стоят того, чтобы ради них рисковать миром на полуострове.

Был организован поход видных деятелей оппозиционных партий в Ранн, была наспех сколочена «Организация жителей» этого района, якобы выражавшая решимость местного населения не расставаться с родной землей. Шумная манифестация окончилась тихим провалом. Оказалось, что местному населению это соленое болото не нужно. Участники похода побушевали и разошлись. Но лозунг «дюйма земли» не оставили.

Он снова всплыл через несколько месяцев, когда пронесся слух, что цейлонский корабль посетил без разрешения необитаемый островок, расположенный в проливе между Цейлоном и Индией, но «принадлежащий» последней. Был сделан запрос в парламенте, поднялась кампания в прессе, индийское правительство направило Цейлону ноту, получило разъяснение (корабль посетил остров с научными целями), довело разъяснение до сведения рассерженных защитников индийских территориальных интересов. И только после всего этого вопрос оказался исчерпанным.

Но ревнители «дюйма» не унимаются. Одному из них, написавшему письмо в редакцию центральной газеты, показалось, например, что Управление почты и телеграфа совершило крупную политическую ошибку, выпустив серию марок с картой Индии и не обозначив на ней Андаманские, Никобарские, Лаккадивские, Миникойские и Аминдивские острова. «Можно представить, — восклицает автор письма, — какой вред нанесли эти марки стране за двенадцать лет обращения! Иностранец, глядя на них, подумает, что эти острова не являются неотъемлемой частью Индии».

К сведению филателистов, речь идет о массовой серии мелких марок, карта Индии изображена на прямоугольнике примерно 13 X 10 мм, и пометить упомянутые острова на них трудно по техническим причинам.

Начав рассказывать о религии, я как-то незаметно для себя перешел к чисто политическим вопросам. Ничего не поделаешь. Политика и религия в Индии слишком тесно сплетены.

В 1966—1967 гг. могло показаться, что «Джан сангх» вскоре станет сильнейшей оппозиционной партией, способной со временем бросить вызов Национальному конгрессу. Распространился слух, что знамения предсказывают точно: «Хинду раштра» установится в 1972 г. А такой слух имеет самостоятельное пропагандистское значение — предсказаниям, в общем, верят.

Выборы 1967 г. не оправдали оптимистических надежд джансанговцев, но в одном штате (Мадхья Прадеш) они все же пришли к власти и поделили ее в двух других. Правда, после этого влияние партии пошло на убыль. В 1969 г. она потеряла министерские портфели в Уттар Прадеше и Бихаре, а в 1971 г. вместе с другими правыми партиями потерпела поражение на выборах в парламент.

Опасность религиозно-общинной реакции остается сильной — уж очень широка ее база: религиозный фанатизм. Люди, исполненные желания бороться с ним, считают, что необходимо быть крайне осторожными.

В Джайпуре я присутствовал на семинаре, посвященном теме «Что такое индийский секуляризм?». Основная идея выступавших сводилась к следующему: «Если мы хотим, чтобы индийское государство осталось секулярным, т. е. светским, мы ни в коем случае не должны вести антирелигиозной пропаганды. Напротив, надо всячески демонстрировать свое уважение к религии и утверждать, что все религии одинаково хороши».

12. БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ

Погуляйте по любому индийскому городу, кроме разве Чандигарха. Вас поразит многое, в частности, обилие бездомных собак. Голодные, худые и больные, они бегают по улицам и спят в самых неподходящих, с нашей точки зрения, местах, например, на проезжей части. Вы можете пройти или проехать на автомобиле мимо спящей собаки — она не поведет и ухом, ибо твердо усвоила, что человек не может причинить ей вреда.

Особое отношение к животным — специфическая черта Индии, без знания которой невозможно составить представление об этой стране. Здесь многое от религии. Согласно индуизму, человек не отделен от животного царства, не «царь природы». Бог создал человека и животных на равных основаниях. Более того, согласно идее переселения душ и теории кармы, человек в следующий раз может родиться в облике животного, а животное, если оно хорошо исполняло свой долг, — передать свою душу человеку.

Приверженцы джайнизма особенно неукоснительно следуют принципу непричинения зла всему живому. Они закрывают рот марлевой повязкой, чтобы случайно не проглотить насекомое, подметают дорогу перед собой, чтобы не наступить на какую-нибудь букашку, никогда не убивают комара или клопа, сосущего их кровь. Джайнам не разрешено заниматься земледелием, дабы при вспахивании почвы не повредить червяков, а также многими видами ремесел примерно по тем же мотивам. В массе своей джайны — торговцы и ростовщики: мучить человека, вытягивая из него проценты, можно, не применяя силы.

Джайнов немного, и их панический страх причинить физическое страдание живому существу не свойствен индусам. Но в душах всех без исключения индийцев глубоко заложено уважение к бессловесным тварям.

«Высшей кастой» среди животных являются, конечно, коровы. Убить корову или нанести ей рану — почти столь же тяжелое преступление, как убить брахмана. Хотя индуизм не предлагает никакого развернутого мифологического объяснения, почему, собственно, корова занимает столь высокое место, почитание ее все же наиболее верный признак, по которому индуса можно отличить от представителей всех других религий.

Странно, что это почитание совершенно не распространяется на быка. Ведь один из них по имени Нанди удостоился чести носить на себе бога Шиву. Нанди поклоняются, его изображения то и дело встречаются в домах, на улицах и дорогах, в специальных храмах и во всех храмах Шивы, которых не счесть. Однако ни Нанди, ни корова не помогли обыкновенному быку стать священным. Его можно погонять, т. е. бить (впрочем, несильно), кастрировать и даже при определенных условиях умерщвлять.

Впрочем, в Керале отмечают специальный праздник — день поклонения быкам. Их в этот день вкусно и сытно кормят, не заставляют работать, украшают цветами, раскрашивают им рога. Но праздник проходит, и бык снова лишь тягловое животное.

Мой знакомый, профессор Дэвис, по национальности малайяли, т. е. уроженец Кералы, любит время от времени выкидывать шутки. Однажды он написал статью, где с серьезной миной предложил пересмотреть статус быка. Все-таки для супруга коровы, утверждал он, мало одного праздника в году. Раз корова — мама, быка надо бы звать папой. Если это нововведение покажется верующим уж слишком радикальным, можно называть его хотя бы «Дядя Бык». Статья вызвала массу негодующих откликов и нападков на европейцев, ничего-де не понимающих в верованиях народа. (Читателей ввела в заблуждение европейская фамилия моего знакомого.)

Коровы священны все, в том числе и те, которые не дают молока. Но особенно священны именно бесхозные и бездомные. Грустно бродят они по улицам городов, подбирая очистки и объедки. Часами стоят на перекрестках, потеряв надежду найти съестное. Они даже не жуют жвачку — нечего пережевывать. Их изможденный вид и грустные глаза вызывают истинное сочувствие. Но индийцы спокойно катят мимо своих «матерей», считая, видимо, что их глубокого уважения вполне достаточно для счастья коровы.

Мне рассказывали, что раньше в городах она могла зайти на базар, выбрать себе бананы по вкусу и сытно поесть. Может быть. Сейчас коровы заходят на базар лишь для того, чтобы подобрать банановые очистки, бросаемые на землю «сыновьями», и — умные все же животные — не пытаются тянуться к прилавку. Если же они попытаются, их нежно и вежливо оттолкнут.

Наверно, на втором месте среди животных стоят обезьяны. В этом случае причина обожествления ясна. Древний царь Рама пошел войной на Цейлон, где жил Демон Равана. Обезьяны деканских лесов, возглавляемые Хануманом, оказали царю тьму неоценимых Услуг. Сам Хануман в результате попал в боги — его хвостатое изображение украшает многие храмы, остальные же тоже были причислены к лику святых.

Сейчас обезьян в Индии столько, что они серьезно угрожают посевам. Страна ежегодно платит тяжелую дань из своего нищенского продовольственного бюджета, дань зерном, овощами, фруктами. А убивать их нельзя.

В последние годы было найдено частичное решение проблемы — животных отлавливают и продают медицинским учреждениям за границей для опытов. Это мероприятие наделало в свое время немало шума. Как можно проявлять столь чудовищную неблагодарность к обезьянам, помогавшим Раме, который, как известно, есть воплощение Вишну? В конце концов, однако, материальные интересы возобладали над сантиментами.

Змеи считаются священными за предполагаемую мудрость. Культ их берет свое начало, по всей вероятности, в тотемистических представлениях какого-то племени.

Некоторое отношение к индуистскому пантеону имеют и слоны. Веселый толстый слоноголовый бог Ганеша, покровитель бизнесменов, торговцев и мошенников, — один из самых почитаемых в Северной Индии. Но слоны все же значительно менее священны, чем обезьяны и змеи. За ними охотятся и их не убивают только потому, что их можно приручить и заставить работать.

У всех народов звери и птицы символизируют различные человеческие черты. Сравнение с некоторыми животными (например, с соколами, буревестниками, львами) не вредит репутации людей. Сравнение с другими обычно оскорбительно. В Индии набор благородных животных совершенно иной.

Если говорят «глаза, как у коровы», значит, хотят сказать, что очень красивые, выразительные глаза с поволокой. «Походка, как у слона» означает грациозную походку. Присмотритесь, как ходит слон, и вы поймете, что индийцы правы.

Одна женщина, знавшая Р. Тагора в жизни, рассказала о таком случае. Ее муж любил покупать изображения слонов. Однажды он принес с базара несколько фигурок из дерева, кости, стекла, папье-маше. Она сидела, рассматривая покупки, когда вошел Тагор и спросил: «Откуда столько слонов?»

— Да вот, мой муж собирает их.

— Теперь я понимаю, — заметил великий поэт, — почему он женился на вас.

В устах индийца это действительно звучит как милая шутка, лишенная какого бы то ни было оскорбительного смысла.

Коровы, обезьяны, слоны — это аристократия животного царства. Все остальные его представители, как уже говорилось, тоже неприкосновенны, во всяком случае не в меньшей степени, чем люди. С этим связано и индийское вегетарианство. Нельзя причинять вред тому, кто может чувствовать боль.

Конечно, вегетарианство совсем не такое уж распространенное явление, как можно было бы подумать на основании знакомства с интеллигентами, главным образом выходцами из высших каст. Довольно широко употребляют мясо в пищу мусульмане, а также панджабцы — сикхи и джаты. Рыба — важная составная часть меню всех жителей приморских районов, где многочисленные касты живут рыболовством. Да и вообще низшие касты, т. е. подавляющее большинство населения, не могут придерживаться и не придерживаются строгих пищевых запретов.

Обожествление коровы и запрещение есть мясо существуют с давних времен, но не с такой уж седой древности. Прародители современных североиндийцев, арии, создавшие первые священные тексты индуизма — веды, были скотоводческим народом. Их богатство заключалось в стадах крупного рогатого скота. Они просили своих богов послать им побольше коров, видимо, не для того, чтобы молиться на них. Любили они и опьяняющий напиток сому. С тех пор обычаи переменились.

Но прародители должны вызывать уважение. А как же можно их уважать, если они ели мясо и пили? И сейчас религиозные деятели уверены, что все врут календари, т. е. исторические тексты, и что арии питались только ячменем и молоком.

Любовь к животным способна вызвать умиление. И в самом деле, разве не прекрасно, что животный мир охраняется не законом, а обычаем, глубоко усвоенным и непререкаемым? У нас нужны специальные законы об охране природы, об ограничении или запрещении охоты, нужна широкая общественная кампания осуждения жестокости по отношению к животным со стороны взрослых и особенно детей.

В Индии все дано от рождения, впитано с молоком матери. Европейцам это импонирует. Уставшие от культа насилия, они видят в уважении индийцев к животным признак нравственного здоровья народа, естественную связь человека с природой, трагически нарушенную в западных государствах. А для распространенных там обществ защиты животных Индия вообще находка, идеальная страна.

Но зато именно те уродливые черты, которые порой отмечаются в деятельности подобных обществ (когда, например, создаются прекрасно оборудованные лечебницы для собак, а многие люди страдают от отсутствия медицинских услуг), особенно остро проявляются в Индии. Корень этого — в заботе о животных за счет человека, который подчас не только уравнивается «в правах» с четвероногими, но фактически ставится ниже их.

Я уже говорил, что обезьяны съедают значительную часть урожая зерновых и фруктов. К обезьянам нужно еще прибавить птиц. И тех и других отгоняют шумом и палками. Но разве можно сладить с ними, если они уверены в своей безнаказанности? И индийский народ кормит обезьян и птиц, буквально вырывая кусок из собственного рта. Страна испытывает постоянный продовольственный дефицит, многие миллионы в ней просто голодают. Между тем население растет быстрее, чем увеличивается продукция сельского хозяйства. Индийцы пытаются вводить ограничения рождаемости людей, но рождаемость обезьян, конечно, не поддается учету, а тем более контролю.

Другая связанная с животными проблема — заболевания. В стране проведены без преувеличения гигантские мероприятия по улучшению системы здравоохранения. Холера и чума, хотя их вспышки еще наблюдаются, перестали быть национальным бедствием. Малярия — некогда самая распространенная болезнь — теперь почти исчезла.

Но большинство инфекционных болезней (разного рода язвы, чесотки, трахома) не поддаются искоренению главным образом из-за плохого санитарного состояния населенных пунктов. И не последнюю роль в том играют животные — больные собаки, кошки, коровы, которых не уничтожают и не изолируют.

Умилительно видеть собаку или корову на улицах города — вольно они себя здесь чувствуют! Но подойдите ближе, животное не убежит от вас и позволит себя рассмотреть. Гноящиеся глаза, отсыхающие и гниющие конечности, грязная шерсть, кишачая насекомым, — одним словом, явный переносчик заразы. И умиление сменяется сожалением к добрым людям, превратившим свои благородные чувства в предрассудки.

В Индии растут заводы и города, входит в жизнь новый быт, однако старое не собирается сдавать свои позиции.

В Руркеле построили металлургический комбинат. Около возник город с благоустроенными квартирами, озелененными асфальтированными улицами. Но животные завоевали и его. Газета «Амрита базар патрика» сообщила, что он полон бездомными больными собаками. Они бегают по территории комбината, входят в отели,

живут даже в местной больнице. На аэродроме из-за них иногда нарушается график отправления самолетов. В городе за одну неделю июля 1968 г. три человека, искусанные собаками, умерли от водобоязни.

Разъезжая по дорогам Индии в машине или автобусе, я не раз имел случай наблюдать характерные картины. Когда машине преграждали путь одинокая корова, овца, целое стадо или какая-нибудь ворона, шофер, вне зависимости от величины живого объекта, сбрасывал скорость, старался испугать его шумом двигателя или гудка, но ни в коем случае не наезжал на него и даже не толкал радиатором.

А искушения бывали. Индийские животные прекрасно осведомлены о своем привилегированном положении и уступают дорогу транспорту, только если сочтут, что задержали его достаточно. Право же, одно удовольствие видеть важно рассеившуюся посреди шоссе ворону, которая смело глядит на приближающуюся машину.

Но эта идиллия часто оборачивается другой стороной. Однажды в газете я прочел заметку такого содержания: «Четыре человека, в том числе водитель автобуса, были убиты и пять ранены в результате ката-строфы, вызванной тем, что перед быстро идущим автобусом неожиданно очутилась буйволица. Шофер резко свернул, и автобус врезался в большое дерево. Жизнь животного была спасена». Шофер, разумеется, действовал инстинктивно. Он не взвешивал, что ценнее — жизнь животного или нескольких людей, включая его собственную. Но корреспондент взвесил все.

За пять лет, что я не был в Индии, это любовно-бережное отношение к животным значительно ослабло. В 1968 г. я встречал и раздавленных собак и голубей на дорогах, видел, как пинают ногами собак в аэропорту, и другие проявления жестокости. В Дели меня совершенно поразил человек, который, погрузив на велосипед два громадных тюка сена или соломы, схватил за хвост мирно гулявшего быка и стал этот хвост крутить, чтобы заставить быка бежать и тащить поклажу.

Нельзя сказать, что такого рода проявления, свидетельствующие об освобождении от старых представлений, радуют. Хотя я остаюсь при убеждении, что человеку в Индии не может быть хорошо, пока он не осознает, что животные нередко мешают ему жить, мне хотелось бы, чтобы в новой, возникающей Индии осталось многое из того уважительного отношения к «братьям меньшим», которое господствует сейчас.

13. ЧТО САМОЕ СТРАШНОЕ?

В детстве, начитавшись Киплинга, мы думали, что самое страшное в Индии — тигры Шер-ханы и черные пантеры. И сейчас еще кое-где в Гималаях попадаются тигры-людоеды. Но, слава богу, те времена, когда дикие звери свободно разгуливали по стране и ели незащитных пилигримов на лесных дорогах, миновали.

Теперь тиграм и диким слонам ведется учет, и они охраняются законом. Недавно большой переполах вызвала пропажа нескольких львов в болотах Гуджарата. Не помню точных цифр, да и не в них дело, но недосчитались более десятка, и это послужило поводом для резких нападков на неэффективность работы Управления лесов штата.

Уже в зрелом возрасте, когда я готовился к поездке в Индию, меня охватывал ужас при мысли о тех таинственных экзотических болезнях, которые там можно подхватить — тропическая малярия, амебная дизентерия, какая-то особая оспа, бруцеллез и старые недруги человечества — чума и холера. Посещение Индии действительно связано с такой опасностью.

Но преувеличивать ее не стоит. Делают прививки — чума, холера и оспа не страшны. От других болезней тоже можно уберечься, если соблюдать элементарные правила гигиены. Мне в моих странствиях не всегда это удавалось. Иногда жажда удерживала от вопроса: «Вода кипяченая?». И все равно я не заболел. Значит, есть и такой шанс.

Кастовая система, о которой я писал,— явление чрезвычайно неприятное, но она пришла из прошлого и она отомрет, правда, неизвестно когда.

Другое явление, новое, вполне современное, принявшее законченную форму в последние годы и продолжающее бурно развиваться, показалось мне в 1968 г. самым страшным. Это — бюрократизм.

Возникновением своим он обязан англичанам. В XIX в. колонизаторы наводили «порядок» в Индии и с этой целью издали тысячи постановлений, определивших, кто чем должен заведовать, кто кому подчиняться, каковы должны быть порядок делопроизводства и форма документов. С несущественными изменениями все эти правила продолжают действовать и теперь, хотя с 1947 г. изданы сотни новых правил. Такого рода преемственность покажется непостижимой, если вспомнить, что 15 августа 1947 г. Индия получила не только независимость, но и другой политический строй. Не просто одни люди пришли к власти вместо других, индийцы вместо англичан, страна шагнула от деспотизма к буржуазной парламентской демократии. Этот большой и сравнительно быстрый скачок не стал революцией ни на практике, ни в сознании народа, в частности потому, что была сохранена созданная англичанами административная система — даже кадры администраторов остались теми же, если не считать, что на высших чиновничьих должностях англичан сменили индийцы.

Организация, обеспечивавшая соблюдение всех тысяч правил, составляла структуру упорядоченного заведования и подчинения и называлась Индийская гражданская служба (ИГС). Она являла собой пирамиду должностей, заполненную в верхних этажах англичанами, а в нижних — индийцами, но подразделявшуюся формально не по национальному признаку, а по принципу деловой квалификации на несколько классов. Поступление в ИГС и переход из класса в класс обуславливались сдачей экзаменов — по английскому языку, индийской истории, одному из местных языков. Предполагалось, что остальные качества — знание дела, инициативность, умение привлечь нужных помощников — от бога или должны прийти сами собой.

С обычной при всякой бюрократической системе коррупцией боролись путем установления высоких окладов, что делало членов ИГС невосприимчивыми к мелким взяткам.

Человек, сдавший экзамены и зачисленный в ИГС, мог считать свою карьеру обеспеченной. Он продвигался вверх по служебной лестнице со ступеньки на ступеньку по принципу старшинства. Движение вспять было невозможно. Если более способный администратор обходил более пожилого, это считалось ужасной несправедливостью. Как сказал секретарь индийского министерства: «Способности — дело мнения, а старшинство — дело факта!»

Люди ИГС составили особую группу населения, нечто вроде касты, занявшую одно из самых высоких положений в сложной системе саабов.

После достижения независимости Гражданская служба была преобразована в Административную службу (ИАС). Число значащихся в ней чиновников возросло за счет низших служащих. Но остались, во-первых, другие чиновники, не включенные в ИАС, «несписочные» или «неперечисленные», как они называются, во-вторых, деление на «настоящих» членов и «новых», поступивших в ИАС после независимости. В Индии легко выделить людей, предоставив им какие-нибудь привилегии, и очень трудно объединить, даже если дать им одинаковые права.

Человек, ставший чиновником ИАС, попадает в особый мир. Его обязанность — быть «вне политики», он не может входить в политическую партию или выставлять свою кандидатуру на выборах. Это очень удобно для чиновников: ни при каких сменах правительства их нельзя смещать. Правительство «делает политику», а они лишь выполняют, проводят в жизнь решения министров.

Над всеми чиновниками штата возвышается главный секретарь. У него действительная власть. Его нежелание сотрудничать с правительством может ему Дорого

стоить — он потеряет место, которое обязательно займет его собственный заместитель. А правительству это тоже может дорого стоить, ибо грозит Дезорганизацией всей жизни штата. Главному секретарю подчиняются секретари министерств. Они никогда не становятся министрами. Но министры приходят и уходят, а секретари сидят на своих постах годами и по существу определяют деятельность министерства.

Вслед за ними идут комиссары, возглавляющие отдельные департаменты или администрацию областей.

Области включают дистрикты, во главе которых находятся коллекторы. Это странное слово, означающее «сборщик», вошло в номенклатуру должностей еще в конце XVIII в., когда колонизаторы начали вводить новое административное деление. Их первой заботой был сбор земельного налога. Поэтому англичанин, назначенный управлять дистриктом, получал этот титул.

На самом деле круг его обязанностей был несравненно шире. Он, можно сказать, являлся царем и богом на территории в несколько сот квадратных километров с населением около миллиона человек. В его руках сосредоточивалась и судебная, и исполнительная, и законодательная власть, хотя, конечно, он должен был принимать к сведению рекомендации центра. Дистрикты с их коллекторами представляли собой как бы скелет, державший всю систему колониального управления Индии.

До сих пор, несмотря на развитие местного самоуправления (панчаятов в деревнях и зила-паришад в дистриктах), коллектор сохраняет огромную власть. Правда, теперь ему приходится учитывать гораздо большее число инструкций, привозимых из центра разнообразными «чиновниками по развитию».

Все названные должности заняты членами ИАС в соответствии с их чинами. Если какой-то из них уже добился ранга коллектора, его могут послать в любой дистрикт или дать аналогичное по значению место в центральном аппарате штата, но не могут посадить на более низкую должность. Если же он имеет звание комиссара, коллектором его не назначат: он будет возглавлять несколько дистриктов или служить в центре.

Однако, независимо от должности, жизнь, статус и карьера члена ИАС обеспечены. Даже не продвигаясь по службе, окажем из-за своей полной неспособности, он ежегодно получает 20 рупий прибавки к месячному жалованию. Правда, в 55 лет он обязан выйти в отставку, но ему дадут пенсию, равную половине его последнего жалования. Пенсия по старости лет — один из самых притягательных моментов государственной службы в Индии. Частные компании пенсии устанавливают не всем и не всегда.

Особый статус члена ИАС подчеркивается его почтовым адресом. Если вы хотите, чтобы ваше письмо до него дошло, лучше всего напишите на конверте просто фамилию с добавлением трех магических букв. Например: «М-ру А. К. Шастри, ИАС». И письмо его найдет, хотя Шастри в Индии больше, чем у нас Ивановых, найдет скорее, чем если адресовать его м-ру Шастри, Коллектору дистрикта Каддапа, Андхра Прадеш. Сегодня он коллектор здесь, а завтра — совсем в другом месте.

Мой знакомый, имевший ранг комиссара, был на своем служебном веку коллектором в разных дистриктах на Севере и Юге, комиссаром области, заведовал сельскохозяйственным, а потом горнорудным департаментом. Во время моего пребывания в Каттаке и Бхубанешваре, двух столицах штата Орисса, он возглавлял Департамент доходов и по совместительству Картографическое управление.

Один из основных принципов английской ИГС — универсализм — сохранился, таким образом, в полной мере. Чиновники обычно не получают иной специальности, кроме заведования, а она приобретает «без отрыва от производства».

Нечто от армии есть в любом чиновничьем аппарате. Но в Индии, где идея иерархичности родилась задолго до появления первого чиновника, субординация приобрела особенно законченные формы. Возможно, среди служащих индийских управлений случаются разговоры о недостатках начальства, мне их слышать не пришлось. Начальник воспринимается как высшее существо, он всегда прав.

Директор Хайдарабадского архива однажды показывал мне свое хозяйство. Архив был хорошим, и там было на что посмотреть. Не знаю почему, директор отнесся ко мне с подчеркнутой внимательностью. Он и все три его заместителя наперебой давали объяснения. Переходя из комнаты в комнату, наша группа обрастала начальниками отделов, и в конце концов образовалась внушительная процессия.

В каждой комнате клерки вставали, низко кланялись и продолжали стоять по стойке смирно, пока мы там были.

Благодаря почетному приему, оказанному мне директором, чувства, испытываемые к начальству, распространились и на меня. Назавтра был выходной день, но архив был открыт, так как я выразил желание поработать. Все мои просьбы выполнялись мгновенно. Когда я сделал перерыв и вышел на балкон покурить, слуга тут же вынес кресло, чтобы саабу было удобно.

В маленький городок Банда я приехал не вовремя. Номеров в гостиницах не было, и никто не хотел заниматься мной, ибо прибыл комиссар. Я провел ночь в зале заседаний местного клуба ветеранов армии, а наутро отправился разыскивать коллектора. Но не побился к нему, он разговаривал с комиссаром.

На веранде дома для приезжих комиссара и коллектора ждали человек 15 — высшие должностные лица дистрикта: главный судья, помощник коллектора, начальник почты, главный лесничий, главный врач, уполномоченные по орошению, по зерновым, по сахарному тростнику, главный инженер, инспектор по образованию, главный кооператор, заведующий благотворительными заведениями и т. д. Все были сосредоточены и взволнованы. Наверно, каждый лихорадочно перебирал в памяти свои грехи, гадая, за что ему может нагореть от начальства.

Только начальник полиции, громадный детина в хаки с бамбуковой палкой (латхи) в руках, внешне был безмятежен. Ему не грозил выговор или он проявлял самообладание и бесстрашие, свои профессиональные качества. Во всяком случае, он шутил, подначивая испуганных чиновников, а те смеялись деревянным смехом. Я, вероятно, не увидел бы в этой сцене ничего примечательного, если бы она не напомнила мне другую, из первого акта «Ревизора» — группу главных чиновников уезда, которым городничий сообщает пренеприятнейшее известие. Недаром «Ревизор» переведен на индийские языки, причем место действия перенесено в Индию и соответствующим образом изменены титулы и фамилии.

Позже я пытался узнать, каковы результаты визита комиссара. Главный лесничий, любезно пригласивший меня пожить в его доме, был очень разговорчив, но эту тему обходил. Кому-то все-таки попало.

Без чиновников нельзя управлять современным государством. Но бюрократия имеет тенденцию, во-первых, превращаться из послушного механизма в самодовлеющую машину, работающую не на общество, а на себя, во-вторых, доводить порядок до степени, когда он становится собственной противоположностью.

Чиновничество сильно тем, что придерживается твердых правил. Вместе с тем придерживаться всех правил — значит действовать прежде всего медленно и осторожно. Правила придумываются специально для того, чтобы снять с чиновника ответственность за принимаемое решение, т. е. сделать его действия автоматическими или как бы независимыми от его воли, а потому и неподсудными.

За годы независимости бюрократический аппарат вырос не только количественно. Он очень ценит внешние проявления власти и значительности. И он получил новые здания, новую мебель, высшие чины (секретари министерств) — кабинеты с кондиционером. Пять лет назад я в связи со своей работой часто бывал в министерстве образования. Здание, когда-то выкрашенное мелом, теперь облешее, было расположено посреди пустыря и окружено колючей проволокой.

Внутри вел широкий заасфальтированный коридор, освещенный тусклыми лампочками без абажуров и заставленный мотоциклами и шкапами с бумагами. Надо

было обходить лужицы воды и машинного масла. По сторонам коридора в кабинетиках вершились государственные дела.

В 1968 г. я уже не видел таких помещений. Строительство административных зданий в Дели и в столицах штатов представляется индийскому чиновнику первоочередной задачей. Вводится строгая пропускная система, кабинеты становятся просторнее, обставляются современной мебелью. Индийский бюрократизм удобно устраивается в стране, уверенный, что без него не обойтись.

И правда, не обойтись. Расширяются функции государства. Теперь оно помимо обычных дел — поддержания порядка, сбора налогов и т. д. — занялось созданием основ промышленности, реформированием сельского хозяйства, развитием науки. Оно стремится, кроме того, контролировать деятельность частного сектора — разрешать или запрещать строительство новых заводов, ввоз оборудования, вывоз готовых изделий. Для всего этого нужны люди, много людей, деловых, энергичных, честных и знающих.

Люди есть, и их даже много (по общему признанию, штаты государственного аппарата раздуты), но годятся ли они? Управление государственными предприятиями, например, требует специальных технических знаний. А сотрудники НАС ими, как правило, не обладают. Некоторые индийские экономисты именно в этом видят причину низкой рентабельности ряда государственных заводов.

В чисто деловом отношении большинство индийских чиновников не уступают любым другим. Мне пришлось сталкиваться в основном с коллекторами. Ни разу я не встречал на этом посту пассивного или неэнергичного человека. Может быть, мне просто повезло. Или по старой памяти подбору коллекторов уделяется особое внимание.

Честность служащих госаппарата в последние годы стала объектом обсуждения в прессе. Время от времени разражаются скандалы — какой-нибудь министр обвиняется в том, что его решение предоставить частной фирме привилегию было не бескорыстным. Впрочем, такие разоблачения почти всегда направлены против министров, а не против собственно чиновников — секретарей и появляются на страницах газет по инициативе политических противников, а не ревнителей морали. Некоторые из обвинений были доказаны или же не опровергнуты, и министрам приходилось уходить в отставку.

Нет смысла приводить конкретные примеры, потому что дело не в них. Отдельные случаи взяточничества, особенно если они уже разоблачены, не представляют большой опасности.

Гораздо серьезнее другое — растущее убеждение, что вся административная служба заражена коррупцией. Это по сути признало даже правительство, учредив постоянную комиссию по расследованию, которая, впрочем, не добилась, по всеобщему признанию, существенных успехов. Вопрос о борьбе с коррупцией ежегодно встает на съездах правящей партии.

Не стоит передавать и содержание частных разговоров на ту же тему: откуда мне знать, насколько справедливы слухи о взяточничестве того или иного лица. Мне не приходилось давать взятки, и я не смогу сослаться на собственный опыт. Но что я могу удостоверить, опираясь на свой, пусть незначительный, опыт, — это волокиту и запутанность делопроизводства.

Мои контакты с гражданскими и полицейскими чиновниками ограничивались в основном двумя поводами: регистрацией и получением разрешений на пользование архивами. Оба вида контактов необычны, поскольку связаны с иностранным гражданством. Я решаюсь рассказать о них только потому, что этот мой личный опыт подкреплялся тем, что мне рассказывали друзья. Подобное порой испытывают и они, граждане Индии.

Иностранец, прибывший в страну на срок свыше трех месяцев, должен получить «пермит» — вид на жительство, копии которого поступают в центральные и местные полицейские управления. В 1968 г. я вскоре после приезда оказался в Калькутте, и здесь

мои любезные хозяева принялись хлопотать о пермите. Я покинул Калькутту через три недели, так и не получив его.

Шел уже второй месяц моего пребывания в Индии, когда я попал в Бомбей. На сей раз я решил заняться пермитом сам. Попросил представителя советского консульства поехать со мной в полицию, заполнил анкету в трех экземплярах и положил ее с паспортом на стол клерка.

— Нет, знаете, мы не можем выдать вам пермит. По новому правилу он выдается лишь через три месяца после вашего въезда в страну. Где вы будете 15 апреля? Ага, в Хайдарабаде. Вот и прекрасно. Там зайдете в полицию и получите.

Тогда же из Дели приехал мой товарищ, прибывший в Индию одновременно со мной. У него на руках уже был пермит — один из экземпляров анкеты с фотокарточкой.

В гостинице Пуны, где я оказался в конце марта, мне заявили:

— Вы в Индии уже больше двух месяцев. Вы должны иметь пермит. Обратитесь, пожалуйста, в полицию.

Я снова отправился в это приятное учреждение, снова заполнил анкеты, уже почему-то в четырех экземплярах, и снова чиновник поцокал языком:

— Вы еще не прожили трех месяцев в Индии. Мы не можем выдать вам пермит.

— Но мой товарищ уже получил, хотя приехал вместе со мной!

— Это нарушение правила. А оно введено не зря: если мы выдадим вам сейчас пермит, а вы покинете страну до истечения трех месяцев, то на аэродроме у вас его не спросят и вы увезете пермит с собой. Это будет означать, что вы остались в стране, хотя вы ее и покинули (!). И мы будем вас искать три года (?!), а может быть, и больше.

Вот тут я стал понимать, что я в руках организации, которая прекрасно знает, чего она не хочет.

15 апреля, ровно через три месяца после приземления в Паламе, я переступил порог полицейского управления дистрикта Хайдарабад (университет Османья, где я жил, расположен за городской чертой и находится в ведении не городской, а окружной полиции).

— Я хотел бы получить пермит.

— Прекрасно. Когда вы прибыли в Индию?

— 15 января.

—?? Почему же вы не получили его до сих пор? Я начал пересказывать историю, уже знакомую читателю.

— Поймите, вы имеете право жить без пермита только три месяца, а они сегодня кончаются. Оформление займет несколько дней. Выходит, эти дни вы будете жить здесь на незаконных основаниях!

— Да я все понимаю, но поймите и вы меня: мне отказывали в выдаче пермита на основании какого-то другого правила.

Вид на жительство, помеченный задним числом, я все же получил. Так что благодаря любезности полицейских мне удалось не нарушить ни одного из правил для иностранцев.

Постоянной моей заботой были также разрешения на занятия в архивах. Сначала я обращался за ними сразу после приезда в очередной город. Потом стал посылать письменные прошения заблаговременно, за месяц— два. Но лишь в Дели, Бомбее и Патне я сумел получить такие разрешения. В Национальном архиве в Дели процедура выдачи их, хотя и не простая, четко отработана. В Бомбее фактически нет никакой процедуры. В Патне же мой товарищ, живущий там, начал хлопотать за меня заранее, к тому же у него был приятель среди работников архива.

Во всех остальных случаях я либо работал без разрешения, либо вообще не попадал в архив. В Хайдарабаде мое заявление затерялось. В Мадрасе мне каждый раз предлагали явиться на следующий день и при этом заверяли, что никаких препятствий для получения разрешения нет. Просто сегодня отсутствовал главный секретарь, завтра он на

месте, но на заявлении не поставлена подпись его заместителя, послезавтра оказывалось, что нужна еще и резолюция начальника департамента. Все это время я высиживал в архиве, работая над интереснейшими материалами.

Разрешение на пользование Мадрасским архивом я получил по почте в Дели через четыре месяца после того, как покинул Мадрас.

Но особенно четко сработала система бюрократии Ассама. Наученный опытом, я отправил запрос туда загодя, за три месяца. И — о счастье! — официальным письмом меня известили, что мне «даровалось» искомое право заниматься в архиве и предлагалось обратиться к директору Ассамского музея в г. Гаухати. Я не удивился: может быть, директор музея по совместительству ведаёт и архивом? Ведь в Махараштре, например, департаменты археологии и архивов объединены.

Найти музей и его директора в Гаухати было не сложно, но директор развел руками. Он не имел никакого отношения к архивам, не знал, где они находятся и посоветовал зайти в Департамент исторических исследований.

В департаменте меня приняли радушно, снабдили Ценными материалами, но об архивах тоже имели смутное представление. Директор департамента — огромный и добродушный д-р П. Ч. Чоудхари в конце концов сказал мне уверенно:

— Езжайте в Шиллонг. Архивы должны быть там, в секретариате.

Конечно, я не раскаиваюсь, что съездил в Шиллонг, Это стоило сделать независимо ни от чего — удивительной красоты дорога, город на склонах гор, поросших соснами, забытая мною к тому времени прохлада, интересный народ кхаси. Но архивов в Шиллонге не оказалось. В секретариате мне сообщили:

— Архив недавно переехал в Гаухати. Поэтому (?) никто не знает его адреса.

Пришлось уезжать ни с чем. Я испытывал досаду, но не удивление. Архивы Гуджарата тоже делись неизвестно куда. После раздела штата Бомбей архивные материалы, касающиеся Гуджарата, из Бомбея вывезли, однако в Ахмадабад, столицу Гуджарата, не привезли. Ходят слухи, что они в Нагпуре, но индийские ученые пока не могут их найти.

Волокита объясняется, кроме всего прочего, и тем, что индийским чиновникам просто некогда работать. Начинают они поздно (в 10 или 10.30 утра), кончают рано, не позже 5. Узаконен перерыв на обед и два перерыва на чай или кофе. Начальники появляются в ведомствах ненадолго — в середине рабочего дня, а то и к концу его.

В Индии много праздников. Помимо общегосударственных Дня республики и Дня независимости, отмечаются религиозные праздники индуистов, мусульман, христиан, сикхов, буддистов и т. д. Есть еще праздники штатов — день Нанак в Пенджабе, день Тируваллувары в Тамилнаде, дни рождения Шиваджи в Махараштре и С. Ч. Боса в Бенгалии.

Сверх всего чиновничество соблюдает дни отдыха, не значащиеся в календарях, например, день посещения сестер и день поминовения усопших родных. Это, конечно, не считая дней, которые берутся по случаю важных событий в семье — свадьбы, похорон и т. д.

В управлениях скапливаются горы бумаг, их путают, теряют. Газеты ежедневно помещают карикатуры, предлагающие более или менее остроумные способы, как быстро расправиться с кипой «входящих» и сделать их «исходящими».

Волокита или неразбериха страшны, но не до такой степени. Их все же можно устранить. Страшнее бюрократический образ мысли, готовность и желание подчинить «правилу» всю жизнь. Слово «формальность» имеет в Индии совсем не ют смысл, что у нас. Мы подразумеваем под ним нечто второстепенное, не слишком значительное. В Индии же оно означает нечто обязательное и непререкаемое.

Мне по незнанию случалось восклицать в спорах с чиновниками:

— Это только формальность!

Фраза производила действие, обратное тому, на которое я рассчитывал.

— О, да! — важно говорил собеседник. — Это формальность! — и с этой минуты все доводы переставали приниматься во внимание.

Почему же индийский бюрократизм показался мне таким страшным? Во-первых, он в последние годы бурно развивается, захватывая новые сферы управления, производства и культуры. Все указывает на то, что он будет расти и дальше.

Во-вторых, бюрократия с ее «от века» установленными правилами выступает консервативной силой, враждебной любым социальным изменениям. Ее открытое или скрытое противодействие нововведениям чувствуют даже правительства Национального конгресса. Еще в большей степени от консервативности аппарата страдали правительства левого фронта в Керале и Западной Бенгалии.

Наконец, чиновничий образ мысли, формализм как норма поведения и как философия жизни начинают распространяться в Индии, вступая в противоречие с характерными для народа сердечностью, доброжелательностью, искренностью и гостеприимством.

14. ЧТО САМОЕ КРАСИВОЕ?

На вопрос, поставленный в заголовке, ответить гораздо труднее, чем на вопрос предыдущей главы. Я прямо-таки растерян.

Очаровывает природа Индии — не сразу, но зато прочно и надолго. Я говорю не о лесах и реках. Лесов в русском понимании в Индии почти нет, а реки по виду ничем не отличаются от наших, разве только разливаются на километры в ширину во время муссона и высыхают летом. Когда в сухой сезон едешь вдоль восточного побережья страны, это особенно заметно. Поезд мчит по громадным каменным мостам-эстакадам, нависшим над сплошным белым песком. Три-пять минут — лишь мост и песок под ним. Вдруг где-то посередине мелькнет узенькая лента воды, обозначенная на карте как река Годавари, Кришна или даже Маханади («Великая река»).

Я так и не смог оценить привлекательность сухих пустынных пространств Северной Индии, состоящих из полей и зарослей колючих кустарников. Но пальмовые рощи Юга, прежде всего Кералы, — густые, пронизанные светом, иссиня-зеленые, растущие на кирпично-красной почве, действительно неповторимы.

Поражают также деревья. В тропиках они ни в чем не хотят уступать полевым и садовым цветам и в период цветения сплошь усыпаны белым, сиреневым, желтым. Просто вызывающе красив Амалташ, весь покрытый красными цветами (английское название в переводе означает «пламя леса»). Они действительно горят яркими языками на улицах и по сторонам дорог, создавая интенсивно праздничную атмосферу.

Удивительны восходы и закаты в Мадрасе. Но если восход слишком напоминает по краскам лубок, то закат изобразить народному художнику будет, наверно, не под силу: не хватит густой оранжевой краски.

Солнце заходит будто бы просто — по-обычному гасит свои лучи один за другим, и небо заполняется густеющей синевой. Однако через полчаса край его светлеет и загорается розовым. Потом сияние распространяется на весь небосклон, переливающийся полосами розового, оранжевого и малинового. Еще через полчаса буйство красок утихает, и небо быстро затягивается черным бархатом. Наступает ночь.

Великолепны Кашмир и Гималаи, но нечто подобное можно увидеть у нас на Кавказе и Алтае. Меня поразили не величественные снежные вершины, а горы поменьше, состоящие из террас, которые выбиты на их склонах руками человека и засеяны. Сверху они кажутся географической картой, где неровности рельефа отмечены замкнутыми кривыми линиями.

Незабываемое впечатление производят пейзажи Декана, особенно в период муссона. Черные, коричневые и красные поля перемежаются посевами риса, проса, сахарного тростника. Здесь представлены все оттенки зеленого — от нежного, чуть

желтоватого (цвет молодого риса) до густо-темного (сахарного тростника). Неожиданно и резко поля разбиваются рощами манго и пальм, высокими искусственными платформами, на которых растет бетель, наконец, глыбами серо-сизых камней и скал причудливой формы.

При описании красот индийской природы я все время сбиваюсь на прославление преобразовательской деятельности человека. Что ж, пожалуй, в этом ответ на вопрос — самым красивым в Индии являются люди и результаты их труда. Несмотря на тривиальность и подозрительную заданность такого заключения, оно справедливо.

По своему физическому облику индийцы очень неодинаковы. Население страны формировалось на протяжении многих веков из пришельцев, принадлежавших к трем основным человеческим расам, причем кастовая система не дала расовым типам смешаться. И сейчас монголоиды Гималаев и многих районов Ассамы совершенно не похожи на европеоидов Северной Индии или на темнокожих жителей Юга. Различаются даже члены разных каст, относящиеся к одной расе или к одному району. Брахманы обычно гораздо светлее, а раджпуты или джаты гораздо выше и физически крепче, чем представители низших каст. Некоторые группы просто красивы, с каким бы мерилком к ним ни подходить.

Одна из таких групп — сикхи. Сначала немногочисленная секта последователей религиозного проповедника XVI в. гуру («учителя») Нанак, сикхская община в XVII в. стала значительной силой в Пенджабе и подняла восстание против Могольской империи. Сикхи не раз терпели поражения, их безжалостно истребляли, но они все же одержали конечную победу и образовали свое государство, которое англичане смогли подчинить только в 1849 г. Сикхами становились члены самых разных каст, однако после этого они заключали браки только внутри общины и с течением времени превратились в замкнутую касту.

Антропологи и социологи до сих пор не нашли объяснения тому, как за столь короткий срок сложилась группа, резко отличающаяся не только по одежде, обычаям, но и по внешнему виду от населения, из которого она вышла.

В свое время сикхи дали обет не стричь волос, пока не установится царство справедливости. И сейчас их легко узнать по бороде, усам и тюрбану, скрывающему длинные волосы. Сикхских мальчиков, которые тоже не стригут волос, но и не носят еще тюрбана, нетрудно принять за девочек. Даже бороду правоверный сикх не подрезает. Чтобы она не мешала, он подвязывает ее черной сеточкой или закручивает вокруг бечевки, завязывающейся на затылке.

Сикхи отличаются мужественным обликом, физической силой, энергичностью и предприимчивостью. Мужественность им придают не только тюрбан и борода: те, кто перестал соблюдать требования религии, сбрил бороду и отказался от тюрбана, тоже выделяются мощной фигурой. Вид их не обманчив: сикхи действительно очень выносливы и храбры. Достаточно сказать, что эта сравнительно небольшая группа составляет Индии значительную часть ее армии.

Основная масса сикхов живет, конечно, в Пенджабе, где они — чиновники, полицейские, предприниматели и богатые крестьяне. Расселившись за последние сто лет по всем городам Северной Индии, они заняли и там весьма заметное положение — торговцы, предприниматели или, на худой случай, водители такси.

Очень красивы также парсы — маленькая религиозная община выходцев из Ирана. Они проникли в Индию в VII в. и постепенно сосредоточили в своих руках почти всю торговлю, а потом и промышленность западных районов. Один из самых крупных капиталистов страны Тэта принадлежит к парсам. Многие из них сейчас связаны с его концерном.

Перечисление групп индийцев, отличающихся физической красотой, можно бы продолжить. Но ограничусь этими двумя примерами, рискуя обидеть тех, кого не назвал. К сожалению, такие обиды неизбежны, потому что критерии прекрасного не одинаковы.

Составить представление об индийском идеале мужской красоты читателю помогут индийские кинофильмы — в них почти всегда главный положительный герой выше средней упитанности и ниже среднего роста, с розовыми пухлыми щеками.

Заслуживает быть отмеченной общая черта внешнего облика индийцев и на сей раз почти всех без исключения — это черные, глаза, выразительные и горящие. Некоторые европейские женщины говорили мне, что глаза индийцев производят на них глубокое впечатление — гораздо большее, чем все остальное.

Может быть, самое красивое — дети? Вопрос звучит пошло. Где дети не самое красивое? Но применительно к Индии подобная фраза все же не столько дань сантиментам, сколько констатация факта.

Дети здесь повсюду — в домах, школах, на базаре, на улице, на свалках нечистот. Их маленькие и худые коричневые тела, часто едва прикрытые убогой одеждой, — неперенное дополнение городского и сельского пейзажа. Дети сопровождают иностранного путешественника постоянно. Их лица выражают бескорыстное удивление или деловитую заинтересованность — нельзя ли что-нибудь получить от этого господина?

Среди детей много больных, с явными физическими недостатками, которые выставляются напоказ иногда просто из пренебрежения к ним, иногда с целью разжалобить. И то и другое одинаково ужасно. Но если ребенок здоров, а таких, слава богу, тоже немало, он, даже голодный, активен, боек, жив, приветлив, весел, отзывчив на ласку и шутку.

Конечно, дети так же разнятся, как и их родители. И среди тех, которых я встречал, были бедные и богатые, чистые и грязные, более или менее причесанные и вовсе не причесанные, но выражение «индийские дети» прочно связано с образом маленького уличного полоторговца, полунищего. Наверно, это потому, что я больше ходил по улицам, чем сидел в гостях.

Индийцы относятся к детям не совсем так, как мы. Религия приучила их к мысли, что ребенок — благо для семьи. Чем многочисленнее семья, тем она угоднее богам и тем прочнее обеспечены ее интересы в загробном мире. Впрочем, идея «Ребенок — дар божий» имеет и свою оборотную сторону — «Бог дал, бог взял». Детей очень любят, рождение ребенка, особенно первого, — громадное событие не только для родителей, но и для всех родственников и знакомых. Вместе с тем эта любовь лишена экзальтации, стремления не спускать с ребенка глаз, оградить его от всех бед и неприятностей. Тут играет роль и обилие детей — за всеми не уследишь.

В индийских семьях ребенку предоставлена полная свобода. Он может идти куда хочет, брать любые вещи, расположиться на полу, на стуле или на столе (если таковой есть), выходить на улицу, даже людную, бегать по лужам или по грязи. Все это не встретит активного возражения взрослых.

Разумеется, многое здесь объясняется условиями жизни, хотя бы той же невозможностью усмотреть за всеми. Кроме того, отсутствует культ санитарии, на алтарь которого приносится столько жертв в европейских странах. И простудиться, замочив ножки, в Индии мудрено. И уж конечно, никто не обидит ребенка, не толкнет его и не наступит на него в стране, где даже собаки спокойно спят посреди тротуара, уверенные, что толпа обойдет их.

Но в этом либеральном отношении к детским желаниям присутствует и элемент фатализма — с детьми ничего плохого не случится, если не захочет бог. Несчастье, постигающее ребенка, служит в глазах средних индусов самым сильным доказательством учения о переселении душ. Их боги не жестоки и не добры. Они просто убийственно справедливы.

— Возьмите такой пример, — говорили мне, — ребенок, которому нет еще и года, умирает. Почему? Ведь он неповинен ни в одном грехе. Почему же бог покарал его? Совершенно ясно, что он покарал его за грехи, совершенные им в его предыдущей жизни. Это нельзя объяснить иначе, как переселением душ.

Духовная свобода индийских детей дает неплохие плоды. Как ни странно, эти дети, по крайней мере мои знакомые, в общем гораздо менее избалованы, чем их сверстники в Москве. Почти полное отсутствие запретов не развивает в ребячьих душах стремления преступить их, настоять на своем, самоутвердиться, сделав что-нибудь выдающееся по нелепости. Они с самого начала их жизни — личности для окружающих. Тем «серьезнее» воспринимают они запреты (даже не запреты, а неодобрения) взрослых — не дергать за хвост «корову или собаку», не дерзить старшим, брахманам и «Святым (садху)», не шуметь в храме и т. п.

Отношение к ребенку как к необходимой, но обычной принадлежности семьи, отсутствие панической боязни за его судьбу открылось мне через немного юмористический и, конечно, совсем нетипичный факт. Однажды в международном аэропорту Палам родители забыли ребенка. Семья улетела за границу, а таможенники обнаружили, что у них под ногами ползает маленькое существо, молчаливое, сосредоточенное и спокойное. Ну что ж, семья была большая, везли много чемоданов и много детей. Все устали, изнервничались (индийская таможня сурова с соотечественниками) и не вспомнили о маленьком, забившемся куда-то.

Думаю, родители испытали неприятные минуты, пересчитывая свои пожитки в самолете. Конечно, все уладилось, малыша отправили вслед на другом самолете. Его, видимо, больше не забудут. И все же в другой стране такое вряд ли могло произойти.

Сейчас традиция многодетности пришла в резкое противоречие с нуждами страны. Рост населения (на 13 млн. в год) обгоняет увеличение числа занятых и развитие производства пищевых продуктов. Правительство проводит усиленную кампанию по ограничению рождаемости. За бесценок распределяются противозачаточные средства, проводятся устно и письменно консультации по их применению. Открыты пункты стерилизации. Супружеская пара, решившаяся на операцию, вознаграждается деньгами. На автобусах, на спичках, в газетах, на громадных плакатах помещен лозунг: «Два, три ребенка. Хватит!» Уже после моего отъезда, по сообщениям газет, этот лозунг был дополнен другим: «Следующий ребенок — не сейчас! После третьего — никогда!»

Но результаты кампании весьма скромны. Культурная отсталость масс и стойкая традиция препятствуют сокращению рождаемости.

Привлекательные черты индийских детей — живость, чувство юмора, предприимчивость — не очень-то помогают большинству из них в жизни. Судьба их тяжела. Многие очень рано начинают работать. В десять лет ребенок, если только он не из богатой семьи, — уже либо рабочий, либо продавец в лавке, либо официант в ресторане, либо чистильщик ботинок и нищий. Детский труд на предприятиях законодательно ограничен. Однако, несмотря на это, безработицы среди детей гораздо меньше, чем среди взрослых. Их охотно берут в слуги, в официанты, используют в качестве посыльных, зазывал, разносчиков. Причина достаточно ясна — им можно меньше платить, заставлять дольше работать, у них нет профсоюзов, они послушнее. Да, детство в Индии кончается рано.

Говоря о красоте, нельзя обойти вниманием женщин. Не могу сказать, что хорошо знаю индийских представительниц прекрасного пола. Их участие в общественной жизни, их «социальные контакты», как любят выражаться социологи, ограничены. На улицах, если не считать Бомбея, женщин очень мало. Они в основном заняты обслуживанием домашнего очага. Но когда приходишь к этому очагу, хозяйку видишь мельком, а то и не видишь совсем.

В Аллахабаде преподаватель местного университета, мой коллега, предложил мне остановиться у него в доме. Жена его преподавала там же. Они вместе учились в аспирантуре Лондонского университета, вместе защитили диссертации, занимаются одной и той же проблемой — социально-экономической историей Северной Индии в раннее средневековье. Но положение их осталось разным. Хозяин принимал меня, знакомил с сыном и племянниками, рассказывал о своей работе и о работе своей жены. Мы

проговорили с ним весь длинный весенний день—интересно и с пользой, по крайней мере для меня. И лишь за столом я видел мать хозяина и его жену Жена подавала нам, но сама не садилась: не полагается. Пока нам меняли блюда, я задал ей несколько вопросов, касающихся истории. Она отвечала очень кратко — ей просто было некогда.

Конечно, это не везде так. Надо сказать, что посетив ту же семью через пять лет в новом месте ее обитания, в Варанаси, я заметил огромную разницу. Теперь уже мы втроем — все историки Индии — спокойно и обстоятельно беседовали на интересующую нас тему. Не знаю, чем это объясняется. Может быть, тем, что они отделились от семьи мужа, где господствовали патриархальные представления, и устроили жизнь по своему вкусу.

Другой визит произвел на меня еще большее впечатление. Меня пригласил к себе один из высших чиновников штата Орисса. Уютный домик был обставлен полированной мебелью. Радиола и магнитофон с модными европейскими записями занимали почетные места. Дочка лет десяти, пришедшая приветствовать гостя, удивительно хорошо говорила по-английски — она посещала специальную школу, где преподавание ведется на английском языке. И жена хозяина, миловидная тамилка в строгом английском костюме, развлекала гостя светскими разговорами.

— Я занимаюсь в основном авиационным спортом. Представьте, мой слуга не сразу поверил, что я могу летать на самолете. Однажды я сказала ему, что пролечу над нашим домом ровно в четыре часа — и пролетела. Прихожу домой, спрашиваю его: «Ну, ты видел?». А он отвечает: «Нет, это были не вы, мадам!». А в деревне, откуда я родом, в округе Танджур, представьте, до сих пор не верят, что я летаю!

Но это посещение запомнилось мне именно своей необычностью. Эмансипация женщин пока что равнозначна европеизации быта. А европеизация идет очень и очень медленно.

Развивается женское образование. Но девушки обучаются отдельно от юношей. Получившие образование ищут и находят работу. В крупных городах, особенно в Дели, девушки — служащие контор и департаментов — составляют заметную группу населения и заметный штрих уличной жизни. Щебечущие группки два раза в день — утром и вечером — быстро пробегают по центральным улицам. Но девушка выходит замуж, бросает работу, сосредоточивает все силы своей души на обслуживании мужа, а то и всей его семьи.

На званых обедах и семейных вечерах женщины и мужчины образуют две компании, почти не соприкасающиеся друг с другом.

Так что я никак не могу похвастаться, будто хорошо знаю индийских женщин. Но это не мешало мне любоваться их тонкими лицами и грациозностью.

Я уже упоминал о сари, одежде взрослой индийской женщины. Кусок ткани примерно в 6—9 метров длиной искусно обертывают вокруг талии так, что спереди он падает вертикальными складками. Конец остается свободным. Его можно забросить на одно, оба плеча или на голову. Хозяйки завязывают в его уголок ключи или деньги, когда идут на базар. Сари бывают разные и стоят от 20 до 600 рупий. Конечно, самые дешевые — из хлопчатобумажной ткани темных немарких цветов — легко отличить даже неопытному глазу. Но дальше красота перестает быть критерием цены. Существуют тысячи материалов и не меньшее число вышивок — шелком, искусственной и настоящей серебряной и золотой ниткой и т. п. Мне говорили, что индийская женщина с первого взгляда определяет, сколько стоит сари подруги. И добавляли:

— Ни одна уважающая себя женщина не наденет сари, за которое заплачено менее трехсот рупий.

Видимо, подавляющее большинство индийских женщин не уважают себя.

Сколько сари нужно каждой женщине? Обычно у нее их два — одно носят, другое в стирке. У некоторых есть лишь одно сари, его стирают и сушат ночью. Что касается «уважающих себя», то они порой сами точно не знают, сколько сари лежит в ящике. Менять их всякий раз, как выходишь на люди, — дело престижа.

Носят сари по-разному. Чаще всего его складки свисают до пола, свободный конец перекинут через плечо. Получается нечто вроде длинного вечернего платья. Но в деревнях, особенно в Махараштре, свободный конец пропускают между ног и туго заправляют за пояс. Получается уже не юбка, а короткие штаны, издали напоминающие джинсы. Так, конечно, удобнее для работы.

В последние годы женщины, следящие за модой и посещающие кино, по-новому надевают сари — обертывают его не вокруг талии, а несколько ниже, вокруг бедер. Моду ввела известная актриса Ваджанти Мала, которая сыграла главную роль в фильме, посвященном средневековой танцовщице Амрапалли. Она танцевала в сари, открывающем почти весь живот. Носить сари таким образом стало не только модой, но и данью национальным чувствам, восстановлением «исконного обычая». Агитация за возврат к старине всегда была очень сильной в Индии. Женщины повсюду восприимчивы к идеалам возрождения национальной культуры.

Впрочем, оголенная часть тела обычно прикрыта свисающим сверху концом, и обладательницы его демонстрируют верность традиции лишь тогда, когда сочтут нужным.

Идущая по улице женщина в сари — это зрелище, неотделимое от образа Индии и незабываемое, как сама эта страна. Царственная одежда, подчеркивающая, несмотря на складки, а может быть, благодаря им, стройность фигуры, порождает царственность осанки и вырабатывает особую походку. В сари нельзя ходить сгорбившись, нельзя идти слишком быстро, семенить, но неудобно идти и неспешным прогулочным шагом. Каждая нога должна толкать вперед тяжелые складки. Поэтому индийские женщины ходят как по ниточке — обе ноги ставятся по одной линии. Это сообщает шагу особую легкость. Походка индийской женщины — походка ожившей скульптуры.

Мне не хватило бы книги, вздумай я рассказать обо всем красивом, что есть в Индии. Да ведь о многом уже написано. Вышли книги и статьи об индийском зодчестве, о литературе и искусстве, о строительстве новой, индустриальной Индии.

О некоторых историко-архитектурных памятниках я упоминал, о других надо бы тоже написать, но чувствую свое бессилие.

Есть места в стране справедливо знаменитые, их очарование трудно передать — пещерные храмы Эллары и Аджанты, Махабалипурам, Танджурский храм, Конарак, многочисленные крепости на горах Раджастхана. Надеюсь, что читателям когда-нибудь удастся увидеть их.

Закljučая главу, я хотел бы воздать должное гостеприимству индийцев.

Многие из бесчисленных приглашений от тамошних Друзей — приходить в гости, отобедать, просто жить — я принимал и ни разу не раскаялся в этом. Они всегда старались накормить как можно вкуснее и предложить пищу побезвреднее для европейского желудка. Хозяин или хозяйка заботливо потчевали:

— Вот попробуйте, вам это должно понравиться. А это лучше не берите — слишком остро. Старались устроить как можно удобнее. В зажиточных домах такое стремление легко было удовлетворить — там есть лишние комнаты и кровать. Но однажды в Анклешваре я остановился у знакомого, отнюдь не богатого. Меня уложили на супружескую постель, а хозяева устроились на импровизированных кроватях, он — в той же комнате, она — на кухне. И никакие мои протесты не помогли — так положено принимать гостей. Из комода была извлечена новенькая москитная сетка и не без труда укреплена над кроватью. Хозяева ею не пользовались, привыкли к комарам, и на их кровати отсутствовала нужная для сетки рама.

Гостеприимство и внимание, оказанные мне, иногда получали, конечно, особую окраску. Часто имела значение не моя личность, а искреннее уважение или жадное любопытство к моей стране, но в основе лежало все же традиционное индийское расположение к пришельцу — безразлично индийцу или иностранцу, нуждающемуся в очаге и крыше над головой.

15. КАК ЭТО МОЖНО ЕСТЬ?

Такой молчаливый вопрос появляется у каждого новоприбывшего в Индию, когда он пробует индийскую пищу.

Она не везде одинакова. На Севере больше едят изделия из пшеницы — чапати, паротха, на Юге — рис. Различаются виды приправ, а структура пищи, если можно так выразиться, одинакова. Нечто грубое и сытное (наполнить живот) и нечто острое и обжигающее (сделать сытное вкусным и желанным). Да не посетуют на меня друзья-индийцы, если я скажу, что рис и чапати сами по себе безвкусны. Но уж о приправах этого сказать никак нельзя.

Обычное возражение против индийской пищи — «слишком остро». Да, она несколько острее, чем та, к которой мы привыкли. Индийцы, собственно, употребляют почти все то же, что и мы, — красный или зеленый перец (чили), горчичное семя и еще массу вещей — разница лишь в пропорции. И их пропорции так же строги, как и наши. Индеец не станет пригоршнями сыпать чили в свою тарелку, лишь бы было поострее, более того, если чили попадается ему в приготовленной пище, он аккуратно отложит его в сторонку. Не раз мне приходилось слышать жалобы местных жителей, что в том или ином ресторане готовят «слишком остро», и признания:

— Знаете, я не люблю слишком острую пищу.

Хотя та «неострая» пища, которую они все же любят, может привести неподготовленного европейца в ужас.

Чересчур острая пища вредна для пищевода и желудка, утверждают врачи. Неумеренное потребление пряностей—это знает каждый — действует на нервную систему, почки, сердце и еще на что-то. Наши врачи, стоящие па страже нашего здоровья, считают полезным то, что соответствует нормам и поведению обычного европейца,— регулярный сон, регулярное питание, пищу не слишком жирную, но и не постную, не слишком пресную, но и не острую, не слишком горячую, но и не слишком холодную. Вместе с тем индийское население в массе страдает от язвенной болезни или рака, от расстройств нервной системы вряд ли в большей степени, чем жители умеренного пояса.

Конечно, в Индии много болезней, но причиной их, по общему мнению, является не качество пищи, а ее количество, т. е. недостаток.

Я перепробовал всякую еду и пришел к твердому убеждению — следует либо питаться в первоклассных европейских ресторанах, которые имеются лишь в самых крупных городах, либо стать вегетарианцем.

Чтобы покончить с вопросом о европейской кухне, добавлю, что она есть во многих городах и во многих ресторанах. Но индийцы ее не любят. Спрос на нее невелик, поэтому всегда существует опасность нарваться на несвежие продукты. А это гораздо страшнее, чем вес болезни, вместе взятые.

Если вы отправитесь в хороший индийский ресторан для начала где-то в Южной Индии — в Мадрасе, Бангалуре, Тривандруме или в Коимбатуре (в этом маленьком городке прекрасный вегетарианский ресторан, который может сделать честь любому крупному городу), вам прежде всего принесут рис. Но это совсем не тот рис, который мы иногда потребляем дома. Каждая рисинка, как бы положенная отдельно, демонстрирует совершенство своей формы. Варят его долго, на слабом огне и в большом количестве воды. Впрочем, это искусство, доступное не каждому.

В Майсуре в молочном кафе Рам Даса, где я обычно столовался, повар по средам был выходной, однако постоянных посетителей все равно кормили. Рис варил сам хозяин, очень симпатичный человек, но не кулинар, и по средам в кафе пахло обыкновенной рисовой кашей. Это было совсем невкусно. И даже острые приправы не помогали.

К рису в Южной Индии вам обязательно подадут расам, папад, пиклзы, дамские пальчики, простоквашу.

Простокваша в комментариях не нуждается, стоит разве только сказать, что она идет «на третье» — когда основная часть риса съедена с острыми приправами, последняя его часть смешивается с простоквашей. Немного непривычно, зато умеряет жжение во рту и пищеводе.

Дамские пальчики — в данном случае не виноград, а нечто вроде зеленых стручков с нежной мякотью внутри и мелкими семечками-горошинами.

Пиклз — это кусочки чили, лимона или знаменитого плода манго, до такой степени замаринованные и заперченные, что за обедом их можно съесть не больше трех-четырех.

Папад — тонкие лепешки из рисовой муки, похожие на зажаренные листы плотной оберточной бумаги, хрустят, а затем будто тают во рту.

Пожалуй, самым замечательным изобретением южноиндийской кухни является расам. Слово это происходит от санскритского раса — живительный сок, сок жизни, жизненная сила. По древнеиндийским представлениям, раса — та субстанция, которая обеспечивает существование всего живого, нечто вроде живой воды русских народных сказок. Уже из одного того, что древние тамилы применили этот термин к вполне конкретному блюду, можно судить о его роли среди других блюд.

Говоря грубо, расам — это настой перца, но видов его существует великое множество — томатный, лимонный, из дала и т. д. На всякий случай даю рецепт приготовления одного из его видов. На литр воды надо положить 200 г особого вида гороха (дал) и варить его до полной готовности, потом добавить 50 г обыкновенного черного молотого перца (всего две с половиной пачки!), 5 г семени джиры, маленькую головку чеснока, чуть-чуть сырого имбиря, асафетиды, соль по вкусу и веточку кербелы. Особенно важна веточка. Она должна быть свежей, только что сорванной с дерева. Затем в общую кастрюлю следует влить сваренные отдельно 50 г тамаринда и то же самое проделать с одним-двумя полужелеными помидорами. Все как следует растолочь и очень долго держать на медленном огне. Некоторые полученную смесь процеживают через марлю, другие подают к столу прямо так.

Сложновато, не правда ли? И вы не знаете, что такое джира, асафетида и кербела? Я тоже не знаю. И все же советую приготовить. Результат превзойдет ожидания. Кастрюля расама на праздничном столе заменит все горячительные напитки. Гости испытают такие же ощущения, как от соответствующего количества водки, и непременно будут прилежно крякать и закусывать. Но исключаются неприятные последствия банкетов.

Впрочем, сами индийцы расам вовсе не пьют — они наливают его в тарелку с рисом и вдумчиво перемешивают пальцами, время от времени отжимая рис, дабы он лучше пропитался. Иногда производят обратную операцию — кладут рис в расам и затем вылавливают его оттуда ложкой или пальцем.

Необходимо упомянуть также о чатни. Это слово применяется ко множеству приправ, основой для которых может служить мелко истолченный кокосовый орех или густо смешанные с пряностями овощи. Чатни обычно не очень остры и более всего соответствуют нашему представлению об овощных гарнирах.

Я затрудняюсь перечислить все приправы, употребляемые в традиционной индийской кухне. Названия ряда из них я не знаю. Входящие в них компоненты тоже неизвестны. Однажды я насчитал 16 тарелок, тарелочек, розеток и соусников, поданных мне одновременно на огромном блестящем подносе.

Бенгальцы тоже едят главным образом рис, но добавляют в него сладкие соусы. Я так и не успел привыкнуть к сочетанию кислого и сладкого или острого и сладкого. Зато бенгальские кондитеры явно держат первое место по Индии.

На Севере рис по крайней мере раз в день заменяют чапати. Эти пшеничные лепешки вкусны, пока горячие, остывнув же, превращаются в жесткие куски пресного теста. Их перед отправкой в рот макают в карри — острую приправу из овощей, мяса или рыбы.

Северяне обычно неодобрительно отзываются об южноиндийской пище как о слишком острой. Южане говорят о том же с оттенком гордости. Не верьте. И на Севере и на Юге пища одинаково остры.

Специального упоминания заслуживает панджабская кухня. Во-первых, она отличается большим количеством мясных блюд — панджабцы менее строго соблюдают вегетарианство. Во-вторых, с ней легче познакомиться, потому что она широко представлена в Дели. В-третьих, с ней легче примириться, потому что она ближе к кавказской и среднеазиатской (достаточно упомянуть хотя бы плов).

Славу панджабской кухне создал тандури-чicken, зажаренный особым образом цыпленок, фирменное блюдо крупнейшего национального ресторана Дели «Моти Махал». Специфический аромат, умеренная острота и ярко-красный цвет корочки делают тандури-чicken приятным и желанным угощением. Он так же знаменит, как наш шашлык, и непременно включается в меню всех ресторанов выше среднего разряда. Но, как шашлык ресторана «Арагви» отличается от блюда того же названия в закусочной «Южная», так и тандури-чicken «Моти Махала» и ресторана «Кволити» — совершенно разные вещи.

Особняком стоит кашмирская кухня. Вместо карри здесь готовят яхни — менее острое и более жирное блюдо из мяса. В томатном соусе подается кофта — шарики из мяса или овощей. Но самое знаменитое в кашмирском меню блюдо — гуштаба — мясной шар размером с теннисный мячик, а может, и крупнее (некоторые экземпляры на званых обедах достигают габаритов футбольного мяча), пропитанный горячим, очень ароматным соком. Вообще в Кашмире считают, что главная еда — это мясо.

Конечно, то, что написано здесь по поводу индийской кухни,— лишь сшибание верхушек. Перечислить все характерное просто невозможно. Рис, например, готовится с лимонным соком, жарится с пряностями, прежде всего с гвоздикой. Это называется бириани. Выпекают десяток разновидностей лепешек — рисовых и пшеничных. Употребляют и картофель.

Вкусное и неострое блюдо — картошка с жареным луком. Но пусть вас не обманывает название: это совсем не привычное для нас кушанье.

Один знакомый спросил меня, как в России готовят картошку. Я объяснил, что ее чистят и варят или же варят, а потом чистят.

— Затем?

— А затем едят!

Мы сидели на земле в роще кокосовых пальм и слушали знаменитую певицу на празднике, посвященном «Рамаяне», древней эпической поэме. Разговор о пище велся давно, мы оба пришли в мечтательное состояние, причмокивали, качали головами, издавали нечленораздельные звуки вроде «м-м-м...», давая понять друг другу, как вкусно то, о чем мы говорим. Мое прозаическое описание приготовления картошки прозвучало резким диссонансом этому вечеру, вибрирующему вдалеке голосу певицы, жесткому шуму пальмовых листьев. Мой собеседник недовольно покачал головой.

— Ну-у, это совсем не то. Надо положить ее на сковородку, добавить немного тамаринда, горчичного семени и еще...— пошли специальные термины, которых я запомнить не смог.— Все это придает картошке приятный зеленый (!) цвет и изумительный аромат.

Если о зрелости и уровне развития национальной кухни судить по ее способности придавать продуктам несвойственный им вкус, цвет и аромат, индийская может занять одно из первых мест в мире.

Особенно это касается мясных блюд, хотя они не очень распространены. По числу вегетарианцев Индия уж, бесспорно, стоит на первом месте — в результате комбинированного действия религиозных и материальных мотивов. Совсем не употребляется говядина и мало — свинина (до сих пор чувствуется влияние ислама). Но даже те виды мяса, которые легко достать — баранина и курятина, готовятся здесь

так, чтобы и духу мясного в них не осталось. Нет, определенно, коль скоро хочешь привыкнуть к местной пище, становись вегетарианцем.

Индийцы едят руками, так что им приходится мыть руки дважды, причем особенно тщательно не до, а после еды. Хорошо это или плохо? Ничего хорошего, конечно, нет. Я не испытывал трудностей с питанием, но проблема ложки вставала передо мной здесь довольно часто. В Мадрасе в аспирантском общежитии мне при всем желании не могли достать столовую ложку и вместо нее дали две чайные.

В пользу своего способа отправлять пищу в рот индийцы приводят доводы, с которыми трудно не согласиться. Они говорят, в частности, что доверяют чистоте своих рук больше, чем чистоте вилок, ложек и ножей, вымытых неизвестно кем и как. Действительно, если на поданной вам тарелке остались грязные мокрые разводы или если вам предлагают пищу на пыльном банановом листе, то в конце концов не все ли равно, чем есть? Если вы пьете за обедом сырую воду (не пить нельзя — горит рот), а в этой воде, как вы точно знаете, столько бактерий, что только вера в железное здоровье спасает вас от болезней, до вилки ли тут? Если вам несут суп и вы имеете возможность наблюдать, что пальцы рук официанта (иногда в «белых» перчатках!), окунулись в этот суп, право же, смешно утверждать, что вам непременно нужна чисто вымытая ложка.

Супа, как такового, в индийском меню нет. Его подают только в «европейских» ресторанах. Но это не значит, что индиец ест руками исключительно твердую пищу. Жена профессора, образованнейшая женщина, побывавшая со своим мужем почти во всех странах мира, однажды продемонстрировала нам, как нужно подбирать с тарелки соус или простоквашу. Очень просто. Нужно сложить ладонь лодочкой, подогнать жидкость к краю тарелки и черпать.

В Южной Индии, где любят пропитывать рис расамом, берут горсть мокрого риса и выжимают над тарелкой. Прodelьвают так несколько раз. Северянам это не нравится. Они считают, что применять руки тоже надо в меру.

В Нагпуре преподаватель политических наук пригласил меня на чисто индийский обед.

— В таком случае не давайте мне ложки, — ответил я. — Я буду есть руками.

В возгласе «о-о-о!», который издал хозяин, я уловил не только удовольствие, но и опасение. Он знал мое пристрастие ко всему южноиндийскому и с беспокойством спросил:

— Надеюсь, вы все же не будете выжимать рис над тарелкой?!

Пьют индийцы, как это ни тривиально, чай и кофе. Но если кофе — это тот же арабика, который употребляем и мы, то чай — совсем не тот чай.

Прежде всего его пьют с молоком. Не знаю, как у вас, а у моих домашних упоминание о чае с молоком вызывает содрогание. Но попробуйте пить индийский чай (он называется здесь «черный» и на самом деле черный) без молока. Тут не принято заварку смешивать с кипятком. Вам подают либо готовую чашку чая с молоком, либо чашку, молочник и чайник — тот самый, который мы называем «заварочным». Кладут туда по ложке чая на чашку и еще ложку «на чайник».

Однажды по московскому телевидению жена секретаря индийского посольства показывала, как надо заваривать чай. Приготовленный по индийскому рецепту стакан чая, но без молока, был предложен диктору, по-моему, Н. Кондратовой. Она отпила глоток и вежливо сказала: «Очень вкусно», но выражение ее лица не соответствовало словам. Я полагаю, что это было просто горько.

Впрочем, индийский чай без молока прекрасно утоляет жажду. Я часто прибегал к подобному средству. С индийской жарой связан случай, ярко показавший мне, насколько в представлении индийцев чай неотделим от молока.

В городке Каддапа, куда я попал однажды, стояла такая жара, что я не мог ни спать, ни работать. Достаточно сказать, что глубокой ночью, в самое прохладное время,

температура доходила до 37°. Боя, приставленного к постоялому двору, я попросил принести мне из кафе термос чая без сахара и без молока. Бой никак не мог меня понять.

— Сааб хочет чай без сахара?

— Да, без сахара.

— Ага, без сахара.

— И без молока.

— Как без молока?

— Так, без молока.

— Но без молока ведь невкусно!

— А я хочу без молока.

— Без молока?

— Да, без молока.

— Как без молока?

Этот содержательный диалог продолжался долго. Наконец бой ушел, пожав плечами, и принес чай с молоком.

— Я же просил чай без молока!

— Но ведь без молока невкусно!

— это наиболее массовая форма проявления индийского гостеприимства. Бывали дни, когда мне приходилось делать в день по десять визитов. Уже после второго или третьего я вынужден был становиться невежливым — отказываться от чашки чая. Впрочем, в жаркий сезон в этом не было необходимости — жажда не оставляла ни на минуту.

Конечно, к индийской пище надо привыкать. Одним это дается легче, другим — труднее. Даже индийские дети, оторвавшись от материнской груди, тратят на приспособление к национальной кухне несколько лет. Но усилия стоят жертв. Только привыкнув к пище, вы сможете свободно ездить по стране, узнать ее и полюбить.

16. «БЛАГОДАРИМ ВАС! ПОСЕТИТЕ НАС ВНОВЬ!»

Путешествовать по Индии — одна из самых интересных и неприятных обязанностей. Обязанностей потому, что не сидеть же на одном месте, когда хочешь посмотреть страну! Неприятных потому, что особенности климата и санитарного состояния нигде не ощущаешь так остро, как в дороге. Ну а почему интересно, и объяснить не стоит.

Я, разумеется, не имею в виду путешествия по воздуху. Это почти так же легко, приятно и неинтересно, как в любой другой стране. С самолета ничего не разглядишь. Кроме того, половина ваших спутников будет европейцами — туристами и бизнесменами, а другая половина — европеизированными индийцами — туристами, бизнесменами и чиновниками. Чиновники затесались в эту высокую компанию, так как путешествуют не за свой, а за государственный счет.

Из средств сообщения, доступных широким слоям населения, как местного, так и иностранного, наиболее удобен поезд. Железные дороги, строительством которых так гордились англичане, сохранили до сих пор и положительные, и отрицательные черты прошлого.

Первая такая черта — разная колея. Почти из любого места Индии вы можете прямым поездом попасть в Бомбей, Мадрас, Дели, Калькутту. К ним проложена широкая колея. Метрополия связывалась с колонией морем, и все английское, начиная с войск и кончая носовыми платками и гвоздями, проникало сюда через основные морские порты и затем по дорогам широкой колеи в глубь страны. Все индийское, необходимое англичанам — сельскохозяйственные продукты, сырье и, конечно, драгоценные металлы, — шло по тем же дорогам к портам.

Но если вам надо преодолеть расстояние между двумя пунктами, которые расположены не на главной магистрали, вам либо придется делать круг, подчиняясь прихоти больших дорог, либо пересаживаться с поезда на поезд: с одной колеи на другую. Скажем, между Нагпуром, бывшей столицей Мадхья Прадеш, и Бхубанешваром, столицей соседнего штата Орисса, по прямой около 700 км. Но чтобы попасть из одного города в другой, вы должны проехать более 1200 км, сменить поезд недалеко от Калькутты и потратить почти двое суток. А из Пуны попасть в Нагпур можно только через Бомбей, т. е. нужно начать путешествовать в обратном направлении.

Другое наследие прошлого — состояние железных дорог, изношенность вагонов, паровозов и путей. Чуть ли не ежедневно газеты сообщают о железнодорожных катастрофах, жертвах, чудом предотвращенных авариях и т. п. Мое счастье, что все они случались на дорогах, по которым я либо уже проехал, либо только собирался ехать, либо совсем не собирался. Мой опыт может служить и утешением. Я не был в аварии ни разу, проведя в индийском поезде в общей сложности около двух месяцев. Видимо, статистическая вероятность попадания в аварию достаточно мала, чтобы пренебречь ею и смело покупать билет. Все же индийские железные дороги не менее безопасны, чем любой другой вид транспорта, если не считать повозки, запряженной быками.

За годы независимости созданы паровозо- и вагоностроительные заводы. Подвижной состав постепенно меняется. Делаются попытки, хотя и менее целеустремленные, улучшить состояние путей. Сдвиги показались мне очень заметными после пяти лет отсутствия. Но сами индийцы не удовлетворены результатами.

Еще одно наследие прошлого, которое, впрочем, никто не собирается устранять,— резкое различие между «классами».

Существуют два «высоких» класса: вагоны с кондиционером и первый класс. Кондиционированные вагоны ходят исключительно на магистралях, связывающих четыре основных города. Билет здесь стоит почти столько же, сколько на самолет. Кто путешествует в них, читатель легко может догадаться.

Первый класс — это наш мягкий вагон. Не такой мягкий, но все же позволяет спать без матраца. По площади купе больше нашего раза в два — за счет коридора, который так узок, что полный человек перекрывает его в ширину, и за счет незначительности числа купе, которых в вагоне всего семь. На узких колеях функционируют старые вагоны, где купе еще просторнее — целые однокомнатные квартиры с совмещенным санузлом и выходом на две стороны. Они связываются с остальным поездом лишь на остановках — платформой.

Явное пренебрежение индийских вагоностроителей к коридору оправдано. Для чего у нас служит коридор? Выйти покурить, дать переодеться женщине, подождать, пока освободится туалет, наконец, пройти в вагон-ресторан. Всего этого в Индии делать не нужно.

Вентиляторы и открытые окна позволяют курить в купе, причиняя минимальные неудобства окружающим. Женщины ездят обычно в отдельных купе — «для леди». Там же они, естественно, и переодеваются. Мужчинам же для переодевания не требуется уединения. Многие, сев в вагон, меняют брюки на удобную национальную одежду, дхоти, не прерывая оживленных разговоров,— завязывают дхоти поверх брюк, а затем снимают их. Туалетов здесь четыре, и ждать не приходится никогда. Что касается вагона-ресторана, то эта «новинка» еще не привилась. Обычно на линиях не человек ищет еду, а еда — человека. Расторопные «бера» (официанты) в белых костюмах и золотых тюрбанах разносят пищу по купе.

Итак, коридор — почти излишняя роскошь. Но есть удобства не лишние. Прежде всего это вентиляторы-фены. Их четыре по числу полок. Так что пассажир имеет персональный фен и может направить струю воздуха в желательном направлении.

Что значат фены в вагоне, я понял однажды, когда во время долгого ночного путешествия испортилось электричество и они прекратили свою заунывную песню. Был

период муссона, незадолго до того прошел дождь, но ночь была жаркая, и вскоре в купе стало нечем дышать. Минут двадцать я старался заснуть, пытаюсь не замечать духоты, как я научился не обращать внимания на жару. Однако человеку нужен кислород. Пришлось одеться и выйти в коридор. В данном случае мое заключение о ненужности коридора оказалось поспешным.

Роскошь, делающая путешествие сносным,— это душ, имеющийся в каждом из четырех туалетов. Конечно, бывает, что душ еле капает, а то и вовсе не работает. Но, много поездив по индийским железным дорогам, я всего раз испытал серьезные затруднения такого порядка — отправился в душ и, не проверив его работу, с удовольствием намылился. Смывал мыло я у обыкновенного ручной мойки. Задача не из приятных, но не такая уж сложная, если иметь в виду, что в Индии не существует правила «не лейте на пол». Более того, все, что льется, льется именно на пол.

Конечно, фен и даже душ помогают только до тех пор, пока температура не превысит 40° С. При жаре сверх этого предела тело высыхает после душа мгновенно и горит еще сильнее. Находиться же под феном просто опасно — обжигает.

Лишь один раз я ехал по Раджастану летом. Надеюсь, больше не придется. После этого случая я стал строже согласовывать поездки с сезоном. Помочь могло только время. Надо было сидеть и терпеливо ждать, когда закатится солнце. Нельзя было даже переменить место на лавке. Любое ерзание (а поерзать ой как хотелось!) причиняло физическую боль — кожа диванов нагрелась до того, что, казалось, вот-вот начнет трескаться. На остановке я купил газету и просмотрел ее за полчаса. Она на глазах у меня коричневела — начинала тлеть. В этот длинный майский день я до известной степени понял истоки легендарной терпеливости индийского народа.

Это, так сказать, крайности. Обычно в поезде «тепло», тело зудит от пота, однако можно устроить передышку, постояв под феном, у открытой двери вагона или под душем.

Во втором классе купе еще обширнее, но рассчитаны на большее число пассажиров. Хотя здесь соблюдается принцип соответствия билетов и мест, любовь индийцев к багажу делает купе несколько тесноватыми.

Третий класс — это наш общий вагон с той разницей, что число пассажиров ограничено лишь физическим его объемом. Два туалета обслуживают неопределенное число пассажиров. Люди сидят, тесно прижавшись боками и упершись коленями в колени визави. На вокзалах висят плакаты: «Небольшой багаж делает путешествие приятным». Ко второму классу это еще имеет отношение — если мало тюков, можно даже, соснуть на багажной полке. Но в третьем классе удовольствия нельзя получить ни в каком случае.

Обстановка железнодорожного путешествия сохраняет нечто от средневековья. Тогда махараджи и чиновники передвигались по стране, возлежа на подушках паланкина. Их сопровождала свита конных и пеших слуг, которые брали с собой все необходимое в пути — палатку, постель, еду. Железная дорога не снабжает пассажира постелью. Предполагается, что он везет ее с собой. И он везет. Объемистый тюк содержит подобие спального мешка или матраца, простыни, напоминающие наши драпировочные ткани, и маленькую подушку. Неважно, что этой постелью пользуются раз-два в год. Каждый сааб, т. е. человек, имеющий деньги для путешествия в первом классе, сохраняет в хозяйстве собственную дорожную постель, которую время от времени достают из чулана, слегка отряхивают от пыли, и ока сопровождает хозяина, отправившегося по делам.

Тот же принцип — у настоящего сааба все есть — препятствует, видимо, и внедрению вагонов-ресторанов. До сих пор очень многие пассажиры, отнюдь не бедные и отнюдь не из соображений экономии, не пользуются железнодорожной кухней, а везут с собой судки и характерные железные коробочки, наполненные рисом, лепешками и различными приправами.

Пассажиры во всех странах в основном: 1) глядят в окно, 2) едят, 3) спят, 4) разговаривают, 5) читают и 6) играют в карты, домино, шахматы и другие национальные игры.

Пассажир первого класса в Индии никогда ни во что не играет: он выше пустого времяпрепровождения. В третьем классе карты — обычное занятие.

Смотреть в окно в индийском поезде легче и приятнее, чем в нашем. В купе три окна, занимающие всю ширину внешней стены. Излишне добавлять, что стекла не бывают замерзшими. Но пассажир не смотрит в окно. Он не турист. Он любит свою страну, но не испытывает любопытства.

Что касается чтения, то я не заметил никакой разницы. Как и повсюду, наибольшей популярностью в поездах пользуются газеты, журналы и детективы.

Преимущественно индийские пассажиры спят и разговаривают. То и другое они делают как следует. Если спят — крепко, если разговаривают — громко. Причем часть пассажиров может спать, а часть в это время — разговаривать. Одни, наговорившись, засыпают. Другие, выпавшись, начинают разговаривать. Это не влияет на качество сна и разговора. Индийцы полагают — и я на собственном опыте убедился в их правоте, — что если человек хочет спать, ему ничто не помеха.

Еда у индийского пассажира занимает намного меньше времени, чем у нашего. Наблюдение Ильфа и Петрова, что едва поезд трогается, пассажиры разворачивают пакеты и начинают потреблять крутые яйца, к индийцам не подходит. Они питаются в пути так же скромно и размеренно, как дома. Завтрак в 6—7 часов, обед в 10—11, чай в 4—5 и ужин в 7—8 часов. Организация железнодорожного общепита произвела на меня неизгладимое впечатление. Часа за два до наступления предписанного обычаем времени приема пищи в купе входит «бера» и осведомляется, чего саабы желают и желают ли они вообще чего-либо. В положенное время за сотню миль от места заказа другой «бера» приносит подносы. Два железных блестящих подноса, положенные один на другой, образуют плоскую коробку и скрывают серию железных тарелочек: рис, карри, дал, простокваша, лук, папад. Только стаканы с водой не умещаются в эту коробку и их приходится тащить отдельно. Количество обедов, которые «бера» может разнести в один прием, ограничено лишь его физической силой.

На следующей станции третий «бера» собирает опустевшие коробки и получает деньги.

Система работает с точностью механизма, во всяком случае с не меньшей точностью, чем ходят индийские поезда. Для меня, наверно, навсегда останется загадкой, как эти скромные служители сервиса координируют свои действия. Уверен, что они не пользуются телефоном, ибо знаю, что это сложно, даже когда нужно заказать билеты, забронировать место и т. п.

Остается предположить существование беспроводной связи.

Градации между классами в вагонах продолжены и на вокзалах. Зал ожидания пассажиров первого класса — просторная комната с удобными креслами, иногда с кроватями, с душем, где бывает по заказу; даже горячая вода.

Третий класс ожидает поезда на деревянных скамьях в переполненных залах или просто на платформе и должен пользоваться общественными уборными и умывальниками.

«Второклассников» правила вокзалов присоединяют то к первому, то к третьему классу.

Как уже говорилось, по мнению железнодорожной администрации, «небольшой багаж делает путешествие приятным». Но призыв остается втуне, потому что большой багаж тоже не делает вашу жизнь на колесах неприятной. Можно месяцами путешествовать по Индии, не притрагиваясь к своему багажу. Армия носильщиков в характерных красных рубашках и белых чалмах штурмует каждый поезд и расхватывает багаж «первоклассных» пассажиров в мгновение ока. У непривычного человека эта сцена вызывает испуг — она напоминает взятие пиратами судна на abordаж.

Чалма имеет весьма практическое назначение. Повязав ее поудобнее, носильщик взваливает на голову два-три чемодана, тюк с постелью поверх них и медленно, когда

чемоданы нетяжелые, или семенящим бегом, когда его буквально прижимает к земле, доставляет ваш багаж к такси, к тонге, к рикше — в зависимости от того, какой транспорт есть в городе.

В общем, я бы повсюду в Индии повесил плакат: «Путешествуйте первым классом». Впрочем, этому совету не все могут следовать.

Если же вы едете на небольшое расстояние, если вы стеснены в средствах, если не любите угольной пыли и предпочитаете ей чистую дорожную пыль, если, наконец, вы приверженец нового, идите на автобусную станцию. Автобусное сообщение стало развиваться за последние годы и сейчас серьезно конкурирует с железнодорожным. Почти все города Индии связаны приличными дорогами, во всяком случае в сухой сезон, и автобусными маршрутами. Самая последняя новинка — автобус-люкс, где на ночь устанавливаются что-то вроде кроватей. Но это так же недемократично по цене, как первый класс поезда.

Нет, я пишу о другом автобусе — поистине массовом средстве передвижения. Как все хорошее, он имеет свои недостатки. Прежде всего, нельзя вытянуть ноги — это тяжело, когда едешь 6 или 12 часов. Ограничен багаж — за вес свыше 36 кг взимается отдельная плата. Надо быть готовым к тесному социальному и физическому общению с соседями. На остановках в автобусе невыносимо жарко. Отсутствие фенов, впрочем, вполне оправданно во время движения — салон продувается насквозь.

Зато в автобусе вы можете: 1) увидеть гораздо более разнообразные пейзажи, 2) спокойно пообедать и поужинать в придорожных трактирах и ресторанах — в положенное время автобус остановится и терпеливо вас подождет, 3) проехать там, где нет железных дорог, 4) познакомиться с крестьянами, мелким служилым людом, с «простым» человеком и 5) сэкономить кучу денег.

Путешествуют в Индии, как и везде, по самым разным делам, а также без дела. Поездки в город на базар, крестьянина к адвокату посоветоваться о том, каким образом избежать уплаты налога или штрафа, чиновников «в район» или «в область», а также по вверенной им территории — все это слишком обычно и понятно. Но следует упомянуть чисто индийские поводы для путешествий, дающие большой процент перемещающихся людей.

Среди них много пилигримов, едущих поклониться богам или живым святым. В каждом районе есть свой знаменитый храм или еще более знаменитый проповедник, к которому можно прийти, облегчить душу, получить чудесное избавление от болезней и т. д.

Массу поездок совершают, чтобы почтить своим присутствием свадьбы, рождения первенца, похороны в семьях близких и знакомых. В Индии родственные связи крепки до четвертого-пятого колена. Троюродные, четвероюродные братья и сестры хорошо знают друг друга, часто видятся, всегда готовы помочь друг другу. Кроме того, неписанный закон гласит, что чем больше гостей на свадьбе или похоронах, тем счастливее будет молодая пара на этом, а усопший на том свете. Естественно, что на каждую такую церемонию приглашаются не только родственники, живущие чае в разных концах страны, но и знакомые, в том числе все без исключения сослуживцы. В офисе главного эпитафиста в Майсуре как-то в течение двух дней не было почти ни души. Оказалось, что все уехали в Гадаг, городок примерно в 450 км от Майсура, где один из бывших сотрудников играл; свадьбу. Фактическое прекращение работы учреждения на этот срок было санкционировано начальством — иначе оно поступить не могло.

Остается возблагодарить бога, что в Индии не принято так же широко отмечать дни рождений, иначе число опустевших присутствий и загрузка транспорта значительно увеличились бы.

При въезде во многие города установлен плакат: «Добро пожаловать в...». Многоточие заменяет в данном случае название места или города, а то и его поэтическое описание, придуманное в туристском офисе. Например: «в бурлящую столицу

величайшей демократии мира» (это о Дели), или «в жемчужину западного побережья» (это о Гоа), или «в прекрасную столицу Юга» (это о Мадрасе) и т. д.

Покидая город, вы увидите другой плакат: «Благодарим Вас! Посетите нас вновь!»

Все это часть государственной политики — политики привлечения иностранных туристов. В Индии есть что посмотреть. «Индустрия туризма» дает стране дополнительные средства в иностранной валюте, столь необходимые экономике. Усилия в этом направлении, безусловно, вознаграждаются. Наплыв туристов растет. Они составляют все более заметную прослойку людей, штурмующих кассы аэродромов, железнодорожных и автобусных станций.

И многие из них откликаются на рекламный призыв: «Посетите нас вновь!».

17. БЫЛО ЛИ НАЧАЛО И БУДЕТ ЛИ КОНЕЦ?

По долгу службы, по смыслу командировки я был обязан знакомиться с индийскими историками и их взглядами на прошлое страны.

Не так давно лучшим местом для изучения индийской истории был Лондон. Там, в Национальном музее и библиотеке Управления по делам Индии («Индия оффис»), были сконцентрированы самые новые и почти все древние материалы. Там работали крупнейшие специалисты мира, главным образом англичане, там стремились учиться и индийские историки.

Сейчас крупнейшими специалистами по индийской истории стали сами индийцы. Английская общественность после освобождения Индии из-под британской власти начала терять интерес к стране; соответственно уменьшилось и число индологов в Англии.

В Индии с достижением независимости, напротив, интерес к истории возрастает из года в год. Материалы, находившиеся в Англии, остались там. Англичане никак не хотят с ними расставаться, несмотря на требования индийского правительства вернуть их. И индийским ученым нередко приходится ездить в длительные командировки, чтобы изучать историю родной страны. Но в самой Индии за последние годы открыто столько новых документов, что теперь ученым других государств невозможно изучать историю Индии, не побывав в ней и не познакомившись с местными хранилищами.

Главное же — появилось целое поколение историков, жаждущих узнать и объяснить, что представляла собой Индия в прошлом, какую роль она играла, обнаружить традиции, способные помочь в переустройстве страны.

Здесь 70 университетов, почти в каждом из них есть факультет (департамент) истории или даже два: древней истории и культуры и просто истории. На этих факультетах работают сотни профессоров, преподавателей, ассистентов. Ежегодно собираются конгрессы историков, чуть не каждый день в том или ином городе проходят Семинары, конференции, дискуссии, чуть не каждый день выходит в свет фундаментальная книга по истории или сборник древних документов.

Откуда такой интерес к старине, традициям? Никакой загадки тут нет. Давно замечено, что эпоха пробуждения народа, время, когда убыстряется его движение вперед, неизменно совпадает с попытками оглянуться назад. Когда появляется будущее, растет внимание к прошлому. Я бы не включил в эту книжку главу об индийской истории, если бы она имела отношение лишь к моим профессиональным интересам. То, как понимает народ свое прошлое, служит одним из самых ярких показателей того, что этот народ представляет собой сейчас.

Индийские ученые задолго до 1947 г. взяли за пересмотр исторических концепций, выдвинутых англичанами. В годы независимости эта работа развернулась еще шире. Но до сих пор результаты не признаны удовлетворительными. До сих пор на конгрессах и конференциях раздаются призывы «переписать» индийскую историю, очистив ее от догм, навязанных колонизаторами.

«Переписывание» может быть выполнено и выполняется по-разному. Некоторые ученые стремятся доказать, что история их страны ничем не отличалась от европейской, разве что была лучше. Другие считают, что в Индии все было не так, как в Европе. И первым и вторым есть на что опереться. Как повсюду, в Индии были крестьяне и ремесленники, создававшие своим трудом богатство страны, землевладельцы и торговцы, государства и государи, войны и битвы. Как повсюду, господствующие классы «творили» историю на авансцене, а трудящиеся массы находились в тени. Естественно, что нетрудно обнаружить ряд аналогичных институтов в Индии и иных странах на сходных этапах развития — и в экономической области (налоги, аренду, торговую прибыль), и в политической (монархия, республика, правительство), и в социальной (сельское и городское самоуправление).

В то же время Индию отличали свои, присущие лишь ей особенности, как, впрочем, отличают они и другие страны. Наиболее специфической особенностью такого рода является кастовая система и все ею порожденное: резкое несовпадение социального и экономического положения, разделение общества на группы, как бы не связанные друг с другом, отсутствие единой религиозной организации (церкви) и вместе с тем привилегированное положение жречества.

Важной чертой истории Индии, характерной не только для этой страны, был сравнительно медленный темп развития производства, экономики, но одновременно довольно высокий уровень культуры — философии, литературы, искусства.

Вокруг всех этих вопросов — об общем и особенном — в Индии и ведутся основные споры.

Начать хотя бы с того, «откуда есть пошла» индийская земля? Древнейшим литературным памятником индийцев является «Ригведа» — сборник гимнов в честь разных богов. Долгое время эти гимны передавались изустно и где-то около начала нашей эры были, наконец, записаны. «Ригведа» и другие веды, составленные, как полагают, позже, — священные книги для каждого индуса, вроде Библии для христиан или Корана для мусульман. И, конечно, считается, что они созданы не человеком, а продиктованы непосредственно богами.

Возникает вопрос: когда продиктованы? Кому — это довольно ясно. Народу, который называл себя «ариями» и был родствен племенам, населившим Иран и Европу: языки всех этих народов принадлежат к единой «индоевропейской» семье. Но — когда?

Археологические и лингвистические данные указывают будто бы на 1500 г. до н. э. Но в таком случае получается, что индийская цивилизация не столь уж стара и по древности уступает египетской, месопотамской, китайской. Это кажется обидным националистически настроенным историкам.

Правда, уже в 20-х годах XX в. на территории Индии была открыта более древняя цивилизация — крупные города с кирпичными зданиями, мощеными улицами, водопроводом, произведениями искусства, — которая датируется 3000—2000 гг. до н. э. К сожалению, однако, Индская цивилизация, так ее называют, оказалась совершенно не связанной с ариями. Они, судя по той же «Ригведе», были скотоводами и отчасти земледельцами, с презрением относились к городам (где жили их противники — дасью) и, если могли, разрушали их. Таким образом, следует признать, что либо божественная «Ригведа» действительно служит источником и базисом индийской культуры, и тогда избранные богом арии выступают как разрушители более ранней и более высокой культуры, либо не арии заложили основы цивилизации на территории Индии — как же быть с божественностью «Ригведы»?

К счастью, историков, для которых эта проблема представляется важной, не так уж много. Сейчас, в общем, ясно, что и неарийские народы, создавшие Индскую цивилизацию, и арии, сложившие гимны, внесли свой вклад в культуру народов Индии. Как и везде, здесь рушились цивилизации, наблюдались попятные движения, но ничто не пропало даром. И даже индуизм, гордящийся своим происхождением от «Ригведы», на

самом деле впитал в себя представления и верования носителей Индской цивилизации, а также других местных неарийских народов.

Однако проблема древности «Ригведы» и, значит, времени появления ариев в Индии продолжает волновать историков, даже тех, чьи взгляды не отличаются особой религиозностью или выраженным национализмом. С одним из таких ученых я познакомился и подружился на исторической конференции в Сринагаре. Еще молодой человек, он уже автор нескольких напечатанных и еще большего числа неопубликованных книг.

— Видишь ли,— говорил он мне,— я внимательно изучил «Ригведу», пользуясь всеми новейшими методами анализа. Я допускаю, что она была составлена во II тысячелетии до н. э. Но люди, которые ее составили, несомненно, уже долгие века жили в Индии и не были пришельцами. Ведь у них не сохранились представления о какой-то иной родине. Кроме того, в ведийской литературе упоминается масса царей, правивших ариями, и различные города. Я не допускаю, что все это миф. Должна быть историческая основа.

Я подсчитал число поколений царей, упоминающихся в ведической литературе. Получается, что они начали править около 6000 г. до н. э. Ты говоришь, что археология не подтверждает эту дату. Но ведь индийская археология еще только начинает развиваться. Я не сомневаюсь: археология докажет, что арии — исконное население страны.

Этот историк не одинок. Уверен, что им движут лучшие побуждения. Но дата 6000 лет до н. э. стала знаменем самых крайних шовинистических околонучных кругов, утверждающих исключительность, в том числе и особую давность индийской, вернее индусской, цивилизации.

Наиболее сильным их аргументом является недостаток сведений. Мы, например, не знаем, когда и откуда пришли в Индию арии. Наиболее распространено мнение, что они именно пришли, причем незадолго до того, как создали «Ригведу», из некоей «прародины», откуда вышли и прочие индоевропейские племена. Где находится эта прародина, неизвестно. Среди множества теорий есть и такая, которая прародиной всех индоевропейских народов называет Индию.

Однако на юге страны живут дравиды — народы, определенно не имевшие отношения к ариям. Откуда же взялись они? Одни считают, что дравиды двигались тем же путем, что и арии — через северо-западную границу Индии, но раньше тех. Они заселили Индию, а затем были оттеснены ариями на юг. Тогда Индская цивилизация, возможно, — создание предков современных дравидийских народов.

Другие связывают дравидов с археологической культурой, распространившейся на Декане в первые века до н. э., и тогда они могли попасть в места их нынешнего расселения только морем.

Интересно, что эта точка зрения, возникшая на базе новых археологических открытий, как-то перекликается с преданиями тамиллов. Они утверждают, что их культура насчитывает несколько тысячелетий, что они пришли в Индию с юга, с какого-то неведомого материка, который теперь принято называть Гондваной. Но хронология легенды и археологии не совпадает, так что решение вопроса о происхождении дравидов — дело будущего.

Различные варианты решений предлагаются уже сейчас, что вызывает обострение национальных противоречий между Севером и Югом.

Очень трудно националистически настроенным историкам переварить идею развития. С одной стороны, их оскорбляет высказанное в английской историографии мнение, что индийцы не способны к развитию, к эволюции взглядов и институтов. С другой стороны, развитие предполагает, что раньше что-то было недоразвито, а это тоже неприятно. Некоторые находят выход в том, что признают всякого рода изменения, но подчеркивают, что в основе индусское общество оставалось прежним. Если же что-то и менялось, то лишь к худшему, под влиянием завоевателей — мусульман или европейцев.

Такая позиция, как видим, по существу не отличается от колониалистской. Она только квалифицирует как положительное то, что европейцу показалось бы отрицательным.

В коридоре здания Бенгальского азиатского общества со мной однажды заговорил не старый еще человек в национальной белой одежде, державший в руке толстую папку, завязанную ботиночными шнурками. Горящие глаза свидетельствовали о том, что он жаждет излить кому-то душу. Оказалось, что это вышедший на пенсию государственный служащий, брахман, занявшийся на досуге историей.

— Вам это будет интересно,— убеждал он меня громовым голосом.— Хотя вы коммунист (так часто называют всех советских людей), но все же историк. Знаете, я занялся историей и увидел, что все написанное до сих пор — ложь. Европейцы безбожно переврали и оболгали нашу историю. Я сейчас заканчиваю книжку об иконопочитании в Индии. Я доказал, что все великое в индийской культуре существовало всегда — и касты, и идолопоклонство. А ведь самхиты, брахманы, араньяки и упанишады (различные памятники религиозной литературы) были созданы одновременно и не имеют даты. И Индия всегда была индусской. Конечно, здесь возник еще буддизм. Но то была всего лишь преходящая фаза — он удержался в стране не больше каких-нибудь полутора тысяч лет. Я доказал все это неопровержимо, ссылками на писания наших святых, которые, как вы понимаете, не могут оспариваться.

Конечно, я далек от того, чтобы выдавать этого не совсем нормального брахмана за типичного представителя индийской исторической школы. Но он развивал и довел до логического конца идеи, которые в более мягкой и не в столь неприемлемой форме проводятся также в работах профессиональных историков.

Многие удовлетворяются тем, что отмечают превосходство древней Индии над Европой в области хозяйства, науки и культуры. Их не заботит то, что на каком-то этапе это превосходство сошло на нет.

Иные поступают наиболее хитроумно. Они не отрицают, что в развитии хозяйства Европа обогнала Индию, хотя не прочь напомнить, что индийская металлургия или ткачество славились во всем мире, когда европейцы еще «ходили в шкурах». Но хозяйственный застой они используют в качестве аргумента для доказательства величия индусской цивилизации, которая в отличие от Европы избрала-де путь не материального, а духовного совершенствования.

Безусловно, положительной чертой современной индийской историографии является ее стремление отбросить идею, что только завоеватели, люди со стороны, двигали Индию вперед. Я уже говорил об ариях. В свое время англичане утверждали, что история Индии начинается с арийского завоевания, каким бы веком его ни датировать. Светлокожие, энергичные и жестокие арии стали надолго олицетворением величия индийской цивилизации. После открытия Индской культуры образ ария, пришедшего якобы в дикую страну, чтобы ее цивилизовать, значительно потускнел. Однако не исчез. И вот ни в чем не повинные арии стали вдруг прародителями немецких фашистов, тоже светлокожих (да еще и светловолосых!), тоже энергичных и тоже жестоких. «Арийцы» даже сделали свастику, индусский религиозный знак, означающий благополучие, своим гербом.

С научной точки зрения попытка связать «северную расу» с индийскими ариями — блеф. Но интересно, почему фашисты стали искать своих праотцов именно среди создателей «Ригведы». Некоторое значение имела, конечно, надежда когда-нибудь прийти в Индию в качестве «братьев». Но главное, что привлекло их в ариях,— это приписанная последним цивилизаторская миссия.

Следующими «толчками» по этой теории послужили персидское завоевание северо-западных районов, поход Александра Македонского и, наконец, мусульманские вторжения XI—XII вв. Из списка странным образом выпали нашествия гуннских племен эфталитов в V—VI вв., грабительский поход Тимура в конце XIV в., нашествия персов и

афганцев в XVIII в., поскольку было совершенно ясно, что никакого положительного вклада в индийскую культуру они не внесли. Завершало список британское завоевание, окончательно вырвавшее Индию из «варварства».

Ни один историк не станет отрицать роли взаимодействия культур в истории любой страны. Но по отношению к истории Индии была совершена явная несправедливость: каждый шаг в ее социальной и культурной эволюции многие западные ученые связывали с теми или иными чужеземцами.

Индийские ученые сейчас активно борются с такими взглядами, но часто перегибают палку в другую сторону. Так, хотя большинство их склонны видеть решение «арийской проблемы» во взаимовлиянии культуры пришельцев и местной высокой культуры, некоторые, как я уже говорил, стремятся снять проблему вообще, заявляя, что арии вовсе не проникали в Индию, а жили здесь вечно.

Вопрос о походе Александра Македонского не вызывает особых споров — влияние эллинистической культуры в целом не отрицается, но справедливо указывается на ограниченность этого влияния.

А вот проблема мусульманского завоевания стала причиной настоящих сражений, причем не всегда бескровных и не менее ожесточенных, чем те, которые велись в XI—XIII вв. В данном случае прошлое уж совсем прямо смыкается с настоящим. Тюрко-афганцы, мусульмане по религии, действительно пришли в Индию как завоеватели, действительно чувствовали себя поначалу как цивилизаторы — распространители истинной веры среди язычников, действительно захватили политическую власть во многих ее районах. Потом ислам приняли некоторые индийцы, однако население в целом сохранило верность религии предков. Постепенно пришельцы начали испытывать все растущее воздействие индусской культуры, переняли многие местные обычаи и институты, в частности касту. Словом, тоже сделали индийцами. И расцвет архитектуры, изобразительного искусства, литературы, философии, наблюдающийся в это время, явился результатом синтеза двух культур.

Вместе с тем мусульмане остались мусульманами — отличались по обрядам, верованиям, обычаям, одежде. Позже, когда и индусы и мусульмане оказались под властью Британии, противоречия между ними не уменьшились, а приблизительно с конца XIX в. начали усиливаться.

По мнению многих, именно опытные колонизаторы своей политикой «разделяй и властвуй» вызвали к жизни эти противоречия. Слов нет, они сделали для этого немало, но были здесь и другие, объективные причины, которые еще ждут исследователя.

Углубление противоречий между национальностями, а также между религиозными общинами, принадлежащими к одной нации, в последнее время явление, нередкое повсюду в мире. И не всегда его можно объяснить вмешательством какой-нибудь внешней силы. В той же Индии, например, кастовые конфликты приобретают сейчас колоссальную остроту явно без участия колонизаторов.

Так или иначе, индусско-мусульманские противоречия все обострялись. Несмотря на стремление Национального конгресса стать организацией, выражающей интересы и индусов, и мусульман, несмотря на то что в его руководство всегда входило определенное число мусульман, парсов и представителей других религиозных групп, ему не удалось добиться единства индусов и мусульман в борьбе против английского господства. Мусульманская лига, партия, претендовавшая на роль главы мусульман, все больше отдалялась от Конгресса и ратовала не столько за независимость от англичан, сколько за «освобождение» от индусов. Она выдвинула лозунг образования Пакистана — «страны чистых». Такая позиция позволила англичанам уйти из Индии, крепко хлопнув дверью, — независимость была предоставлена не одному, а двум государствам. Последствия этого решения до сих пор дают себя знать на Индийском полуострове.

Крайне националистически настроенные деятели осуждают Джавахарлала Неру и других тогдашних руководителей Конгресса за то, что они согласились с «планом

Маунтбеттена», т. е. с разделом Индии. Сейчас, когда прошло более двух десятилетий с того дня, как в Дели и Карачи, городах бывшей Британской Индии, взвились два флага — зеленый Пакистана и трехцветный Индии, когда кашмирский вопрос все еще не решен, когда отгремела индо-пакистанская война 1965 г., легко сетовать на недальновидность конгрессистских деятелей.

Но нужно представить обстановку 1947 г. Английский вице-король пригласил к себе Джавахарлала Неру и других лидеров Национального конгресса и сообщил, что правительство Его Величества предоставит стране независимость. Однако при одном условии: районы с преобладанием мусульманского населения получают независимость отдельно — как суверенное государство Пакистан.

Нужно ли было соглашаться на такое предложение? Индийские борцы за свободу ждали этого момента несколько десятилетий. Чтобы приблизить его, они поднимали массы, проводили демонстрации, шли в тюрьмы, а иногда и на смерть. Они не так себе представляли этот великий час. Но что делать? Отказаться? Заявить лорду Маунтбеттену, еще молодому человеку, представлявшему мощь Британской империи: «Мы не согласны?» Отказаться от власти и отсрочить освобождение родины неизвестно на какое время?

Джавахарлал Неру и другие лидеры Конгресса, видимо, провели несколько бессонных ночей, взвешивая «за» и «против». И согласились. Кроме прочих соображений, может быть, их не покидала надежда, что две во всех отношениях (кроме религии) братские страны, став свободными, смогут договориться и вновь сблизиться.

Действительность оказалась мрачнее. Сразу же начались столкновения по вопросу о границах, индо-мусульманские погромы, пожары, грабежи и убийства. Погибло более миллиона человек. Свыше десяти миллионов стали изгнанниками — индусы бежали в Индию, мусульмане — в Пакистан. Через несколько месяцев после торжеств, посвященных независимости, начался вооруженный конфликт из-за Кашмира. И потом все шло от плохого к худшему.

Надежда на сближение Индии и Пакистана не покидает всех миролюбивых людей. Она не беспочвенна, как показывает хотя бы Ташкентская декларация, в которой обе стороны выразили твердое намерение урегулировать все спорные проблемы мирным путем. Но оснований для оптимизма не так много. В действительности противоречия устраняются очень медленно, а силы, заинтересованные в разжигании вражды, велики в обоих государствах.

Таким образом, «академический» вопрос о характере и последствиях мусульманского завоевания XI—XIII вв. приобретает весьма актуальное значение. К сожалению, решение его, предлагаемое разными учеными, находится в слишком тесной зависимости от принадлежности их к той или иной религиозной общине.

Историки-мусульмане склонны подчеркивать положительные последствия завоевания, благотворные результаты синтеза обеих культур, прогрессивность образования крупных империй (с мусульманскими династиями) на месте массы разобщенных индусских княжеств и т. д. А историки-индусы делают акцент на разрушениях, вызванных завоеваниями, упадке культуры (индусской'), уничтожении храмов, унижении достоинства индусов, необходимости подчиняться «иноземной» власти.

Конечно, в работах серьезных историков такая тенденциозность выражена не прямо, намеком. Но выражена. На уровне же представлений обывателя она расцветает пышным цветом.

Серьезный историк не станет отрицать, что так называемое индо-мусульманское искусство, развившееся в Делийском султанате, Могольской империи и других, более мелких султанатах, свидетельствовало о культурной эволюции страны. Но в околонуточных писаниях, которые в своей пропаганде широко использует, в частности,

партия «Джан сангх», возвеличение индийской (индусской!) культуры связано с принижением всего мусульманского.

Бойкий журналист, выступающий под псевдонимом Пено, опубликовал несколько брошюр, где доказывает, что Кутб-минар соорудили не мусульманские правители Дели, а индусские раджи, что был он вовсе не минаретом, а джайястамбхой, «башней победы», лишь позже перестроенной и украшенной изречениями из Корана, что Тадж-Махал—это тоже индусский храм, переделанный Шах-Джеханом под усыпальницу для своей жены.

В последней своей книжке «Кто говорит, что Акбар был великим?» Пено обрушивается на Акбара — наиболее привлекательную фигуру среди могольских императоров, — пытавшегося сблизить индусских и мусульманских подданных. Эта попытка и вызывает особую ярость журналиста, хотя его обвинения будто бы не касаются этой проблемы. Подчеркиваются такие черты императора, как жестокость, властолюбие, коварство и — самая «ужасная» — пьянство.

Книги Пено, несмотря на их курьезность, не столь уж безобидны. Они укрепляют в простых людях чувство недоброжелательства к мусульманам. Не смягчают его и другие, гораздо более объективные исторические работы.

Еще с английских ученых XIX в. повелось рассматривать историю Индии начиная с XI, а то и VIII в. как историю противоборства индусов и мусульман в политике и ислама и индуизма в идеологии. Прошлое действительно дает массу примеров войн между государствами, возглавляемыми индусскими и мусульманскими династиями. Но от внимания ученых совершенно ускользало, что «мусульманские» государства (т. е. те, где правители были мусульманами) так же часто воевали друг с другом, как и индусские между собой. Причем это были не мелкие стычки, а кровопролитные, ожесточенные и жестокие сражения.

Вспомнить хотя бы войну между индусскими Майсуром и Мадурой в XVII в. Майсурские войска, вторгшиеся в Мадурское княжество, отрезали носы у всех встреченных жителей. Мадурцы, в свою очередь, войдя в Майсур, искали, по словам хрониста, «не врагов, чтобы с ними сразиться, а носы, чтобы их отрезать». Подобные зверства не наблюдались во время индусско-мусульманских войн.

Сейчас, когда империалистические концепции истории Индии активно пересматриваются национальными учеными, этот взгляд на прошлое страны как на постоянные столкновения индусов и мусульман разделяется далеко не всеми. Серьезные исследования посвящены процессу культурного сближения двух религиозных общин в период средних веков. Особенно много сделано в изучении религиозно-реформаторского движения бхакти, которое развивало гуманистические идеи равенства людей, используя догматы и индуизма, и ислама. Стало ясно, что культура многих «мусульманских» государств была истинно индийской культурой, вдохновлявшейся главным образом местными источниками. Однако пересмотр концепций политической истории происходит еще очень медленно. Создается впечатление, что далеко не все в Индии полностью осознают вредность подхода к индусской и мусульманской религиозным общинам как к извечно враждующим сторонам.

С позиций религиозных столкновений до сих пор трактуется история Виджаянагара — крупного южно-индийского государства XIV—XVI вв. Она действительно легко поддается такой интерпретации. Государство возникло после захвата войсками «мусульманского» Делийского султаната территорий Южной Индии и стало заслоном от дальнейших вторжений с Севера. В течение всего периода своего существования оно сражалось с государствами, расположенными севернее, которые, увы, были «мусульманскими». Борьба шла с переменным успехом до 1565 г., когда Виджаянагар потерпел решительное поражение от войск четырех объединившихся султанатов,

В последние десятилетия история Виджаянагара и его соседей изучена очень подробно. Исследователи показали, что Ахмеднагар и Биджапур, например, были по

существо не «мусульманскими», а маратхскими государствами, а Голконда — государством народа андхра, что в их административной и военной системе индусы занимали видное место, что армия, победившая в 1565 г., была по составу в основном индусской, а среди погибших на поле боя военачальников со стороны Виджаянагара примерно половина оказались мусульманами, И все же до сих пор «религиозная» концепция деканских войн XIV—XVI вв. не поколеблена.

Я специально занимался историей Виджаянагара и, разумеется, не мог не посетить его столицу, в свое время славившуюся великолепием. За истекшие 400 лет город совсем разрушился, он состоит исключительно из развалин, но и теперь поражает грандиозностью, величием, каким то необъяснимым достоинством и, что было для меня особенно важным, демонстрирует образцы удачного синтеза индусского и мусульманского зодчества.

Впрочем, не это впечатление заставило меня сейчас вспомнить о посещении виджаянагарской столицы. Перед входом в нее на месте бывших ворот у остатков некогда грозных стен стоит синяя доска — обычное оповещение о том, что данный исторический памятник находится под охраной государства. Там же для несведущих и туристов, которые не имеют обыкновения читать исторические сочинения, сообщаются на языках каннада и английском элементарные сведения по истории города. И вот на этой доске значится: «В 1565 г. город был разрушен ордами мусульман». И подпись: «Археологический департамент Индии».

Почему «ордами»? Это была регулярная армия, не лучше, но и не хуже других армий, в том числе и индусских, исправно грабивших и разрушавших города и деревни.

Почему «мусульман»? Ученым из департамента должно быть известно, что индусы составляли большинство этой громадной армии. Но даже если им это неизвестно, как можно взваливать вину за разрушение Виджаянагара на всех мусульман, в частности на многочисленных, по крайней мере в городах, лояльных граждан новой Индии.

И все это подкрепляется высоким авторитетом одного из правительственных департаментов секулярной Республики Индии.

Я пытался изложить свои соображения знакомым историкам. Понимания я не встретил. Никакого криминала в «ордах мусульман» они не видели.

— Но ведь это же правда! — восклицали они.

Это не правда, а именно та полуправда, которая мешает раскрытию истины.

Не удивительно, что при широком распространении таких взглядов пропаганда крайних националистов, объявляющих индийских мусульман неиндийцами, наглыми пришельцами, силой и хитростью подчинившими страну, а теперь благодаря проискам и помощи колонизаторов отторгнувшими неотъемлемые ее части — Панджаб, Восточную Бенгалию и т. д., — находит известный отклик. Отсюда недалеко и до проповеди «священной войны» против Пакистана, чем и занимаются наиболее отъявленные шовинисты.

Правительство, провозгласившее независимость государства от религии, пытается сделать все, чтобы люди разных вероисповеданий пользовались равными нравами. В правительство всегда входят несколько мусульман. Закир Хусейн, например, был избран сначала вице-президентом, а затем стал президентом, т. е. главой государства. Мусульмане формально пользуются одинаковыми с индусами правами. Так что когда начинаешь разговор о положении мусульман, встречаешь серьезные возражения:

— Ничего подобного, им живется у нас ничуть не хуже, чем индусам. Да что вы хотите, у нас даже президент — мусульманин. (В 1968 г. Закир Хусейн был еще жив.)

И лишь при продолжении разговора, когда собеседник начинал сердиться, у него вырывались убийственные доводы:

— Если и есть противоречия, в них виноваты сами мусульмане. Мы им позволяем жить в нашей стране, предоставляем им все возможности, а они не хотят соблюдать наши

обычай. Пусть они станут индийцами — прекратят есть говядину, одеваются, как мы, не стараются повсюду подчеркнуть, что они иноверцы.

Эта нота: «Мы им позволяем жить в нашей стране», — звучит не только в частных разговорах, но и в прессе — в письмах возмущенных читателей. И люди, произносящие такие фразы, наверно, не замечают, что тем самым они уничтожают мосты сближения между двумя общинами. Неприязненное отношение к мусульманам подогревается время от времени газетами, сообщающими о разоблачениях пакистанских шпионов, разумеется, мусульман.

Атмосфера недоверия вызывает ответную реакцию меньшинства, представители которого в ряде случаев действительно слишком крикливо подчеркивают, что они совсем не индусы.

В обстановке воинствующей религиозности часто самых пустячных поводов бывает достаточно вспышки. То пронесется слух, что мусульмане убили корову. То в мечеть кто-нибудь принесет свинью. То религиозное шествие одной общины пройдет в «опасной» близости от храма или другой святыни. И вот уже люди размахивают палками, подбирают камни, порой трещат и выстрелы. Горят лавки, гудит толпа, льется кровь.

Мне везло. Кровавые стычки во многих городах, через которые я проезжал, происходили или задолго до моего посещения, или после него. Так было в Хайдарабаде, Нагпуре, Аллахабаде. А наиболее крупное столкновение с сотнями жертв произошло в Ахмадабаде уже в 1969 г., когда меня в Индии не было. Проблема ведь заключается не в моей безопасности, а в создании нормальных условий жизни для всех жителей Индии.

А религиозная разобщенность индийцев, к сожалению, возрастает, что значительно облегчает пропаганду реакционеров из «Джан сангх». Прямой политической! дискриминации мусульман нет, но если эта партия придет к власти, дискриминация не заставит себя ждать.

Исторические проблемы вводят нас непосредственно в гущу современных вопросов и даже в какой-то мере заставляют заглядывать в будущее. Это вполне закономерно. Иначе люди не изучали бы свою историю.

Британское завоевание страны тоже требует полного переосмысления. Здесь английские ученые были особенно субъективны. В их работах, посвященных колонизации Индии, безапелляционно подчеркивалась цивилизаторская роль внешней силы, индийским народам в этой концепции отводилась роль либо пассивных объектов, подлежащих цивилизации, либо реакционных противников нового и более совершенного. Период английского господства выглядел как эпоха героических усилий бескорыстных правителей научить индийцев дисциплине, современному предпринимательству, демократии и т. п.

Даже отбросив явную апологетику британского режима, мы увидим в этих сочинениях историю мероприятий правительства, а не историю народа.

Индийские историки довольно быстро отбросили апологетику, разоблачили коварство, жестокость и алчность захватчиков, очистили от клеветнических измышлений образы героев сопротивления англичанам — Типу Султана, Тантия Топи, Рани Джанси, Нана Сахиба, Васудева Бальванта Пхадке.

Особенно подробно и любовно, но и не без идеализации, изучается организованное национально-освободительное движение, начавшееся в конце XIX в., и деятельность его руководителей Бала Гангадхара Тилака, Мохандаса Карамчанда Ганди, Джавахарлала Неру и других. Чтут как национального героя Субхас Чандра Боса, объявленного в свое время англичанами изменником родины за то, что он организовал Индийскую национальную армию на территории Бирмы, оккупированной японцами, и намеревался начать вооруженную борьбу с колонизаторами. Многие индийские террористы, погибшие в английских тюрьмах, сейчас вызывают восхищение и преклонение.

Но все эти вопросы до конца еще не пересмотрены. Новый подход историков к проблемам колониального периода не воспринят пока широкими массами, которые черпают свои познания о прошлом на улицах и в музеях.

Правда, улицы индийских городов начинают приобретать иной вид! Еще не так давно Майдан в Калькутте, центральные площади Нью-Дели были заполнены каменными фигурами английских королей, королев, вице-королей, генерал-губернаторов, генералов и даже младших офицеров. Среди английских администраторов в Индии были и выдающиеся личности, их не вычеркнешь из истории, но ошеломляющее число памятников никак не соответствовало возможному числу великих людей.

Теперь эти каменные фигуры в основном сняты, а иногда заменены другими — скульптурами Ганди, Боса, Сардара Пателя и т. п. При мне снимали Георга VI у «Ворот Индии» в Нью-Дели — последнего английского короля, выставленного на всеобщее обозрение. Еще не решено, кому отдать освободившийся пьедестал.

Тотальное уничтожение памятников британского господства вряд ли оправданно: как ни прискорбна и печальна эта страница индийской истории, забыть ее не удастся. Но все же и сейчас, когда остались лишь пьедесталы, многое вызывает раздражение у человека, уважающего историю индийского народа. Например, Виктория-мемориал в Калькутте, занимающий доминирующее место в архитектурном оформлении Майдана. Мраморное здание с куполами и ангелом на макушке служит символом принесенной из-за океана цивилизации. Белое и непорочное, могущественное и тяжелое, оно отвечало представлениям англичан о своей империи. Внутри — прохладные прямоугольные и круглые залы со скульптурой классического стиля, комнатки с картинами. Тема экспозиции — королева Виктория, ее семья и основные события ее затянувшегося царствования.

Разрушать Виктория-мемориал или переоборудовать его под музей Ганди или Неру, по-моему, не нужно. Но почему в Калькутте или в другом городе нет столь же величественного, если не по внешнему виду, то по содержанию музея истории самого индийского народа? А его нет, и создание его не предполагается.

В делийском Красном форте функционирует Военный музей. Может быть, в его экспонатах показано военное искусство делийских султанов, Моголов? Заходишь в помещение, и тебя обступают знакомые все лица — выцветшие фотографии храбрых британцев. Под стеклом — английские мундиры, английское оружие, то, самое, из которого расстреливали сотни, тысячи индийских патриотов. Осада 1857 г. показана односторонне — как англичане брали Дели. А как сипайские полки обороняли город, узнать невозможно. Участие в первой мировой войне в интересах Англии, участие во второй мировой войне под английским командованием — такими темами исчерпывается военная история Индии, если судить по музею.

Раз уж мы вспомнили о Красном форте, нужно сделать важное добавление. Сейчас в нем даются ежедневные представления «Звук и свет». Это очень интересная форма пропаганды исторических знаний. Звучат, конечно в исполнении артистов, голоса бывших обитателей Красного форта — индийских султанов и падишахов, их жен и министров, придворных и полководцев. Внутренняя подсветка выхватывает из темноты то Диван-и-ам — здание правительства, то зенану — помещение гарема, то Жемчужную мечеть. Интерпретация событий во многом кажется спорной, но в представлении использована часть подлинных исторических фактов. Великолепие архитектурных памятников, подчеркнутое освещением, прекрасное актерское исполнение, элементы юмора в тексте производят сильное впечатление.

Заканчивается представление сценами восстания 1857 г., когда Дели находился в руках сипаев. Этому восстанию, самому крупному вооруженному столкновению между индийцами и англичанами, особенно не повезло в историографии. С легкой руки англичан принято называть его «мятежом» и даже считать реакционным движением, направленным против всего нового, за возврат к темному средневековью.

Конечно, сипаи не были подготовлены к тому, чтобы выдвинуть идеи свободы, равенства и братства. Да, у них не было организационного единства и лидеров типа Тилака или Ганди. Но разве допустимо их в этом упрекать? Да, восставшие порой жестоко расправлялись с англичанами, но эту жестокость отчаянных людей, решившихся на смертельный бой со своими угнетателями, можно понять. Они действительно провозгласили целью возврат к старому и объявили своим главой Мухаммад-шаха — последнего Великого Могола. Но откуда, скажите, им было взять другие идеалы?

С начала XX в. некоторые националисты делают попытки «оправдать» сипаев, доказать, что это был не мятеж реакционных солдат, а национальная освободительная война. Однако эти попытки до сих пор встречают сопротивление либеральных индийских историков, твердо усвоивших, что гуманизм безусловно лучше насилия, демократия лучше деспотизма, а вооруженная борьба совсем «нетипична» для индийского характера.

Между тем сипаи выдвинули хотя бы такую плодотворную идею, как братство индусов и мусульман — столь же прогрессивную тогда, как и сейчас, когда парламентская демократия вроде бы установилась в Индии. Они боролись, часто стихийно, против феодальной эксплуатации, прогоняя насажденных англичанами помещиков и сжигая залоговые документы на землю. Они сделали первые робкие шаги по созданию новых, невиданных ранее форм власти — солдатских комитетов.

Правда, сипайское восстание очень уж непохоже на то национальное движение, которое развернулось в конце XIX — начале XX в. под руководством Национального конгресса. И на этом основании многие историки продолжают относиться к нему с предубеждением.

На холме, господствующем над Старым Дели, стоит довольно высокая башня — памятник английским солдатам и офицерам, погибшим при осаде Дели в 1857 г. На мраморных досках перечислены все полки и даже батальоны, понесшие потери, предлагается молиться поименно за всех погибших офицеров. Но в Дели нет памятника сипаям, первым индийцам, поднявшимся против колониального гнета.

Я не был в Лакхнау — втором по значению центре восстания, где в противоположность Дели осажденными были англичане. Один мой товарищ рассказывал, что там есть музей, основным экспонатом которого служит схема-рельеф осады Лакхнау в 1857 г. На схеме очень скрупулезно обозначены английские подразделения, огневые точки, чуть ли не положение каждого солдата. Цитадель окружает совершенно слепая местность с единственной надписью: «Противник». Чей противник? Ведь музей принадлежит индийскому народу.

С крепостью Серингапаттам связана другая героическая страница истории — борьба последнего крупного государства в Южной Индии, Майсура, с англичанами и ожесточенная битва в 1799 г., когда погиб храбрый воин и убежденный враг колонизаторов Типу Султан.

Здесь также гиды рассказывают в основном не о Типу Султани и его яркой деятельности, а о том, как завоеватели брали город. Здесь хранятся личные вещи Типу — тюрбан и халат. Каждый посетитель может их надеть, примерить. Они истлели и разрушаются в руках. Что это, небрежность? Отсутствие чувства национального достоинства? Нет, оно у индийцев очень развито, однако его питает главным образом гордость за древнюю культуру, представление о превосходстве индийской философии. Собственно история занимает в национальном сознании второстепенное место.

Уже говорилось, что это положение изменяется. Интерес к национальным историческим деятелям растет очень быстро. Довольно приличные памятники Рани Джанси, одной из руководительниц восстания 1857 г., я видел в Пуне и Нагпуре. В Уданпуре поставлен памятник Ране Пратапу — правителю княжества Мевар, всю жизнь боровшемуся против Могольской державы. Правда, художественной ценности памятник, на мой взгляд, не имеет. И очень жалко, что он сооружен в Моти Магри, первой крепости Удайпура, и для того, чтобы его воздвигнуть, частично снесли развалины,

представлявшие большую историческую ценность. Примеры приобщения индийцев к своей истории можно было бы продолжить.

Хуже то, что пробуждение исторического самосознания сопровождается попытками найти в прошлом страны обоснование идей сепаратизма и шовинизма. Так, имя легендарного вождя маратхов Шиваджи используется реакционной организацией «Шив сена» для проповеди вражды к немаратхам. Тамильские националисты стараются привлечь исторические факты для подтверждения того, что тамилы всегда были более культурными и передовыми, чем «северяне».

Отмечаются тенденции и улучшить историю, идеализировать деятелей прошлого, приписать им те достоинства, которыми должны обладать правоверные индусы (или правоверные мусульмане) по современным меркам.

Даже древние арии не избегли приукрашивания. Ведь они основали индусскую цивилизацию, дали людям веды. Значит, сведения, которые они сами о себе сообщают, но которые не создают образ идеального приверженца индуизма, неверны. Появились «фундаментальные» исследования, доказывающие, что мясо, употребляемое ариями в пищу, вовсе не мясо, что сома — просто безалкогольный напиток и его опьяняющее действие объясняется не градусами, а молитвой. Один религиозный деятель напечатал в газете объявление, что он покончит с собой, если его сумеют убедить, что ведийские индийцы ели мясо. Попробуй, убеди!

Интересные метаморфозы совершаются и с близкими нам по времени героями, борцами за независимость. М. К. Ганди и С. Ч. Бос для некоторых стали богами: их изображения поклоняются, приносят жертвы и т. д. Портреты Джавахарлала Неру висят обычно рядом с ликами божеств.

При мне в Индии была издана почтовая марка в честь Бхагат Сингха, революционера-террориста, казненного англичанами. На ней напечатан портрет молодого человека с усами и в мягкой шляпе. Так запомнили Бхагат Сингха его друзья. Но ведь он был по происхождению сикхом! А каждый хороший сикх должен носить бороду, длинные волосы и тюрбан. Главный совет сикхской общины в Амритсаре и Джагдев Сингх, президент Международного сикхского братства в Дели, направили президенту республики телеграммы, требуя изъять марку. Они заявляли, что Бхагат Сингх отрезал волосы и сбрил бороду «временно», в целях конспирации, а в тюрьме будто бы снова отрастил их.

Управление почт обещало выпустить другую марку, с другим портретом, если им доставят подлинную фотографию героя с бородой.

Через несколько дней газеты опубликовали интервью с м-ром Верма, который видел Бхагат Сингха в Лахорской тюрьме за несколько месяцев до казни.

— Да, он носил усы,— сказал м-р Верма.— Бороды определенно не было.

Стремление «приклеить бороду» герою очень характерно для некоторых почитателей исторических лиц. Им хочется и геройство подчеркнуть и респектабельности добавить. Важнейшей же чертой респектабельного человека они до сих пор считают соблюдение религиозных обычаев и обрядов.

Переосмысление индийской истории — процесс закономерный и отрадный. Он, как и все остальные сферы интеллектуальной жизни, отражает ожесточенную борьбу между сторонниками преобразований и консерваторами. От того, что именно из своего прошлого Индия возьмет и сохранит для будущего, в значительной мере зависит, какой она станет.

18. САМЫЙ ЛУЧШИЙ ЯЗЫК

Что такое Индия — одна многолика страна или десяток стран, объединенных в государство? Этот вопрос имеет академический интерес: ученые до сих пор не решат,

изучать ли ее как единую культуру, отдельные компоненты которой отличаются спецификой, или как сумму культур, связанных общими чертами.

В Индии живут двенадцать крупных народов, а есть еще много мелких со своим языком, своей территорией, своими литературой и культурой. В то же время на протяжении веков сложились более или менее одинаковый образ жизни, система идентичных или близких верований, культурных ценностей, устремлений. Сочетание единства и различий ни для кого не является секретом и отражено даже в политико-административной практике — Индия официально именуется «Союзом», возглавляется «союзным» правительством, делится на штаты со своими законодательными и исполнительными органами и довольно широким самоуправлением во внутренних делах.

Но федеративная структура скрывает немало сложных проблем — права штатов и центра, доля ресурсов, поступающая в центр, и доля, остающаяся на местах, распределение между штатами правительственных средств на развитие хозяйства, культуры и т. д.

Одной из них является вопрос о языке — языке делопроизводства и судопроизводства, переписки между штатами, преподавания в начальной, средней и высшей школе. Всем понятны преимущества существования единого языка. Но возможно ли это в Индии?

В истории страны многоязычие было постоянным препятствием к сотрудничеству ее народов. И всегда некий язык, равно чуждый всем (или почти всем) ее жителям, но известный образованному меньшинству, служил средством межнационального общения.

Сначала им был санскрит. Трудно сказать, когда он стал мертвым языком, когда на нем перестали говорить. Известно лишь, что это произошло вскоре после расселения арийских племен в Северной Индии. Для южноиндийских, дравидийских народов он никогда не был родным. Но на санскрите были написаны основные сочинения религиозного характера, одинаково священные для всех индусов.

Правители иногда отдавали распоряжения на пракритах, разговорных языках Северной Индии, или на дравидийских языках, но если они хотели, чтобы их указы были понятны жителям далеких районов, они должны были составлять их на санскрите. Конечно, вся система образования строилась тоже на санскрите.

После мусульманских завоеваний в Северной Индии и на Декане официальным языком стал персидский. На нем писались налоговые документы, рескрипты правителей, исторические хроники. Каждый, желавший поступить на государственную службу, индус или мусульманин, обязан был изучать персидский. Наряду с санскритскими школами (дхармашалы) возникли медресе.

Еще позже место общего официального языка занял английский. Он стал языком администрации, суда, науки. Изучение персидского практически прекратилось, санскритские дхармашалы также стали немногочисленны, насчитывались единицами. Преподавание в средних и высших учебных заведениях велось на английском.

Развивая англоязычное обучение, колонизаторы, конечно, преследовали свои цели — создать из местной интеллигенции людей, тесно связанных с режимом, «прослойку, индийскую по крови и цвету кожи, но английскую по вкусам, взглядам и складу ума», как выразился один из деятелей британской администрации в Индии.

Этот эксперимент удался, но не совсем. Довольно скоро индийские джентльмены осознали, что образование не сделало их англичанами, что они принадлежат к индийской интеллигенции и что их равноправие невозможно, пока они сами не будут управлять страной.

Но совершенно естественно, что языком, на котором впервые были выражены национальные чаяния, — языком сначала робких петиций, а затем все более решительных требований — стал английский. Если политический деятель хотел быть понятым повсюду, он должен был обращаться к слушателям и читателям по-английски. Если создавалась

общеиндийская политическая партия, то каким бы ярким национализмом ни горели ее лидеры, они вынуждены были проводить заседания на английском.

Разумеется, этот же язык стал рабочим языком Национального конгресса. И даже Конституция независимой Республики Индии была записана сначала на английском и лишь затем переведена на основные индийские языки.

Однако такое решение вопроса — существование общего языка, который в то же время ничей,— теперь не может удовлетворить страну. Допустимо было создавать культуру на санскрите, на персидском, на английском, пока образование оставалось уделом незначительного меньшинства, пока в политике, управлении, культурной жизни участвовали только верхи населения, некоторые члены высших каст у индусов и представители военно-феодалных слоев у мусульман. Сейчас же ни санскрит, который знают лишь ученые пандиты, ни персидский или английский, которыми владеют не более 2% населения, не отвечают целям всестороннего культурного развития и политической консолидации Индии.

Кроме того, еще со средних веков отмечался бурный рост местных языков и местных культур. Совершенствовались языки, корнями своими уходящие в глубокую Древность, вроде тамильского. На протяжении XVI—XIX вв. появилась литература на всех остальных письменных языках Индии.

В Конституции, вступившей в силу 26 января 1950 г., официальным языком республики объявлен «хинди в письме деванагари».

Что это значит? В XV—XVI вв. в Северной Индии из разнородных компонентов (бытовавших здесь пракритов, ведущих начало от санскрита, элементов, принесенных мусульманами персидского и арабского языков) сложился язык хиндустани. Этот единый разговорный язык имел две литературные формы — хинди и урду. Писатели хинди использовали санскритскую форму письма (деванагари) и употребляли больше санскритских слов, а писатели урду—арабский шрифт и вводили в текст слова из арабского, персидского и афганского языков. Хинди стал языком североиндийских индусов, а урду — языком мусульман. Те и другие прекрасно понимали друг друга — грамматика была одинаковой, а общеупотребительные слова, откуда бы они ни пришли, знали все. Так и получилось, что в Северной Индии одновременно существуют как бы и один и два языка. Причем если когда-то наблюдалась тенденция к их слиянию, то в последние годы они начали расходиться. Новая терминология заимствуется одними только из санскрита, а другими — исключительно из персидского.

В чем преимущества хинди, позволяющие ему претендовать на роль официального языка государства? Прежде всего его распространенность. Жители пяти штатов — Харианы, Уттар Прадеша, Мадхья Прадеша, Раджастхана, Бихара — всего около 220 млн. человек, т. е. около 45% населения, говорят на его диалектах. Затем, близость к санскриту, некогда языку культуры, слова которого нередко бывают понятны многим другим народам. Наконец простота грамматики.

Однако есть и серьезные противопоказания к его распространению. Это довольно новый язык, не имеющий давних традиций. Социально-политическая и техническая терминология перенесена в него из английского или искусственно создана из «санскритских» конструкций, никогда не употреблявшихся в санскрите. Самые решительные противники введения хинди в качестве официального языка — тамилы и бенгалцы, языки и культура которых действительно древнее и более развиты.

Любопытно, что наиболее многочисленный народ в Индии, который должен дать свой язык всей стране, не имеет самоназвания. На бенгали говорят бенгалцы, на телугу — андра, на ория — ориссы. А на хинди? На хинди говорят «хинди спикинг пипл» — люди, говорящие на хинди. В научной литературе был изобретен термин хиндустанцы. Но в Индии можно услышать: «Я— бенгалец» или «Я—гуджаратец», но никто не скажет: «Я — хиндустанец».

Таким образом, хинди может сыграть роль языка-объединителя, но может послужить и фактором разобщения индийских народов. Все зависит от методов и темпов его распространения. Конституция, объявившая хинди официальным языком, целым рядом оговорок сделала его не обязательным, а лишь желательным. Во-первых, английский в качестве государственного языка еще не отменен. (Он был сохранен на 15 лет, после чего его дальнейшая судьба должна была стать предметом рассмотрения. 15 лет прошло, но отменять его употребление рано — хинди пока не занял его место. Парламент продлил этот срок опять на 15 лет.) Кроме того, в Конституции предусмотрено, что каждый штат может сам решать, какой язык будет официальным внутри штата.

Эти ограничения, учитывающие фактическое положение вещей, по мнению крайних националистов, давно пора снять. Они считают возможным немедленно перейти к повсеместному употреблению хинди.

Вспоминается случай, происшедший несколько лет назад. Тогдашний президент страны С. Радхакришнан, андхра по национальности, обратился к парламенту с речью, как обычно, на английском языке. Представители правой оппозиции подняли шум — глава государства не должен говорить на чуждом стране языке — и потребовали, чтобы он говорил на хинди. Но Радхакришнан не знал хинди. Что ж, заявляли националисты, пусть тогда вообще не обращается к парламенту.

В последние годы объектом ненависти шовинистов стали английские буквы на номерах машин. По Дели было опасно ездить, если номер начинался с двух английских букв (конечно, исключение составляли CD — «Дипломатический корпус»). Их начали заменять транслитерацией на хинди. Но, допустим, английское «р» — это не «п» и не «пэ», а «пи», английское «h» — это «эйдж» и т. д. И вот теперь на номерах машин красуются целые надписи на хинди. Например, вместо WH — «даблью-эйдж». Это, конечно, не облегчает работу дорожной полиции и регулировщиков. А главное, надпись ведь все равно остается английской, хотя в ней нет латинских букв.

Ярым сторонником хинди хотелось бы выкорчевать не только английский, но и язык-близнец урду. В Варанаси в 1968 г. был избран новый муниципалитет, в который вошло несколько мусульман. В этом не было ничего удивительного — во многих североиндийских городах мусульмане составляют значительный процент населения. Конфликт возник по вопросу о том, на каком языке члены муниципалитета — мусульмане должны приносить присягу. Они избрали, конечно, урду, а мэр города Шьям Мохан Агравал, принадлежавший, кстати сказать, к партии «Джан сангх», требовал присяги на хинди или по крайней мере на английском. Поддержал мэра и главный судья, заявив, что не может принимать присягу на языке, которого не понимает. В свою очередь, мусульмане заявили, что не станут приносить присягу на непонятном для них языке. Когда я покидал Индию, конфликт продолжался, хотя всё была ясна его беспочвенность: присяга устная, а разговорные урду и хинди почти не отличаются друг от друга.

Интересно, что Дж. Неру, хорошо владевший хиндустани, как правило, не употреблял того рафинированного хинди, наполненного санскритизмами, который сейчас пытаются сделать общеиндийским языком. Он предпочитал пользоваться многочисленными синонимами вне зависимости от того, были ли они «мусульманского» или «индусского» происхождения. Это делало его речь особенно красочной и богатой. Возникло даже специальное словосочетание «Пандитджи ки забан» («язык Пандитджи»).

Серьезное положение сложилось в четырех южных штатах и в Западной Бенгалии. Здесь широко распространено излишне критическое отношение к хинди как к языку базаров и толпы. Местные националисты проповедуют преимущества своего языка, который им кажется наилучшим.

Недовольство базируется не только на эмоциях. Есть у него и материальная подоснова. Прием на государственную службу происходит после экзаменов, которые проводятся на английском. В этом случае представители всех национальностей Индии имеют равные шансы сдать экзамены. Но правительство собирается проводить их на

хинди. Тогда, несомненно, преимущество получают те, для которых хинди родной язык, они в основном займут вакансии, они станут фактически править страной.

Сейчас для нехиндиязычных штатов официально принята так называемая трехязыковая формула. Во внутренней переписке ведомств и в сношениях с центром разрешено употреблять один из трех языков — английский, хинди или региональный. Предполагается ввести хинди в качестве третьего обязательного языка во всех школах. Официальные объявления, названия станций на дорогах и т. п. также должны быть на трех языках. Все эти мероприятия рассматриваются как переходные к повсеместной замене английского языка языком хинди.

Но даже этот темп оказался слишком быстрым. В 1967—1968 гг. по южным штатам прокатилась волна протестов, сопровождавшаяся кровопролитиями, разрушениями. Я застал лишь отзвуки этой волны — надписи «Долой хинди» на зданиях и в витринах Мадраса, Бангалура и других городов.

В Бангалуре было особенно много бумажных билетиков с английскими буквами DWH (сокращение от «Down with Hindi» «Долой хинди») на стенах, на витринах, на ветровых стеклах автомобилей. Это не значило, что в городе так уж много противников хинди. Просто хозяева магазинов и автомашин сами себе выдавали охранные грамоты или пропуска, чтобы студенты, основные зачинщики беспорядков, не сожгли автомашину или не разбили витрину.

В Майсуре я жил на незадолго до того реконструированной улице Чама-раджа дабл роуд. «Дабл» — по-английски значит «двойная». Ее расширили и разделили пополам. На панели, разделявшей левую и правую проезжие части, были установлены фонари современной формы, светившие, надо полагать, дневным светом. «Надо полагать» потому, что при мне они не светили. За несколько месяцев до моего приезда в городе состоялась большая студенческая манифестация, протестовавшая против введения хинди. Студенты выразили свои патриотические чувства, разбив фонари.

Трехязыковая формула на железных дорогах Юж-ной Индии выглядит так: названия станций можно прочесть только на английском и местном, буквы хинди грубо замазаны черной краской.

В начале 1968 г. правительство Мадраса организовало Международный конгресс тамиловедов, задуманный как всемирная демонстрация величия и древности дравидийской культуры. Ухнули огромные суммы на устройство шествий, издание сувенирных книг, установление позолоченных скульптур историческим деятелям — тамилам и героям эпических поэм.

Центральное правительство откликнулось на конгресс выпуском специальной марки. В день открытия ее начали продавать на Центральном почтамте Мадраса при огромном стечении народа. Первыми в очереди у окошечка стояли министры во главе с Аннадураем, который хотел закупить несколько сот марок. Вдруг он нахмурился, покраснел и швырнул лист обратно в окошечко. Оказалось, что надписи на марке были сделаны на английском и хинди, а тамильским было лишь одно слово: название на корешке изображенной книги «Тирукурал». Праздник обернулся скандалом.

В Западной Бенгалии волнения по поводу хинди были тоже, но слабее. Там даже мусульмане говорят на бенгальском, а не на урду, и все настолько убеждены в преимуществах своего языка, что никому даже в голову не пришло, выполнять распоряжения центрального правительства о трехязыковой формуле.

Есть и еще различие между Югом и Бенгалией. Дравиды понимают, что ни один из их языков не может стать общеиндийским, и потому они пока защищают английский как язык общения между людьми разных штатов. Для бенгальцев же их язык лучше любого, в том числе и английского. Они находят глубокое удовлетворение в том факте, что переводов с бенгали в мире гораздо больше, чем переводов с любого другого индийского языка, включая хинди. Хотя бенгальцев в Индии не так уж много, около 40 млн., они уверены, что без их языка страна не обойдется.

Решить языковую проблему в Индии нелегко, но нужно сделать это во что бы то ни стало. Иначе могут повториться волнения 1967—1968 гг. и произойти еще более серьезные события.

Главное, что мешает решению языковой проблемы, — желание решить ее одним махом и побыстрее. Индийцы унаследовали от недавних британских хозяев благоговейную веру в могущество «Акта», т. е. закона, принятого парламентом. Сторонникам хинди кажется, что стоит объявить его обязательным, и все будет в порядке.

Между тем если бы вдруг оказалось возможным провести в парламенте такой закон, это означало бы наступление грозных и несчастных дней для страны.

Рост национальных (региональных, как их называют в Индии) чувств и настроений — несомненный факт политической и культурной жизни. И с этим фактом необходимо считаться. Будущее страны зависит от того, как этот неизбежный процесс будет сочетаться с ростом осознания индийской общности. Благоприятное сочетание может сложиться только в том случае, если национальные языки и национальные культуры не будут ущемляться в интересах одного языка и одной части населения.

В Мадрасе в аспирантском общежитии я однажды попросил принести мне газету на тамильском языке. Это известие взбудоражило всех обитателей. Ко мне в комнату набились люди, и, пока я с трудом разбирал текст, пользуясь словарем, рассеявшиеся на стульях и кровати аспиранты благоговейно взирали на меня. Этот иностранец знает их язык! Пусть он знает его плохо, но он хочет его знать! Не последнюю роль в радостном оживлении играл «Тамильско-русский словарь», выпущенный Государственным издательством иностранных и национальных словарей в Москве в 1960 г. Каждый подержал его в руках и умилился: подумать только, в далекой Москве интересуются их языком.

Кстати, один из составителей этого словаря стал знаменитым в Тамилнаде. Он год прожил в Танджуре, прекрасно знал язык и носил национальную одежду, принял древнее, исконно тамильское имя Шембиян, и никто не помнил его настоящей фамилии: С. Г. Рудип — преподаватель Ленинградского университета. За точность сведений не ручаюсь, потому что получил их не от самого Рудипа, а от его восторженных тамильских почитателей, склонных к преувеличениям.

Как правило, обострение национального вопроса связывают с развитием капитализма: крепнущая буржуазия хочет утвердиться прежде всего на своем национальном рынке и для этого установить границы, административные, государственные, таможенные.

Хотя содержание национального вопроса, как мне кажется, шире проблемы внутреннего рынка и национальные чувства растут под влиянием многих, не только экономических факторов, создание «собственной» буржуазии действительно играет большую роль в усилении сепаратизма в Индии.

Дело в том, что та «национальная» буржуазия, которая боролась с колонизаторами за «свой», индийский рынок, была вовсе не «своей» для многих индийцев. Она принадлежала в основном к выходцам из Западной Индии — гуджаратцам, марварям, парсам, которые, однако, владели предприятиями и в Северной Индии, и в Бенгалии, и на Юге.

После достижения независимости активизировалось экономическое развитие почти всех областей, стала расти именно национальная — маратхская, бенгальская, тамильская и т. д. — буржуазия. И требования «лингвистических штатов», все чаще выдвигавшиеся в конце 40-х — начале 50-х годов, отражали, в частности, интересы этой мелкой и средней буржуазии.

Сейчас лингвистический принцип победил. В 1956 г. старая система административных границ, создавшаяся в ходе британского завоевания, а потом в результате слияния ряда мелких княжеств в 1947—1949 гг., система, совершенно не учитывавшая национальную принадлежность населения, объединявшая людей разных народов и разрезавшая один и тот же народ на две-три-четыре части, была отменена.

Район расселения каждого народа выделялся в самостоятельный штат. Крупные нации Индии получили свои территории, а учитывая права автономии, имевшиеся у штатов и до этого, свою, хотя и ограниченную, государственность.

Казалось бы, все в порядке. Национальная буржуазия, наконец, пришла к власти в своем доме и может распоряжаться его ресурсами. В действительности все обстоит сложнее. Во-первых, сохраняется определенный контроль центра и вмешательство с его стороны. Дискуссия о распределении прав между Союзом и штатами продолжается. Штаты добиваются расширения прав в использовании внутренних ресурсов, хотят поменьше средств и продуктов, в частности хлеба, отдавать на общеиндийские нужды и побольше получать из казны на внутреннее развитие. Но это в конце концов естественно при федеративной структуре, противоречия такого рода неизбежны и не страшны, пока они разрешаются более или менее мирно.

Гораздо важнее, что национальная буржуазия штатов оказалась, в свою очередь, не такой уж национальной. Требования административной перестройки звучат вновь и направлены теперь уже против интересов культурно-языкового единства национальностей. Почти в каждом из лингвистических штатов оказались передовые и отсталые районы. И местные «деловые круги», относящиеся, конечно, к передовым экономическим районам, проявили явное стремление развивать дальше именно их за счет отсталых мест. Такую же позицию (вкладывать средства в «перспективные» районы) заняли и правительства штатов.

И вот раздалась, пока еще глухие, призывы выделить, например, Телингану в самостоятельный штат. Чтобы понять всю трагичность этих требований, надо вспомнить, что Телингала — это часть территории, населенная народом андхра, которая до 1956 г. входила в состав княжества (а затем штата) Хайдарабад. Народ андхра одним из первых в Индии начал борьбу за лингвистические провинции. Боевым лозунгом движения было воссоединение андхров Мадраса с андхрами Хайдарабада. Они добились своего. И вот теперь некоторые горячие головы предлагают снова разделить их.

Другая часть бывшего княжества Хайдарабад, Махаратвада, населенная маратхами, вошла в 1956 г. в состав Махараштры. Еще одна территория маратхов, Видарбха, была передана в этот лингвистический штат из Мадхья Прадеша. И в данном случае национальные чаяния были удовлетворены.

Но эти отсталые районы так и не получили равных возможностей с районами, окружающими Бомбей. И сейчас все настойчивее выдвигаются требования отделения Махаратвады и Видарбхи от Махараштры.

Такие сепаратистские движения пока не представляют особой опасности. Но никто не может поручиться, что они не активизируются. Ведь в Индии существуют не только межнациональные, но и межкастовые противоречия. Каста, политически, численно или экономически господствующая в одном районе, стремится сохранить это господство и не уступать его другой касте, более сильной в другом районе. О том, что межкастовые противоречия чуть не сорвали объединение народа каннада в пределах штата Майсур, я уже говорил. Подобные противоречия существуют и в других областях.

Кроме крупных народов в Индии проживают мелкие народности и племена: бхилы, санталы, кандхи, кхонды и т. п., для национального самоопределения которых пока что не сделано почти ничего. Они тоже в последние годы стали противиться ассимиляции более передовыми народами. Их борьба за свои интересы осложняется тем, что племя не образует почти нигде компактного большинства. Многие его члены разбросаны по деревням бихарцев, ориссцев, гуджаратцев, социально принижены, подвергаются тяжелой эксплуатации как батраки или издольные арендаторы.

Правда, есть территория, заселенная племенами более густо — это так называемый «племенной пояс», тянущийся от границ Западной Бенгалии через Бихар и Ориссу к Гуджарату. Но и тут племена, принадлежащие к группам дравидов и мунда, живут чересполосно. Ни одно из них не может претендовать на какую-то свою территорию.

Эту трудность они стараются преодолеть укреплением межплеменной солидарности, противопоставлением себя всему окружающему неплеменному миру. Ведется очень серьезная агитация за образование штата Гондвана, в который намечается включить гористые и лесистые районы, заселенные в основном племенами разного происхождения и входящие сейчас в штаты Бихар, Орисса и Мадхья Прадеш.

Жители пригималайских районов штата Уттар Прадеш, недовольные тем, что за годы независимости их район так и не продвинулся в своем экономическом развитии, несколько лет назад тоже поставили вопрос о выделении в самостоятельный штат или в административную единицу в составе Уттар Прадеша.

Все названные племена вдохновляются примером административно-политических преобразований в штате Ассам.

Этот самый восточный угол страны, почти совсем отрезанный от остальной Индии территорией Восточного Пакистана,— находка для лингвиста и этнографа. Ассамцы, индоевропейский народ, родственные другим североиндийцам, занимают очень незначительную, хотя и самую важную и плодородную часть штата — долину реки Брахмапутры. К северу, к югу и к востоку от нее высятся холмы и горы, покрытые лесами и населенные в основном монголоидными народами.

Почти сразу же после завоевания Индией независимости они стали бороться за самоопределение. В результате в составе штата была образована автономная область Северо-Восточное Пограничное Агентство. Район обитания племен нагов пришлось выделить в совершенно самостоятельный штат Нагаленд (1960 г.). Однако некоторых вождей это решение не удовлетворило. До сих пор здесь происходят вооруженные конфликты между правительственными войсками и теми нагами, которые требуют полной независимости.

В марте 1966 г. вспыхнуло восстание в округе Мизо на юге Ассама. Местные племена под руководством подпольной организации Национальный фронт Мизо выступили с оружием в руках за «независимость». Подобные движения, по-видимому, не пользуются массовой поддержкой, поэтому войскам удается довольно легко с ними справляться, но они отражают глубокое недовольство жителей этих районов своим экономическим и социальным положением национальных меньшинств. Их желание получить хотя бы элементарное самоуправление закономерно. Индийское правительство это в общем понимает и постепенно расширяет здесь права местных органов власти.

Но трудность возникает также и с другой стороны. Ассамцы долины Брахмапутры почему-то считают, что, раз англичане некогда создали провинцию Ассам, включавшую территории окраинных племен, а после освобождения страны штат того же названия сначала сохранялся в прежних границах, они имеют право управлять людьми, ничем с ними не связанными, кроме соседства. Они в свое время резко критиковали образование Нагаленда и Северо-Восточного Пограничного Агентства, продолжают выступать против административных реформ в штате, говорят о «вивисекции», производимой центральным правительством, и выдвигают лозунг «Ассам для ассамцев!» Он направлен как против бенгальцев, захвативших прочные экономические позиции в штате, так и против племен, пытающихся отстаивать свою самобытность.

Ассамцы, конечно, экономически более развиты, чем окружающие их племена, но они претендуют также и на ведущую культурную роль. Последняя претензия опирается главным образом на то, что ассамцы — индуисты, а члены племен сохраняют «примитивные» верования или же приняли христианство. Доказать преимущества индуизма по сравнению с анимистическими культами невозможно. Аргумент, выдвигаемый ассамцами в качестве главного, что они вегетарианцы, а горцы едят свинину и пьют пиво, доказательством, разумеется, считать трудно.

Действительно, многие племена или части племен приняли христианство, но это значит, помимо всего прочего, что они в массе грамотнее «передовых» ассамцев. Между тем программа «консолидации» Ассама предусматривает введение в школах на

племенных территориях ассамского языка в качестве обязательного предмета. Члены племен понимают, что знания только родного языка недостаточно, чтобы развивать собственную культуру и хозяйство. Они готовы изучать английский или хинди, но против ассамского, столь же чуждого им, как и все остальные языки, они возражают.

Противоречия в области культуры, конечно, усиливаются и столкновениями в сфере административной. Племена все более явственно осознают, что они сами могли бы решать свои дела и обойтись без чиновников-ассамцев.

26 января 1968 г. в День республики, всенародного праздника, отмечаемого по всей стране, в Гаухати состоялась демонстрация, в основном студенческая, под лозунгом «Ассам для ассамцев!» Она была отнюдь не мирной и окончилась погромами живущих в столице штата членов племен — наиболее обездоленной части жителей — стычкой с полицией и человеческими жертвами.

Правительство учредило комиссию для расследования беспорядков и во избежание дальнейших столкновений ввело в штат подразделения Центральной резервной полиции, т. е. внутренние войска.

Когда я приехал в Гаухати в конце августа 1968 г., там, казалось, все было спокойно. Правительственная комиссия, занявшая многоэтажный особняк в центре, неторопливо работала. На улицах поддерживался порядок.

Я жил в гест-хаузе, расположенном рядом с центральным стадионом. Как-то, возвращаясь домой вечером, я услышал тугие удары по мячу. Сердце болельщика разыграло, я не удержался и пошел на стадион, где, как оказалось, шел футбольный матч на Кубок между командами Ассамской полиции и Восточной железной дороги из Калькутты.

Был период муссона, размокшее поле не позволяло игрокам проявить даже те физические и технические способности, которыми они, несомненно, обладали. В целом матч не доставил большого удовольствия. Раза два он прерывался: с трибун летели в игроков камни (конечно, в бенгальцев, а не в своих). Я это принял за обычное выражение футбольных страстей, отличающееся, как известно, большим разнообразием.

Все началось потом, когда матч закончился. Позже я возблагодарил судьбу, вернее приобретенную на московских стадионах привычку ни секунды не оставаться на трибуне после финального свистка. Если бы я, как делают некоторые «ненастоящие» болельщики, подождал, пока схлынет толпа, неизвестно, что со мной было бы.

Пробившись сквозь узкие ворота стадиона наружу, я увидел плотные ряды грузовиков и людей в хаки с винтовками. В тот же момент в воздухе засвистели камни. Это молодые люди, уже выбравшиеся за внешнюю ограду, выражали свои чувства к Центральной резервной полиции.

Минуты три та оставалась в растерянности, а затем с устрашающим криком, что-то вроде «У-у-а-х!», пошла с примкнутыми штыками в атаку. Толпа рассеялась. Но это было только начало. Отступив, молодежь, в том числе мальчишки, явно школьники, собрались в другом месте и стали подбирать с земли новые камни. Они бросили их, а при приближении отряда подняли руки вверх, демонстрируя свою непричастность и лояльность. Полицейские с криком пронеслись мимо, а ребята снова подняли камни. Позже в ход пошли палки, выдернутые из земли, столбы, на которых держалась ограда, а также железные складные стулья, стоявшие на трибунах. Но это оружие ближнего боя было обращено, конечно, не против полицейских, а против трибун, стекол и гест-хауза. Его первый этаж был разбит. Полицию же обстреливали оружием дальнего боя — камнями и бутылками с содовой, добытыми в буфетах стадиона и гест-хауза.

Затем раздались выстрелы (как оказалось впоследствии, полиция стреляла в воздух). Толпа, ворвавшаяся в дом для приезжих, была окружена. В холле первого этажа производился предварительный, отбор — кого арестовать, а на ступеньках лестниц, ведущих наверх, мальчишки с бутылками содовой воды в руках готовились вступить за арестованных.

Бессмысленность этой стычки и производимых разрушений усиливалась тем, что я никак не мог понять, так сказать, диспозицию: одни полицейские бегали с примкнутыми штыками, получали удары камнями и принимали на свои головы мебель, сыпавшуюся с трибун, другие же в это время спокойно разгуливали, добродушно переговариваясь с «мятежниками». Лишь на другой день мне объяснили, что объектом вражды и нападения являлась Центральная резервная полиция, а местная, ассамская была даже рада, что на ее конкурентов свалились такие неприятности.

Это делало понятным не только ход событий 30 августа, но и их причину. Случившееся было эпизодом движения «Ассам для ассамцев», за вывод из штата Центральной полиции. Понятным становилось и то, почему некоторые ассамские газеты дали совершенно искаженную картину событий. В заметке в «Ассам Трибюн» говорилось: «Столкновение началось внезапно у ворот № 7 стадиона имени Неру (как раз те ворота, через которые выходил я.— Л. А.), когда Центральная резервная полиция принялась избивать людей, пытавшихся выйти после конца игры». Далее сообщалось, что, спасаясь от избиений, возмущенные и «беспомощные» болельщики разгромили стадион и гест-хауз. 50 человек поступили в госпиталь с увечьями, а один мальчик двенадцати лет умер от штыковой раны в живот.

Великодержавные чувства истинных ассамцев еще До конца 1968 г. подверглись новому испытанию: было объявлено об образовании штата «Кхаси энд Джантия хидлз» (в 1970 г. переименован в «Мегхалая»). Эта территория вблизи прежней столицы Ассамы Шиллонга заселена в основном племенами кхаси и гаро. Здесь не было вооруженной борьбы и кровавых столкновений, но зато действовала крепкая организация — «Всепартийная конференция горных лидеров». Она проводила митинги, посылала делегации в центральный парламент, проявила завидные выдержку и настойчивость, и ее усилия были вознаграждены. Новый штат не полностью самостоятелен. У него общий с Ассамом губернатор, и он сносится с центральным правительством через правительство Ассамы. Но там будет создано свое Законодательное собрание и свое правительство, автономное во внутренних делах.

Создание этого штата — принципиальный шаг индийского правительства, вводящий новый элемент во всю административно-политическую структуру страны. До того Конституция знала лишь два типа административных единиц — самостоятельные штаты и союзные территории, управляемые из центра. Прецедент образования автономного штата внутри другого, может быть, позволит решить многие вопросы, связанные с борьбой мелких народностей за самоопределение.

Помимо национальных и региональных движений, направленных на самоопределение внутри государства, в Индии существуют и другие движения, гораздо более опасные, ставящие целью выход из Союза.

Об одном из них уже упоминалось — о вооруженной борьбе части народности нага. Но это сравнительно малозначающий уголок обширного государства, кроме того, большинство нагов удовлетворено статусом самостоятельного штата, уже ряд лет военные действия не ведутся, и есть основания надеяться на мирное разрешение конфликта.

Еще не так давно движение за отделение от Индии было очень активным также в южных районах, особенно в Тамилнаде. Но, как говорилось, «Дравиды муннетра кажагам», добившаяся крупных политических успехов, действуя под лозунгом образования самостоятельного государства Дравидистана, после акта парламента, запретившего пропаганду сепаратизма, исключила этот лозунг из своей программы. На выборах 1967 г. ДМК пришла к власти в Тамилнаде. Она по-прежнему основную задачу видит в отстаивании интересов тамиллов и считает второстепенной борьбу за интересы Союза, однако, кажется, совершенно забыла о требованиях отделения.

Глубоко распространены сепаратистские настроения в Гоа — маленькой территории на Западном побережье Индии, бывшей колонии Португалии. Она была

освобождена вооруженным путем. Португалия решительно отвергала любые попытки переговоров о передаче Индии этого куска земли, отторгнутого 450 лет назад. В 1961 г. индийские войска просто перешли границу и, почти не встретив сопротивления, сбросили колонизаторов в море. То была акция справедливая и назревшая. Но политическое воссоединение должно дополниться воссоединением культурным и экономическим, а это намного труднее. 450 лет изоляции от материка наложили на облик Гоа и его жителей неизгладимый отпечаток.

Это связано прежде всего с католицизмом. Португальцы не жалели усилий, чтобы подчинить гоанцев политически и морально, прививая им «истинную» веру. Они использовали все, включая инквизицию и дискриминационные законы. Одно время нехристианин даже не мог владеть землей. Сейчас католичество исповедует большинство населения, а местная интеллигенция и чиновничество — практически целиком католики. В городках Гоа повсюду видны церковные купола, на каждом шагу — черные, белые или раскрашенные кресты, распятия, изображения Христа и мадонны. В монастыре Пилар продолжает функционировать одна из крупнейших семинарий католического мира, где обучение длится 25 лет. Выпускники ее потом получают доступ к высшим церковным должностям.

Тот же монастырь ведет широкую пропаганду «истинной веры» среди «некатолических друзей». За 6 пайс вы можете получить по почте кипу брошюр, не накладывающих на вас никаких обязательств, но «в ясных и простых выражениях» отвечающих на животрепещущие вопросы: «Зачем я в этом мире? Куда я иду? Есть ли Бог?»

С католицизмом связаны серьезные отличия в быту, пище, одежде, обрядах гоанцев.

Другой проблемой является язык. Территория Гоа расположена на границе двух историко-культурных областей, Махараштры и Карнатака. В качестве разговорного языка здесь употреблялся конкани — по мнению одних, вполне самостоятельный, по мнению других — диалект маратхи. Роль языка литературы и управления выполнял португальский. До сих пор гоанская интеллигенция в основном португалоязычна. Конкани, хотя на нем в последние годы издаются газеты и кое-какие брошюры, остается презираемым, «мужицким». Английский и хинди еще не получили распространения.

Когда вопрос о будущем статусе Гоа, ныне союзной территории во главе с присылаемым из центра лейтенант-губернатором, был поставлен на плебисцит, большинство населения высказалось против включения в Махараштру. Местное собрание представителей, не пользующееся законодательной властью, объявило официальными языками территории португальский и конкани. Тем самым было выражено твердое желание сохранить самостоятельность в пределах Индийского союза.

Есть горячие головы, мечтающие о полной независимости, о статусе «вольного города». Они полагают, что этот маленький пятачок суши может существовать, опираясь на трех китов: вывоз железной руды, производство орехов кешью и туризм.

Но в Гоа не хватает продовольствия (из материковой Индии привозят не только рис, но и овощи), здесь нет собственных источников электроснабжения — по нескольку раз в день электричество выключается, чтобы обеспечить работу копей. Потребность в электроэнергии будет удовлетворена лишь через несколько лет с вводом в строй гидроэлектростанции на реке Калинади в Майсуре — опять-таки с помощью материковой Индии.

Даже свою внешнюю торговлю Гоа не может успешно развивать без поддержки центра. Недавняя механизация повысила пропускную способность порта очень значительно — с 51 тыс. до 7600 тыс. тонн руды в год. Новый проект предусматривает повышение мощности до 6 тыс. тонн в час. Модернизация, требующая 270 млн. рупий, будет произведена на средства центрального правительства (правда, с привлечением иностранного капитала) и даст свободный выход руде, добываемой как в Гоа, так и в районе Хоспет-Беллари.

Следовательно, экономические и политические факторы не позволяют Гоа существовать в качестве самостоятельного государства, однако это не означает, что подлинная интеграция с остальной Индией может совершиться сама собой. Нужны длительные усилия и максимальное внимание к национальным интересам гоанского народа.

После освобождения территория управляется индийскими чиновниками, присланными из центра. Я уже писал о гигантском росте административного аппарата в стране, Гоа в этом смысле побил все рекорды. За последние семь лет число чиновников там увеличилось в несколько раз, главным образом за счет так называемых делегированных, т. е. прибывших из других частей Индии. Многие из них сразу же заняли важные посты и стали учить местную служилую интеллигенцию, как надо вести дела. Антагонизм между местными и делегированными чиновниками пока не уменьшается.

Его питают также и социально-религиозные противоречия. Гоанцы, по мнению маратхских брахманов, слишком европеизированы. Отсутствие у них пищевых ограничений воспринимается как показатель моральной нечистоты и падения. В свою очередь, гоанцы, среди которых кастовые предрассудки очень слабы, болезненно реагируют на привнесенный индусской бюрократией дух превосходства высших и низкопоклонства низших. Один из видных местных чиновников, д-р Ж. Алмейда, рассказывал мне о том, чем недовольны люди, подобные ему, т. е. сохранившие руководство департаментами. Он особенно упирал на изменение нравственной атмосферы в учреждениях.

— Да, конечно, мы подчинялись португальцам, но именно поэтому между собой мы были равны. Самый высший и самый низший из нас могли находиться в дружеских отношениях. Я мог пригласить своего секретаря к себе домой или выпить с ним в ресторанчике. А новые служащие просто пропитаны духом чиновничества. Они либо саабы — по отношению к низшему, либо слуги — по отношению к высшему. Мы в своей среде смеемся над такими привычками, но вынуждены следовать им, чтобы не заслужить репутацию неприятного или даже опасного человека.

Знакомый уже с порядками в индийских оффисах, я сумел оценить всю печальную значимость этого замечания.

Все же недовольство здесь в основном выражают интеллигенция и имущие слои, землевладельцы, так называемые общинники, которые в результате прогрессивных мероприятий правительства лишились части доходов. Трудности с Гоа вполне естественны и, наверно, будут успешно разрешены в будущем.

Но поистине кровоточащей и в прямом и в переносном смысле раной остается Кашмир. В прямом, потому что на его территории уже дважды велась война с Пакистаном. В переносном потому, что там существует организованное — легальное и подпольное — сепаратистское движение.

Англичане, разделив свои владения в Индии на два государства, предоставили шестистам княжествам право выбрать, в какой из доминионов они вольются. Право это могли осуществить лишь князья, авторитарные владыки, не ограниченные в то время каким-либо собранием представителей или парламентом. Для большинства княжеств вопрос решался почти автоматически: князья-индусы, подданные которых тоже были индусами, вошли в Индию, а княжества с мусульманским населением и главой мусульманином, вошли в Пакистан.

Но два самых крупных княжества оказались в затруднительном положении. В Хайдарабаде жили в основном индусы, а князь (низам) был мусульманином. В Кашмире же население было мусульманским, а князь (махараджа) — индусом. И тот и другой склонялись к мысли остаться независимыми. Все же в Хайдарабаде желание народа остаться в Индии было слишком очевидно, и в 1949 г. княжество просто присоединили к Индии вопреки воле низама.

Кашмир же вынужден был пройти через массу испытаний. Началось с того, что в конце 1947 г. сюда вторглись вооруженные мусульманские племена, поддержанные правительством Пакистана. Лозунг «Освобождение братьев-мусульман из-под индусского ига» не помешал им грабить всех подряд — и индусов, и мусульман. И тогда махараджа, поняв, что у него остается единственный выход, объявил о присоединении Кашмира к Индии.

Индийские войска вступили в Кашмир и сумели остановить племенные ополчения лишь у ворот Сринагара — столицы княжества. Однако выбить их обратно, оказалось невозможным. Было заключено перемирие, в результате которого около трети территории Кашмира сохранилось за Пакистаном под названием «Азад Кашмир» («Свободный Кашмир»).

Так возник «Кашмирский вопрос». Он был поставлен в ООН, послужил запалом к пороховой бочке индийско-пакистанских отношений, взорвавшейся в 1965 г., усложняет и теперь сосуществование двух государств.

Непросто сложились отношения между Кашмиром и центральным индийским правительством. Сперва штату была предоставлена очень широкая автономия, многие положения Индийской конституции на него не распространялись. Потом главный министр его Шейх Абдулла выдвинул идею независимости Кашмира, гарантированную ООН. Его обвинили в измене, арестовали, а «особые права» Кашмира постепенно урезали.

Возможно, что для объективного изложения событий в Кашмире за последние 20 лет не настал еще срок. Здесь причудливо переплелись вполне понятное стремление масс к улучшению своего положения, религиозные противоречия, шовинистические поползновения местных лидеров, происки западных государств, прежде всего Соединенных Штатов.

Надо сказать, что националистическим лидерам удалось в значительной мере направить недовольство масс в русло требований широкой автономии или даже независимости.

Когда я приехал в Сринагар в октябре 1968 г., там проходила Национальная конвенция, т. е. конференция всех кашмирских партий, возглавлявшаяся незадолго до того выпущенным из тюрьмы Шейхом Абдуллой. По мысли ее организаторов, конвенция должна была потребовать проведения плебисцита. Это основной лозунг Фронта плебисцита, националистической организации Шейха Абдуллы. Однако среди делегатов оказалось много трезвых деятелей, высказавшихся за «решение кашмирского вопроса в пределах Индийского союза».

Говорят, что в Кашмире существует и подпольная вооруженная организация, ратующая за присоединение к Пакистану. Она устраивает террористические акты и ведет поджигательные радиопередачи. Я, конечно, не встречался с ее представителями. Но активисты Фронта плебисцита часто бывали моими собеседниками. Признаюсь, аргументация их часто казалась мне неубедительной, а позиция узкой и недальновидной. В основном они напирала на свои национальные права.

— Мы требуем только одного — пусть нас, кашмирцев, оставят в покое и позволят самим решать свои дела.

Я пытался узнать, какую внутривластную программу собираются проводить в жизнь сторонники Фронта плебисцита.

— А мы еще об этом не думали, — отвечали мне. — Вот добьемся независимости, тогда решим.

Это безразличие к главным проблемам, волнующим массы, демонстрирует, с одной стороны, фактическое неверие членов организации в возможность успеха, с другой — вполне понятное желание объединить вокруг себя все население штата — от капиталистов до издольщиков и пастухов, не оттолкнуть никого из них программой сколько-нибудь радикальных реформ.

Обычно национальное движение несет в себе более или менее сильную демократическую струю. В кашмирском движении такой струи почти не чувствуется, ее подавили открыто националистические, сепаратистские лозунги.

Между тем подспудным основанием широкого недовольства, которое выражается в сепаратизме, служит бедственное положение именно народных масс. Появившаяся в последние годы кашмирская мелкая буржуазия, высшее чиновничество, бывшие помещики, принадлежащие в основном к касте кашмирских брахманов-пандитов, в общем, вполне удовлетворены своей жизнью. Аспирант из Сринагара рассказывал мне, что он произвел специальное исследование, желая найти ответ на вопрос: кто в Кашмире сейчас процветает? Он пришел к выводу, что 350 семей, принадлежащих к разным социальным группам, разным кастам, разным религиозным общинам и даже формально к разным политическим партиям, образуют тесный союз и держат в своих руках экономику, администрацию, вершат политику в штате. Государственные субсидии на развитие Кашмира попадают в карманы их и их сторонников. Именно создавшаяся ситуация, при которой Индия вынуждена тратить большие средства на улучшение экономического положения штата, более всего устраивает местную элиту.

Если, мой молодой знакомый прав, картина национального движения в штате становится просто мрачно-трагической. Народ выходит на демонстрации и выдвигает требования, думая, что борется за свои национальные права и социальное равноправие, а все его усилия уже скалькулированы на арифмометрах как дополнительные суммы прибыли для верхних трехсот пятидесяти.

Так это или не так, но недовольство кашмирцев имеет очень серьезную экономическую подоснову. Хотя в первые годы после независимости, когда ведущее положение в правительстве занимали левые силы, в штате была проведена радикальная земельная реформа, состояние сельского хозяйства по-прежнему тяжелое. Нищие арендаторы, получившие крошечные участки, остались такими же нищими. Они нуждаются в финансовой помощи, семенах, организованном сбыте продукции, производственной кооперации. А на все это нужны деньги.

Помимо фруктов, Кашмир славится мехами, шерстью, лесом и изделиями народных промыслов из шерсти, дерева, драгоценных камней и т. п. Местные шали (кашемировые, как их когда-то у нас называли) — это чудо прядения и ткачества. Необыкновенная мягкость и тонкость достигаются только и исключительно ручным трудом, мастерством, передававшимся от поколения к поколению. Сами ремесленники, изделия которых дают Индии значительные резервы иностранной валюты, живут в тяжелых условиях. Им тоже нужны кредиты и электричество для элементарной механизации.

До сих пор в Кашмире нет железной дороги — он связан с остальной страной только автомобильным и воздушным сообщением. Реки его текут в Пакистан. В результате разработка ценных пород древесины в последние годы не расширяется, а даже сокращается.

Другими словами, для развития этого богатого края требуются большие вложения.

Индийское правительство это, конечно, понимает. Оно выделяет значительные средства на подъем экономики Кашмира. Индийцы из других штатов выражали даже недовольство по поводу того, что ему перепадает из централизованных фондов слишком много. Кашмирцы же, напротив, считают, что Индия в целом получает от них больше, чем дает. Проверить это нельзя — отсутствуют официальные цифры. Но, несомненно, общегосударственные средства здесь расходуются в основном на поддержание экономики, а не на ее развитие. В частности, немалая их часть тратится на сохранение низкой цены на рис, что позволяет кашмирским крестьянам и ремесленникам по крайней мере не умирать с голоду.

Несомненно также и то, что часть средств попадает в карманы местных торговцев и подрядчиков, которым поручается строительство дорог, электростанций и т. п.

Энергичный министр промышленности Кашмира Пир Гийяс-уд-дин в беседе со мной был полон оптимизма, рассказывая о плане развития производства электроэнергии и лесного хозяйства. Но пока что образ Кашмира в моей памяти ассоциируется с фигурой обездоленного ремесленника, который сидит на пороге своей мастерской, завернувшись во что-то вроде бурки с болтающимися рукавами, и, чтобы согреться, прижимает к груди кангри — оплетенный горшочек с углями.

19. ПО КАКОМУ ПУТИ?

Этот вопрос встал перед Индией задолго до достижения независимости и до сих пор занимает экономистов и социологов, администраторов и политиков. Как Индии развить хозяйство, чтобы сделать, это, во-первых, максимально быстро, а во-вторых, с наибольшей выгодой для всех?

Еще М. К. Ганди, отнюдь не социалист или коммунист, резко высказывался против капиталистической системы с ее погоней за наживой и резкой диспропорцией между богатством и бедностью. Дж. Неру, возглавивший правительство самостоятельной Индии, считал себя социалистом, призывал построить общество социальной справедливости без эксплуатации. Его взгляды вылились в конце концов в резолюцию о создании «общества социалистического образца», принятую на сессии Национального конгресса в Авади в 1956г.

Однако резолюции не могут отменить реальной жизни. Индийский капитализм начал развиваться без всяких резолюций, и к 1947 г. его история насчитывала уже почти сто лет. На чисто капиталистической основе возникли текстильная, джутовая, цементная, сахарная промышленность, первые металлургические предприятия. Сложился национальный рабочий класс, выступивший на борьбу за свои права. Капитализм проник, правда, в гораздо меньшей степени, и в деревню, стали расти кулацкие хозяйства.

Новое правительство Индии должно было либо решиться на ломку сложившихся отношений, на национализацию основных отраслей промышленности, на социальную революцию, либо пытаться реформировать, улучшить уже имевшуюся капиталистическую систему. Правящая партия выбрала второй путь.

И конечно, не случайно. Конгресс, всегда стремившийся быть партией «всего народа», выражал многие интересы буржуазии, ряд его руководящих деятелей были тесно связаны с нею, они сами вышли из помещичьих или буржуазных кругов, и, собственно говоря, перед ними сформулированная выше дилемма даже не стояла.

Но было совершенно ясно, что и на путях обычного капитализма Индия не сможет решить насущные проблемы. Путь классической капиталистической индустриализации долгов, приводит к обнищанию масс. А массы ждали от независимости удовлетворения своих нужд, надеялись на достойные условия жизни. Массы бурлили, почувствовав свою силу в ходе освободительной борьбы.

Так родилась идея «третьего» пути, идея «смешанной экономики», построения не капитализма и не совсем социализма, одним словом, «общества социалистического образца».

Что это за образец, не разъяснялось ни в резолюциях, ни в речах государственных деятелей, ни в научных статьях. Не вызывало сомнения только, что, как и при капитализме, в нем будут существовать частная собственность и частное предпринимательство, но зато, как при социализме, не будет богатых и бедных.

Предполагалось достигнуть этого, во-первых, посредством развития всех видов производства — частного и государственного, мелкого и крупного, промышленного и сельскохозяйственного;

во-вторых, посредством ограничения частного предпринимательства. Государство берет на себя развитие ключевых отраслей промышленности — тяжелой и военной. Оно

же регулирует рост частных предприятий, выдавая лицензии на строительство новых заводов, а также на приобретение сырья и оборудования;

в-третьих, через защиту государством мелкого производства (ремесленников, крестьян, мелких капиталистов) от конкуренции крупных предприятий, от ростовщичества и т. д.;

в-четвертых, через установление «мира» в промышленности — поддерживая «справедливые» требования Рабочих, касающиеся повышения заработной платы, но и не обижая капиталистов.

В результате постепенно поднимется жизненный уровень всех, сократится разрыв в доходах между бедными и богатыми и Индия будет приближаться к «демократическому социализму».

Эта программа была бы прекрасной, если бы она могла, быть выполнена. Однако задачам развития экономики страны, остающейся, разумеется, капиталистической, она вполне может служить и служит вот уже более 20 лет, хотя, конечно, заложенные в ней противоречия все время колеблют экономическую конъюнктуру, тревожат общественное мнение.

Начнем с успехов. За годы действия трех пятилетних планов (1951—1966 гг.) выпуск промышленной продукции вырос почти в три раза и продолжает расти примерно на 7—8% в год. Много это или мало? Много, потому что Индия впервые в своей истории двинулась вперед такими темпами и потому что эти показатели выше, чем в целом по капиталистическому миру. Мало, если учесть громадное отставание в прошлом и нужду народного хозяйства в товарах. Очень много и очень важно, если вспомнить, что в эти годы Индии пришлось по существу заново осваивать ряд отраслей, совсем отсутствовавших в колониальный период или же представленных в то время лишь отдельными заводами, — черную металлургию, нефтяную промышленность, химическую, машиностроение, производство электроэнергии. Можно долго рассказывать о новых заводах, об изделиях с маркой «Сделано в Индии», впервые появившихся на внутреннем и международном рынках. Но лучше оставить эту тему для экономиста и ограничиться личными впечатлениями.

Ряд районов этой древней страны принял совершенно новый, индустриальный вид.

Прежде всего надо упомянуть Бхилаи — город, выросший в сухой степи Центральной Индии вокруг металлургического комбината, сооруженного с помощью СССР. Конечно, производственные здания, домны, мартены, громадные склады, подъездные пути превалируют в ландшафте. Однако привлекает и сам город, расположенный поодаль, с прямыми мощеными улицами, аккуратными современными домами, с вновь заложенными скверами и парками. Облик будущей Индии уже проглядывает здесь.

Грандиозны плотины, возведенные на реках Сатледж (Бхакра-Нангал), Тунгабхадра, Маханади (Хиракуд). Строительство их преследует несколько целей — производство электроэнергии, орошение, борьбу с наводнениями, улучшение условий судоходства.

Таких необычных ландшафтов и новых городов в стране уже сотни: Дургапур, Асансол, Ранчи, Руркеда, Нейвели и другие.

В 1968 г. мне довелось ехать в поезде по Гуджарату поздним вечером, почти черной ночью. Всю дорогу вдаль маячили красные факелы нефтяных вышек. Когда-то Индия не имела своей нефти и считалось, что ее нельзя там найти. Теперь с помощью СССР и Румынии нефть найдена, причем в количестве, которое покроет все нужды страны. Активная разведка продолжается на территории Гуджарата. Планируется вскоре бурение на море — нефть будут добывать со дна Камбейского залива.

Гербом штата Ассам служит скачущий носорог. Теперь он скачет на пузатых боках цистерн с ассамской нефтью и бензином, отправляющимися во все концы страны. Он стал фирменной маркой государственной компании «Ассам Ойл». А герб пора менять:

носорогов все меньше, а нефтяных вышек — все больше. В Барауни и Гаухати построены нефтеперегонные заводы.

Среди наиболее ярких впечатлений поездки 1968 г.— совершенно новый облик пригородов Дели, Бомбея и других городов. Оки растут не только за счет жилых кварталов, но и за счет фабрично-заводских районов. В основном предприятия эти мелкие, их роль в производстве не так уже велика, но значение их в экономике измеряется не только этими показателями.

Прежде всего развитие мелкого предпринимательства, защита его от конкуренции — часть программы правительства, и она выполняется. Если предприятие имеет элементарную механизацию (электродвигатели), если оно может рассчитывать на государственный кредит и если его сбыт более или менее обеспечен контрактом с правительственным ведомством или с частной фирмой, оно процветает, поскольку ограждено от конкуренции крупного производства.

Государство основывает так называемые промышленные участки, т. е. застраивает кусок земли производственными зданиями, подводит к ним электричество, газ, водопровод и затем сдает их мелким предпринимателям за номинальную ренту. При наличии у человека нескольких тысяч рупий он легко может стать капиталистом, мелким, конечно, но с перспективой роста. И пока он не окрепнет и его предприятие не перерастет рамки, официально установленные для «мелкого» производства, он не будет платить налогов и будет получать всевозможную помощь со стороны государства. Однако он не может стать крупным капиталистом, потому что, наняв двадцать первого рабочего и вложив в дело сто тысяч первую рупию, автоматически лишается кредитов и поддержки и оказывается один на один с монополистическим капиталом.

В расширении мелкокапиталистического класса руководители сегодняшней Индии видят один из путей к социализму. Путь; конечно, по меньшей мере странный.

Но развитие мелкой промышленности, хотя оно, разумеется, не может привести ко всеобщему благоденствию, играет в настоящее время благотворную роль. Оно улучшает общую деловую конъюнктуру в стране, учит мелких собственников «культурному» хозяйствованию, превращает забытых и разобщенных кустарей, нанимающихся на такие предприятия, в отряд рабочего класса, самое же главное, повышает материальный уровень жизни десятков миллионов человек, которые имеют теперь постоянную работу.

Тот, кто знает, как трудился и еще нередко трудится индийский кустарь — в своем доме, в тесноте и темноте,— должен радоваться, видя того же кустика, работающего часто традиционными методами и старыми орудиями, но в чистом, светлом зале, полном воздуха и потому не столь душном. Надо сказать, что мелкие фабрики, которые усыпали предместья городов, не портят их внешний вид. Современная архитектура и яркие краски оставляют даже некое праздничное впечатление, не исчезающее, когда заходишь внутрь.

И хотя известно и по рассказам, и по документам, что рабочих, особенно на мельчайших предприятиях, продолжают жестоко эксплуатировать, все же видишь и здесь приметы будущей, вероятно, более счастливой Индии. Им стало все же легче, чем раньше, когда они были «самостоятельными» бедняками или же вовсе безработными.

Положение рабочих в крупной промышленности также изменилось к лучшему. Приняты законы, устанавливающие максимум рабочего дня (8 часов), минимум заработной платы. Официально признано, что рабочие не должны страдать от роста цены на товары — введена «надбавка на дороговизну», о которой уже говорилось. Надбавка разрешена не всем категориям работников, а ее получение связано с постоянной борьбой.

Эта борьба вскрывает основное противоречие нынешнего экономического прогресса Индии — он достигается в основном за счет тех же народных масс, которых должен был бы облагодетельствовать.

Для строительства, модернизации промышленности нужны средства. Пятилетние планы, предусматривая все увеличивающиеся вложения государства в сельское хозяйство,

транспорт, строительство и промышленность, определяют также, откуда поступят нужные средства. Оказывается, что основная доля их приходится на налоги — прямые и особенно косвенные.

Прямые налоги — на доходы населения — не могут вызвать возражений. Правило, что, чем больше человек получает, тем больше он должен вносить на общие цели, справедливо. Однако — и это одна из гримас «смешанной экономики» — как раз самые состоятельные группы капиталистов, местные монополисты, оказываются не слишком обремененными налогами. А что делать? Частный сектор остается пока самым крупным по капиталу (75%), и половина частного капитала принадлежит 75 крупнейшим компаниям. Считается, что подорвать их стремление к самообогащению — значит поставить под угрозу экономическое развитие страны.

Тяжелым бременем на трудящихся ложатся косвенные налоги, т. е. утвержденные государством надбавки к ценам товаров широкого потребления. Есть надбавки, которые сильнее всего чувствуют на себе состоятельные слои — на автомашины, бензин, предметы роскоши, спиртные напитки (простые люди Индии в массе, как я говорил, не пьют). Но есть другие косвенные налоги, буквально выжимающие последнюю пайсу из полуголодных людей, — на соль, керосин, хлопчатобумажные ткани, сахар и т. д. И почти каждый год, изыскивая возможности свести концы с концами в годовом плане, очередной министр финансов Индии увеличивал эти сборы или придумывал новые.

Таким образом, экономические достижения страны в самом буквальном смысле оплачивает индийский народ. Он не может оплатить их все. Даже изобретательность министра финансов не в силах помочь. И правительство прибегает, причем чем дальше, тем больше, к иностранной помощи.

Проникновение иностранного капитала в экономику страны значительно осложняет ее политическое положение. Хотя формально эти займы не связаны условиями политического характера, индийскому правительству приходится очень осторожно действовать как внутри страны, так и на международной арене, чтобы не вызывать раздражения своих западных кредиторов.

Противоречивость экономического развития Индии особенно ясно проявляется в увеличении безработицы. Несмотря на довольно значительные темпы роста промышленности, страна не справляется с задачей повышения занятости. Ведь строятся в основном современные заводы, высокомеханизированные и автоматизированные. Там требуется сравнительно небольшое число рабочих. А прирост населения высок. Так, в третьем пятилетии предполагалось дать работу 14 млн. новых рабочих, а взрослое население за те же пять лет должно было возрасти на 17 млн. человек. И это не исключительный случай. Рост рабочих рук все время обгоняет увеличение рабочих мест.

Так и получается, что, несмотря на рост национального дохода на душу населения, до сих пор более половины индийцев зарабатывают меньше рупии в день, т. е. буквально голодают.

В индийском планировании есть немало других недостатков: некоторые государственные предприятия, еще только набирающие нормальный темп работы и руководимые часто не специалистами, а чиновниками-«универсалами», иногда не приносят прибыли; решения о месте строительства промышленных объектов, о номенклатуре нужных стране товаров иногда принимаются необдуманно, без учета многих факторов; порой утверждаются необоснованные проекты, которые приходится пересматривать.

Хотя потребности Индии в черном металле уже удовлетворены и она может и должна экспортировать чугун и прокат, страна до сих пор совсем не производит многие марки железа и стали, необходимые для современного машиностроения. В то же время сдано в эксплуатацию несколько автомобильных заводов, каждый из которых зависит от

зарубежных поставщиков. Детали, изготовленные из отсутствующих в стране видов стали, ввозятся из-за границы.

Большие неприятности были связаны с гидроэнергетическим комплексом Бхакра-Нангал. Проект, разработанный американскими инженерами еще в 1946 г., не учитывал всех возможностей этого комплекса, потребности окружающих районов в воде и электроэнергии, а также особенностей режима реки Сатледж. В результате на протяжении 1949—1960 гг. он пересматривался 4 раза, причем всякий раз его сметная стоимость увеличивалась. А в 1959 г. сильное наводнение разрушило часть недостроенной плотины и причинило убытки на сумму 11,5 млн. рупий.

Такого рода недостатки — болезни роста, и нет сомнения, что со временем — с накоплением опыта у планирующих организаций и приходом в государственный аппарат технически грамотных специалистов — они будут встречаться все реже.

Но вопрос: что же дальше? — остается все таким же острым. Ясно, что ни одна политическая партия не может существовать, не предлагая своего решения, своих способов вырваться из отсталости и нищеты.

Трудности и grimасы «социалистического» развития служили для ряда партий «доказательством» того, что социализм в Индии немыслим и ненужен. Они считали, что государственные предприятия никогда не смогут соперничать в экономической эффективности с частными фабриками. Что бюрократический аппарат все равно проест государственные доходы. Что миллиарды рупий, вложенные в огромные комбинаты и плотины, обернутся грандиозной растратой национального богатства.

Левые партии, напротив, выражали уверенность, что все несчастья проистекают из того, что государство слишком робко посягает на права частного капитала, что оно не захватывает решительно командные высоты в экономике, оставляя в руках частников важнейшие рычаги — кредит и торговлю.

Партия Национальный конгресс до последнего времени занимала в этих вопросах двойственную позицию. В своей официальной пропаганде она признавала различные недостатки экономического развития (рост безработицы, продолжающуюся нищету, увеличивающийся разрыв между бедностью и богатством) и важность улучшений и реформ. Но основной тон пропаганды был оптимистическим — в общем, все идет хорошо, национальный доход повышается, вот-вот будет решена продовольственная проблема и наступит резкий подъем благосостояния. Беспокоиться не о чем.

Между тем беспокоиться было о чем, и все большее число избирателей приходило к такому выводу. Отсюда постепенное падение престижа Национального конгресса и потеря им власти в ряде штатов.

В 1969 г., после неудачи на дополнительных выборах, проводившихся в четырех штатах, Конгресс вдруг проснулся. «Вдруг» — это, конечно, для красного словца. В партии всегда имелись люди, выступавшие за переход к более активной и более последовательной экономической политике. Но в 1969 г. необходимость сделать выбор — действительно использовать государственную власть для стимуляции экономического подъема или оставить всю затею со «смешанной экономикой» — была осознана и руководителями этой партии. Правда, не всеми. Но большинство пошло за правительством, склонившимся в пользу захвата государством командных высот в экономике.

Были национализированы 14 крупнейших банков, так что теперь в руках государства сконцентрированы транспорт, связь, некоторые важнейшие отрасли промышленности и 85—90% всего кредитного дела. Кроме того, принято решение взять под полный контроль внешнюю торговлю — экспорт важнейших товаров и импорт оборудования.

Основной вопрос, принесет ли индустриализация хотя бы элементарный достаток народу Индии, известному своим терпением, но уставшему от многовековых лишений, остается открытым. Достигнутые пока темпы и методы индустриализации страну

удовлетворить не могут. Если не произойдет радикальных преобразований в экономике, решения этого вопроса нужно ждать еще долгие, долгие годы.

20. ГОВОРИТЕ ЛИ ВЫ ПО-РУССКИ?

Могу засвидетельствовать, что индийцы чрезвычайно тепло относятся к нашей стране и «русским», как называют там всех представителей советских народов.

Рискуя быть заподозренным в «квасном» патриотизме, я все же должен как историк сказать, что особое отношение к России сложилось в Индии давно. Я не имею в виду путешествие Афанасия Никитина в XV в. Это было очень интересное и важное событие, но оно, в общем, прошло незамеченным и в Индии и на Руси. Не имею в виду я и деловые визиты индийцев в Россию и русских в Индию в XVII—XVIII вв.

Но может быть, эти связи сыграли какую-то роль в том, что в первой половине XIX в. в Индии вдруг без всякой видимой причины распространились слухи, что придет с севера «белый царь» и освободит страну от англичан. По некоторым сведениям, о помощи со стороны России мечтали будущие руководители национального восстания 1857 г.

В конце XIX — начале XX в. это мечтательно-идеалистическое отношение к России невольно подкрепили англичане. Выдумав «русскую угрозу» для оправдания своих захватнических планов в Азии и муссируя эту идею на все лады, они возродили среди индийцев смутные надежды на помощь с севера. Все понимали, что «русская угроза», какой бы близкой она ни была, представляет опасность лишь для англичан в Индии, индийцам не будет хуже.

Крупнейший деятель национально-освободительного движения того периода Бал Гангадхар Тилак даже вел переговоры с царским консулом в Бомбее о предоставлении русского оружия местным революционерам.

Бесспорно, совершенно новый этап русско-индийских отношений, отношений, все еще в большой мере «заочных», начался после 1917 г. Свободная Россия стала источником идей освобождения народных масс. Индийские революционеры приветствовали рождение нового государства, провозгласившего социальное равенство и равенство всех национальностей. Некоторые из них приняли участие в работе Коммунистического Интернационала. Под влиянием идей Октября в Индии была создана Коммунистическая партия.

Руководители Национального конгресса М. К. Ганди и Дж. Неру тоже признавали, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории человечества и каждый борец за социальные и национальные права должен внимательно изучать опыт СССР. Идеи социализма, социального равноправия, в частности идея государственного регулирования экономики, нашли место даже в буржуазной по существу идеологии правящей партии.¹

Новый этап сближения наших стран, теперь уже «очного» знакомства, наступил после того, как были заключены экономическое и серия других соглашений между Индией и Советским Союзом.

Участились поездки культурных, парламентских, спортивных делегаций, обмен визитами руководителей государств. Пожалуй, наибольшее значение для обоюдного знакомства имели посылка советских специалистов в Индию для помощи в сооружении разного рода объектов и поездки индийских студентов и инженеров для учебы в вузах и на предприятиях.

Даже мне заметно, как увеличились в Индии знания о нашей стране по сравнению с 1963 г.

В 1968 г. мне почти не пришлось встречаться с людьми, ничего не знающими об СССР или впервые видевшими советского человека.

В течение долгого времени английская колониальная власть, а затем западная пропаганда тщательно «охраняли» индийцев от информации о Советском Союзе и, более того, окутывали нашу страну плотным туманом клеветы.

В 1963 г. еще можно было услышать:

— Верно ли, что у вас нет семьи?

— Неужели у вас все спят под одним одеялом?

За пять лет вопросов не стало меньше, но теперь они не такие примитивные. На них уже не ответить: «Что вы, конечно нет!»

Индия — страна сложная. И в общем дружественное отношение к нашей стране имеет множество оттенков.

Спокойным дружелюбием проникнуты правительственные и деловые круги. В государственном аппарате есть немало людей, которым советский строй совсем не нравится. Они бы предпочли иметь дело с «добропорядочной» буржуазной демократической страной. Но добропорядочная буржуазная страна всегда старается побольше получить за свои займы, а кроме того, легко договаривается с другой добропорядочной страной о совместном нажиме на экономическую политику Индии. Экономическое и в известной мере политическое сотрудничество с СССР является для нее неизбежным, если она не хочет потерять независимость. А этого не хотят все, даже наиболее правые и шовинистические группы. Так что официальные лица держатся с русскими самого дружелюбного, лучшего из дипломатических, тона.

Советская помощь и советская внешняя торговля в основном идут по государственным каналам. Но представители деловых кругов Индии не теряют надежды убедить великую индустриальную державу, что с ними стоит иметь дело.

Наибольшим разнообразием отмечены, конечно, взгляды интеллигенции.

Для убежденных сторонников коммунизма, а их в Индии не так уж мало, наша страна — воплощение жизненного идеала. Встречи с такими людьми всегда проходили тепло и оставляли радостное чувство.

Пока еще многочисленна другая группа интеллигенции, тоже доброжелательно принимающая советского человека. Это специалисты — химики, физики, математики, техники и т. п., учившиеся в СССР. Они обычно не коммунисты, но они прожили у нас по нескольку лет, как правило, лучших, молодых лет, узнали наш народ и сохранили любовь к нему.

В Дели я познакомился с юной парой. Оба окончили Университет дружбы народов им. П. Лумумбы. Он — экономист, она — химик. Встретились они в Москве и, к счастью, оказались одной касты и даже из одной и той же местности в штате Майсур. Так что для их свадьбы препятствия не было. Оба ведут научную работу и на хорошем счету в своих учреждениях, потому что могут пользоваться материалами на русском языке, недоступными для других.

В Нагпуре я провел вечер с семьей Маджумдар, интересной в другом отношении. Он металлург, работает на комбинате в Бхилаи. Повышал квалификацию на «Азовстали» в г. Жданове. Она бывшая работница чулочной фабрики в Жданове. Познакомились четыре года назад на танцплощадке в Парке культуры, полюбили друг друга. Теперь у них двое мальчиков: Ашок и Кумар. Миссис Маджумдар сознательно и целеустремленно приняла индийский образ жизни. Носит сари, полюбила острые блюда, ест, само собой разумеется, руками. Но она не чувствует отрыва от Родины — в Бхилаи много русских, в клубе идут советские фильмы. Собирается навестить своих родственников в Жданове.

Я вовсе не хочу сказать, что этот способ сближения народов является наилучшим. Положение женщины в Индии так отличается от нашего, что не все к этому привыкают. Например, в Калькутте живет другая русская женщина, миссис Бос, которая мечтает о том, чтобы вернуться домой, оставив всю экзотику. Конечно, у нее иные условия: муж — капитан дальнего плавания, его месяцами не бывает дома, она живет со свекром и свекровью и буквально заточена в четырех стенах, как полагается жене индийца.

Среди интеллигентов есть люди, относящиеся к нашей стране критически. Им не нравится, что Советский Союз слишком много внимания уделяет повышению материального благосостояния своего народа. Им кажется, что СССР должен все

имеющиеся у него средства направлять на поддержку революционного движения в других странах. Им не нравится также и экономическое сотрудничество между капиталистической Индией и Советским Союзом.

Их оценки индийско-советских межгосударственных отношений основываются на принятии желаемого за действительное. Им бы хотелось, чтобы в Индии началась революция. Они от всей души ненавидят капитализм. И вот им уже кажется, что пора свергнуть правительство Национального конгресса, национализировать всю промышленность, кооперировать крестьян.

Между тем капитализм может развиваться по-разному. В Индии в связи с этим сейчас идет серьезная политико-экономическая борьба. Тот путь, который отстаивают центристские и левые круги Конгресса—через развертывание государственного сектора, некоторое ограничение монополий, централизованное регулирование частного предпринимательства, — является более прогрессивным, чем тот, который предлагают партии «Джан сангх» и «Сватантра».

Самая многочисленная группа интеллигенции, большей частью беспартийная, идеологически довольно пестрая, но объединенная желанием видеть свою страну сильной державой, живущей в мире со всеми государствами, питает к СССР чувства симпатии.

Авторитет нашей страны небывало вырос после Ташкента, интересоваться всем советским стало модой. Слово «Ташкент» было весьма популярным. Им назвали несколько городов, например Бурхван в Уттар Прадеше, многие улицы, в том числе одну из главных улиц Аллахабада.

Однажды мы проезжали на машине по Палгхату — перевалу Западных Гхатов, связывающему Кералу с остальной Индией. И вдруг среди лавчонок, выстроившихся по обеим сторонам шоссе, мы увидели домик с надписью: «Кафе Ташкент». Сколько еще разного рода Ташкентов в Индии, никто сказать не может.

Еще недавно человек, знающий русский язык, был большой редкостью в Индии. Помню, в 1963 г. меня растрогала встреча в маленьком городке Мадурай. Директор местного колледжа, математик, увлекавшийся шахматами, изучал русский язык. Самостоятельно. Сначала он хотел научиться читать советскую шахматную литературу — благо там не так много текста. Потом открыл, что уже может читать русские книги по специальности — тоже обычно немногословные, и лишь затем решил изучать язык дальше, чтобы добраться и до художественной литературы.

В 1968 г. встречи подобного рода меня уже не умиляли, хотя и были приятны; они стали довольно обычными. В Калькутте основано «Общество Толстого» (несколько сот членов) — клуб знающих и изучающих русский язык. В Дели живет много бывших студентов Университета им. П. Лумумбы. Одного или двух человек, умеющих кое-как объясняться по-русски, легко теперь найти почти в любом индийском городе. Более того, индеец, говорящий по-русски, может оказаться случайным попутчиком в поезде, как это было, когда я ехал в Нагпур.

Изучение русского языка в Индии приобретает все более четкие организационные формы. Помимо Института русских исследований в Дели, где очень серьезно поставлено преподавание языка, литературы, истории нашей страны, постоянные, хотя и факультативные курсы русского языка введены во многих университетах: в Калькуттском, Уткальском, Ассамском, Пунском, Майсурском, Джайпурском — это те, в которых я сам был. В Мадурай, где когда-то я встретил математика-шахматиста, организованы недавно регулярные курсы русского языка. Обучают языку не только советские люди, но иногда уже и индийцы, проходившие практику в СССР.

Интерес к языку отражает стремление лучше понять наш народ и познакомиться с его культурой. В Индии я узнал многих людей, искренне дружески расположенных к нам, но, пожалуй, особенно теплые, воспоминания сохранились у меня от посещений семейства Брахме, живущего в Пуне. Он руководит небольшой фирмой, берущей заказы на озеленение участков при домах и на разведение садов. Она экономист, работающий в

Институте экономики и политики. Интеллигентная семья бизнесмена. Но для них обоих характерно полное отсутствие снобизма, веселый и открытый нрав, естественность. Эти качества нечасты в их кругу.

Шанкар Брахме ездит обычно в третьем классе поезда. Ему больше нравится тамошняя публика. Если же ему случается ехать в первом классе, он любит заводить разговор с попутчиками о необходимости революции в Индии и доводить их до бешенства.

Нет, Брахме не коммунист, но он человек исключительно острого критического ума, хорошо видящий отрицательные стороны современного социального строя Индии.

Обычно русские, попадающие в Пуну, делаются гостями супругов Брахме. Надо сказать, что многие; индийские семьи приглашают русских в гости, но мотивы бывают разные. Иногда это любопытство к «настоящему русскому», «живому коммунисту». Иногда это космополитическое влечение ко всему иностранному. Благожелательность же, с которой супруги Брахме ищут русских и стараются им помочь, лишена этих неприятных оттенков и настолько необычна, что мне хотелось найти ей объяснение.

Я не придумал ничего лучшего и просто спросил у миссис Брахме:

— Мне показалось, что вы с мужем стремитесь; увидеть побольше советских людей. Почему?

Она ответила, как всегда, без жеманства и рисовки, серьезно:

— Да, нам нравятся русские. Почему? Мы даже не совсем отдаем себе отчет. Наверное потому, что они открытые, искренние люди, с ними интересно говорить. До сих пор мне вспоминается теплый вечер в Пуне, темное лицо Шанкара и голубые глаза его супруги, открытые улыбки их обоих, когда мы сидели в маленьком садике под отчаянно блистающими звездами и круглой луной и пили чай, знаменитый индийский чай; поданный, учитывая наши вкусы, не с молоком, а с лимоном. Было так уютно, словно на минуту попал домой.

Визит к Брахме — наиболее яркое, но не единственное воспоминание о проявлении дружеских чувств индийцев. Они очень помогли мне и помогают тем советским людям, которые сейчас там, переносить разлуку с Родиной.

Нельзя закончить эту главу, не сказав о том, что в Индии у нас есть и недруги. Прежде всего это, конечно, те реакционеры, которые стремятся заставить Индию свернуть с пути нейтралитета и неприсоединения к блокам. Для них даже «демократический социализм» индийского образца неприемлем, коммунизм же вызывает у них просто приступы ненависти. Особенно интересно, что многие «святые», играющие большую роль в политике и проповедующие веротерпимость и уважение к любым взглядам, не проявляют никакой терпимости, когда речь заходит о коммунистических идеях.

Именно эти круги пользуются всяким поводом, чтобы вызвать антисоветские выступления. Как я сказал, они нечасты, но в условиях, когда империалистическая пропаганда может свободно проникать в Индию, опасность антисоветизма в этой стране нельзя недооценивать.

И все же наши народы, не имеющие спорных вопросов и никогда не враждовавшие, безусловно, продолжают сближаться. Недавно подписанный Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Индией свидетельствует, что есть все возможности для развития этой дружбы впредь.

Леонид Борисович Алаев
ТАКОЙ Я ВИДЕЛ ИНДИЮ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Л. Ш. Фридман*

Художник *В. В. Варлашин*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Л. Т. Михлина*

Корректор *М. К. Киселева*

Сдано в набор 19/1 1971 г. Подписано к печати 13/VIII 1971 г. А-11244. Формат 84X108'/зг. Бумага № 2. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 15,92. Тираж 50000 экз.

Изд. № 2717. Зак. № 152. Цена 96 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».

Москва, Краснопролетарская, 16.